

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Социология. Политология

2024

Том 24

Выпуск 3

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
SOCIOLOGY. POLITOLOGY

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2024 Том 24

ISSN 1818-9601 (Print)

ISSN 2541-8998 (Online)

Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

Рожкова Л. В., Воробьев В. П., Сеидов Ш. Г. Динамика
внешнеполитических ориентаций современной студенческой молодежи 248

Шахбанова М. М. Общественно-политические установки молодого
поколения дагестанцев: через призму исламского вероучения
(по результатам социологического опроса) 256

Темаев Т. В., Сынкина О. П., Фирсова О. С. Формальные
и неформальные практики социального обслуживания пожилых граждан 267

Уфимцева Е. И. Практики обращения в православие возрастной
когорты 70+: модель «отложенного обращения» 274

Лебедева Л. Г. Ментально-поведенческие особенности
поколений россиян (по социологическим материалам) 286

Покатов Д. В. Элита и процесс ее воспроизводства в трудах
Н. И. Кареева: актуальные аспекты социологического анализа 295

Слово молодым социологам

Храмов Е. А. Социальные последствия воздействия иностранных СМИ
на протестную активность молодежи 301

Политология

Шестов Н. И. Поиск российской национальной идеи как фактор
современной государственной молодежной политики 305

Гаврюшина В. С., Трифонов Ю. Н. Идеино-ценностные основы
государственной политики в сфере общего образования
в контексте обеспечения образовательного суверенитета РФ 315

Вилков А. А. Особенности восприятия поколением Z
эволюции молодежной политики в современной России 322

Труханов В. А. Влияние социально-экономической
дифференциации молодежи на ее политическую идентичность 331

Кузнецов И. И., Атаманенко А. А. Репрезентация политических
идей в современных западных кинокомиксах 336

Насыров И. Р. Цифровизация международных связей
российских регионов (на примере Республики Татарстан) 343

Слово молодым политологам

Миловацкий И. А. Особенности политики по развитию
государственного контроля за фармацевтическим производством
в современной России 352

Купин Р. А. Внешние и внутренние угрозы как фактор риска
для ведения эффективной политической коммуникации
органов местного самоуправления 358

Журнал «Известия Саратовского
университета. Новая серия. Серия
«Социология. Политология»» заре-
гистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, инфор-
мационных технологий и массовых
коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-76650 от 26 августа 2019 года.
Учредитель: Федеральное государ-
ственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Саратовский национальный иссле-
довательский государственный уни-
верситет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень ре-
цензируемых научных изданий, в
которых должны быть опубликова-
ны основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на со-
искание ученой степени доктора
наук (категория К2, специальности:
5.4.1; 5.4.2; 5.4.3; 5.4.4; 5.4.5; 5.4.6;
5.4.7; 5.5.1; 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4)

Подписной индекс издания 36016.
Подписку на печатные издания можно
оформить в интернет-каталоге
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru).
Журнал выходит 4 раза в год.
Цена свободная.
Электронная версия находится
в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Дударева Светлана Сергеевна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

В оформлении издания использованы
работы художника Соколова Дмитрия
Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49,
52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.08.2024.

Подписано в свет 30.08.2024.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 13,95 (15,0).

Тираж 100 экз. Заказ 100-Т

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2024

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru/dlya-avtorov>

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

– текст статьи в электронном виде;

– сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегия серии в электронном виде по адресу: timur_temaev@mail.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

Rozhkova L. V., Vorobyev V. P., Seidov Sh. G. Dynamics of foreign policy orientations of contemporary students` youth 248

Shahbanova M. M. Socio-political attitudes of the younger generation of Dagestanis: Through the prism of Islamic doctrine (based on the results of the sociological survey) 256

Temaev T. V., Synkina O. P., Phirsova O. S. Formal and informal practices of social services for older citizens 267

Ufimceva E. I. Practices of conversion to Orthodoxy of the age cohort of 70+: The model of “deferred conversion” 274

Lebedeva L. G. Mental and behavioral features of Russians generations (on the basis of sociological materials) 286

Pokatov D. V. Elite and the process of its reproduction in the works of N. I. Kareev: Actual aspects of the sociological analysis 295

New Voices: Young Sociological Scientists' Research

Khramov E. A. Social consequences of the impact of foreign media the on young people`s protest activity 301

Politology

Shestov N. I. Search for the Russian national idea as a factor of modern state youth policy 305

Gavryushina V. S., Trifonov Yu. N. Ideological and value foundations of state policy in the field of general education in the context of ensuring educational sovereignty of the Russian Federation 315

Vilkov A. A. Peculiarities of Generation Z's perception of evolution of youth policy in modern Russia 322

Trukhanov V. A. Influence of socio-economic differentiation of youth on its political identity 331

Kuznetsov I. I., Atamanenko A. A. Representation of political ideas in modern western comics-movies 336

Nasyrov I. R. Digitalization of international relations of Russian regions (the case of the Republic of Tatarstan) 343

New Voices: Young Political Scientists' Research

Milovatskiy I. A. Features of the policy for the development of state control over pharmaceutical production in modern Russia 352

Kupin R. A. External and internal threats as a risk factor for effective political communication of local governments 358

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Темаев Тимур Вадудович, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Баттерфилд Джим, Ph.D. (Каламазу, США)

Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, доцент (Пенза, Россия)

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Готлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)

Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Казakov Александр Александрович, доктор полит. наук, доцент (Саратов, Россия)

Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
SOCIOLOGY. POLITOLOGY”**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Timur V. Temaev (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)

Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)

Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)

Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)

Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)

Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)

Marina E. Elutina (Saratov, Russia)

Alexander A. Kazakov (Saratov, Russia)

Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)

Arbakhhan K. Magomedov (Moscow, Russia)

Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)

Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)

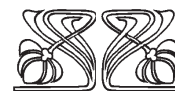
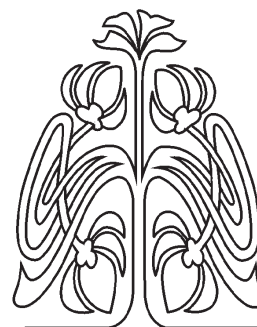
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)

Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)

Irina M. Fadeeva (Moscow, Russia)

Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)

Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

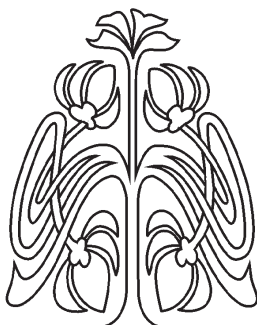
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 248–255

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 248–255

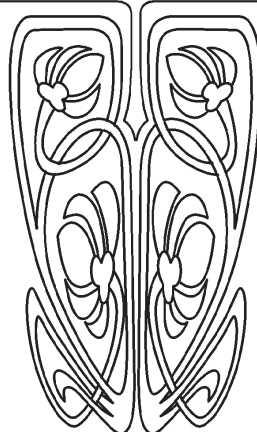
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-248-255>

EDN: DTPJFO

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Научная статья
УДК 316

Динамика внешнеполитических ориентаций современной студенческой молодежи

Л. В. Рожкова , В. П. Воробьев, Ш. Г. Сеидов

Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Рожкова Лилия Валерьевна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Социология, экономическая теория и международные процессы», matavaeva_lv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>

Воробьев Владимир Павлович, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры «Менеджмент и государственное управление», stlem2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1482-3740>

Сеидов Шахрутдин Гаджиалиевич, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры «Государственно-правовые дисциплины», tabaris@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0869-9197>

Аннотация. Исследования внешнеполитических ориентаций россиян являются чрезвычайно значимыми для современного российского общества и требуют комплексного анализа в контексте происходящих трансформаций мирового порядка. Для проведения самостоятельной и независимой внешней политики обязательна ее поддержка со стороны населения, формирование устойчивых внешнеполитических ориентаций, актуальных представлений о проводимом внешнеполитическом курсе РФ со стороны представителей различных социальных групп. В фокусе исследовательского интереса – социологический анализ внешнеполитических ориентаций современной молодежи. Именно сегодняшние молодые люди в ближайшем будущем придут на ключевые посты руководящего состава страны и будут определять основные приоритеты и направления внешней политики нашей страны. Исследования динамики внешнеполитических ориентаций современной молодежи способны дать объективную и достоверную информацию, которая может послужить основой для формирования позитивного образа России в массовом сознании, понимания и принятия проводимого внешнеполитического курса страны современными молодыми людьми. Изучение отношения различных групп населения к внешней политике России проводится по большей части общероссийскими социологическими центрами, но практически отсутствуют региональные исследования, в том числе исследования среди молодежи разных российских регионов по представленной проблематике в современных условиях нестабильной международной среды. На основе материалов авторских и всероссийских социологических исследований проводится анализ структуры и динамики внешнеполитических ориентаций россиян в целом и молодежи в частности, изучается их отношение к разным направлениям внешней политики страны и отдельным международным событиям.

Ключевые слова: внешняя политика, Россия, внешнеполитические ориентации, россияне, студенческая молодежь

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания в сфере общественно-политических наук в 2024 г., проект «Конфигурация внешнеполитических ориентаций современной молодежи: устойчивость vs лабильность в условиях геополитических вызовов и международной напряженности» (FSGE-2024-0005) 1024021300038-2-5.4.1;5.6.1.

Для цитирования: Рожкова Л. В., Воробьев В. П., Сеидов Ш. Г. Динамика внешнеполитических ориентаций современной студенческой молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 248–255. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-248-255>, EDN: DTPJFO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Dynamics of foreign policy orientations of contemporary students` youth

L. V. Rozhkova ✉, V. P. Vorobyev, Sh. G. Seidov

Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

Liliya V. Rozhkova, mamaeva_lv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>

Vladimir P. Vorobyev, stlem2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1482-3740>

Shakhrutdin G. Seidov, tabaris@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0869-9197>

Abstract. Studies of foreign policy orientations of Russians are extremely significant for modern Russian society and require comprehensive analysis in the context of ongoing transformations of the world order. To carry out separate and independent foreign policy, it is necessary to support it from the population, to form of stable foreign policy orientations, and current ideas about the ongoing foreign policy of the Russian Federation on the part of the representatives of various social groups. The focus of research interest is the sociological analysis of foreign policy orientations of contemporary youth. Young people in the near future will come to key positions in the country's leadership and will determine the main priorities and directions of our country's foreign policy. The research of the dynamics of foreign policy orientations of contemporary youth can provide objective and reliable information that can serve as the basis for formation of positive image of Russia in the mass consciousness, understanding and acceptance of the country's foreign policy course by contemporary young people. The study of attitude of various population groups to Russian foreign policy is carried out for the most part by all-Russian sociological centers, but there are practically no regional studies, including the studies among young people of different Russian regions on the presented issues in modern conditions of the unstable international environment. The analysis of structure and dynamics of foreign policy orientations of Russians and youth, based on the materials from the authors' own and all-Russian sociological research is carried out; their attitude to different directions of the country's foreign policy and individual international events is studied.

Keywords: foreign policy, Russia, foreign policy orientations, Russians, student youth

Acknowledgements: The research was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of state assignment in field of socio-political sciences in 2024, the project "Configuration of foreign policy orientations of modern youth: stability vs lability in context of geopolitical challenges and international tension" (FSGE-2024-0005) 1024021300038-2-5.4.1;5.6.1.

For citation: Rozhkova L. V., Vorobyev V. P., Seidov Sh. G. Dynamics of foreign policy orientations of contemporary students` youth. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 248–255 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-248-255>, EDN: DTPJFO

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

2014 год стал годом кардинальных трансформаций и был связан в том числе с изменением вектора российской внешней политики, постепенным свертыванием интеграции со структурами Запада. За ним последовал еще более жесткий период, 2022 год, когда Россия вступила в борьбу с США и странами Запада за стратегическое мировое доминирование. В условиях беспрецедентного давления, санкционной политики, информационной войны со стороны Запада остро встал вопрос о возможностях России противостоять этим нарастающим негативным процессам. Одним из факторов, способных обеспечить проведение независимого, твердого внешнеполитического курса РФ, выступает потенциал российской нации [1, с. 23]. Как справедливо отмечают

Т. К. Ростовская и Р. А. Мулжанова, отношение современной молодежи к внешнеполитическим процессам способствует выявлению готовности к поддержке страны в рамках внешнеполитического пространства и к их политическому участию в различных формах. Также важно и понимание того, разделяет ли современная молодежь ценности, которые государство реализует в рамках внешнеполитической деятельности [2, с. 101].

Анализ научной литературы показывает, что, несмотря на наличие небольшого числа публикаций и исследований, касающихся внешнеполитических ориентаций россиян (Т. К. Ростовская, Р. А. Мулжанова [2], М. К. Горшков, В. В. Петухов [3], И. Задорин, Д. Коноваленко [4] и др.), рассматриваемая проблематика пред-

ставлена в литературе недостаточно; чаще анализируются внешнеполитические ориентации стран, регионов, правительств. В настоящее время отсутствуют четкие определения таких понятий, как «внешнеполитические ориентации», «внешнеполитические представления», а также не представлена теоретическая основа системы внешнеполитических ориентаций, рассматриваемых не как самостоятельный феномен, а лишь как составной компонент политических ориентаций и ценностей россиян, что, с одной стороны, является справедливым, но, с другой стороны, затрудняет процесс анализа их сущности, структуры и динамики.

По мнению Г. В. Осипова, ориентация может быть рассмотрена с нескольких точек зрения, в общем смысле как «способность разбираться в окружающей обстановке, осведомленность» [5, с. 225]. Исследователь И. Окунев подчеркивает, что «внешняя политика любого государства, включая Россию, основывается не только на объективных предпосылках, но и на субъективных представлениях» [6]. В рамках критической геополитики используется понятие «геополитический код» страны, который являет собой «совокупность ключевых представлений жителей страны и политических элит о своем месте в мире, внешнеполитической стратегии и национальных приоритетах» [6]. Таким образом, внешнеполитические ориентации можно рассматривать как осведомленность, совокупность мнений, представлений, оценок россиян, их отношения к различным аспектам внешнеполитического курса страны: оценка роли России в мире, интерес к внешней политике и анализ ее основных составляющих – национальные интересы, цели, приоритеты, субъекты, механизмы и др.

Цель нашего исследования – анализ динамики внешнеполитических ориентаций современной студенческой молодежи. В числе основных задач – выявление интереса к внешней политике, международным событиям, оценок характера и направленности современной внешней политики Российской Федерации. С этой целью были проведены авторские исследования среди студентов Пензенского государственного университета очной формы обучения в 2023 г. (анкетный опрос, $n = 393$) и в 2024 г. (анкетный опрос, $n = 351$); выборки квотные по полу и курсу обучения. Также использовались данные межрегионального социологического исследования среди студентов

вузов Поволжья в 2019 г. ($n = 600$ чел.; Саратов, Татарстан, Чувашия, Нижний Новгород) [2].

Данные опроса ВЦИОМ еще в 2000 г. показали, что 37,5% россиян испытывают «большой интерес» к событиям, происходящим в зарубежных странах, и еще 41,0% испытывали «слабый интерес» [4]. Анализируя молодежную выборку, можно сказать, что среди молодежи также присутствует интерес к внешнеполитическим событиям. Так, по данным исследования Т. К. Ростовской 2019 г., более 76,0% опрошенных проявляли интерес к внешнеполитической ситуации, 8,0% интересовались ею от случая к случаю, а для 16,0% респондентов она была неинтересна. При этом молодые люди уделяли достаточно большое внимание к просмотру новостей о происходящих внешнеполитических событиях (50,0% всегда и 28,0% иногда ими интересуются) [2, с. 101].

И. Задорин и Д. Коноваленко отмечают, что «сам процесс внешнеполитического информирования ... носит “импульсный” характер и хронологически привязан к тем или иным значимым новостям и событиям» [4]. Наиболее часто упоминаемыми внешнеполитическими событиями периода 2014–2015 гг. были украинский кризис (присоединение Крыма, война на Донбассе) – 75,0%, антироссийские санкции – 64,0%, война в Сирии – 62,0%, ухудшение отношений России с США и Европой – 47,0% [2, с. 102]. Исследователи также подчеркивают, что среди россиян присутствует повышенная информационная восприимчивость к событийному контексту, а «в отсутствии его однотипных интерпретаций (объяснений) внешнеполитические ориентации россиян в целом не могут сохранять однородность и устойчивость» [4].

Следует отметить, что, по данным Левада-центра (признан иноагентом), в октябре 2023 г. за событиями на Украине 20,0% респондентов следили «очень внимательно» и еще 29,0% «довольно внимательно». Поддерживают СВО 76,0% россиян (среди молодых людей определено поддерживают в группах 18–24-летних – 28,0%, а 25–39-летних – 37,0%) [7].

Материалы авторских исследований показали, что студенты в основном следят за мировыми политическими событиями (46,6% в 2023 г. и 43,6% в 2024 г.). Интересным представляется и анализ их отношения к важным внешнеполитическим событиям, произошедшим за последние годы (рис. 1).

<p>Вхождение в 2014 г. Крыма принесло: Скорее больше пользы – 46,2% Скорее больше вреда – 10,3% Затруднились ответить – 43,6%</p>	<p>Решение о включении в 2022 г. в состав РФ новых субъектов (ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей) было: Правильным – 45,3% Неправильным – 4,3% Затруднились ответить – 50,4%</p>
<p>Решение о начале СВО на Украине было: Правильным – 32,5% Неправильным – 8,5% Затруднились ответить – 59,0%</p>	<p>Если бы была возможность вернуться в прошлое и отменить СВО, Вы бы отменили: Да и скорее да – 24,7% Нет и скорее нет – 15,4% Затрудняюсь ответить – 62,9%</p>

Рис. 1. Отношение студентов к некоторым внешнеполитическим событиям, 2024 г., n = 351

По данным исследования 2024 г., в числе основных целей СВО, по мнению студентов: обеспечение безопасности России, демилитаризация Украины и недопущение ее вступления в НАТО (48,7%); далее следуют защита жителей ДНР и ЛНР (35,9%) и денацификация – отстранение от власти националистов (23,9%). Следует также отметить, что, по данным опроса 2023 г., НАТО представляет основную угрозу для России: треть студентов (30,0%) отметили,

что относятся к НАТО скорее отрицательно.

Интересным был вопрос о том, кто, по оценкам студентов, оказал влияние на формирование их внешнеполитических ориентаций. В первую очередь, респонденты назвали СМИ, далее следуют семья, друзья, сокурсники (табл. 1). Это коррелирует с данными исследования 2019 г. Основным источником информации о внешней политике в молодежной среде являются социальные сети (87,0%) [2, с. 102].

Таблица 1

Агенты влияния на формирование внешнеполитических ориентаций студентов, n = 351, многовариантные ответы

Варианты ответов	%
Образовательные учреждения	24,8
Родители, родственники	39,3
Окружающие люди, друзья, сокурсники	27,4
СМИ, книги, пресса, кино	41,0
Органы власти: федеральные и региональные	11,1
Общественные организации	8,5
Затрудняюсь ответить	29,1

В 2023 г. принята новая Концепция внешней политики Российской Федерации, в которой впервые была выдвинута формула, содержащая «многослойный» характер вызовов и угроз РФ через: «национальный интерес – стратегические цели – задачи» [8]. По данным авторских исследований, в числе основных национальных интересов России во внешнеполитической сфере студенты и в 2023 г., и в 2024 г. выделили защиту суверенитета государства, прав и свобод россиян; укрепление международного мира; а в числе основных приоритетов

русской внешней политики – безопасное, мирное существование РФ и восстановление авторитета России как ведущей мировой державы (рис. 2).

Исследование ВЦИОМ 2023 г. выявило, что 59,0% опрошенных считают, что Россия сегодня отстаивает свои национальные интересы вне зависимости от позиций других стран [9]. По результатам авторских исследований 2023 и 2024 гг., такого мнения придерживается большая часть студентов (54,6 и 47,9% соответственно).

Рис. 2. Внешнеполитические ориентации студентов в отношении национальных интересов и внешнеполитических приоритетов РФ (основные параметры); 2024 г., n = 351; 2023 г., n = 393

В соответствии с Концепцией внешней политики Российской Федерации 2023 г. Россия «выполняет исторически сложившуюся уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил и выстраиванию многополярной международной системы» [10]. По данным исследований, 39,4% опрошенных в 2023 г. и

38,4% в 2024 г. были согласны с тем, что Россия играет роль мирового лидера по поддержанию глобального миропорядка. Интересно, что среди тех молодых людей, которые были согласны с этой ролью нашей страны, характеризуют ее как сильную и справедливую (табл. 2).

Таблица 2

Характеристика современной России и роль России как мирового лидера по поддержанию глобального миропорядка, %, 2024 г., n = 351

Характеристика современной России	Согласие с ролью России как мирового лидера по поддержанию глобального миропорядка		
	согласен	не согласен	затрудняюсь ответить
Комфортная	52,4	4,8	42,9
Передовая	50,0	–	50,0
Сильная	55,9	5,9	38,2
Справедливая	60,0	–	40,0
Независимая	40,0	8,0	52,0
Затрудняюсь ответить	3,3	10,0	86,7

По поводу проводимой внешней политики студенты считают, что действия В. Путина в отношении стран Запада носят в целом сбалансированный характер (38,5% в 2024 г. и 50,4% в 2023 г.). Большая часть опрошенных затруднились оценить результаты внешней политики России за прошлый 2023 г., но 39,3% отметили большие успехи (о неудачах высказались только 8,5% респондентов).

Категория «великая держава» не имеет четкого и точного толкования. Иногда ис-

пользуется понятие «сверхдержава», которая, по мнению З. Бжезинского, обладает военными, научно-техническими, экономическими, культурными ресурсами [11]. В целом понятие «великая держава» относится к тем странам, которые играют значительную роль в системе международных отношений [12, с. 94]. По данным авторских исследований, Россия сегодня «великая держава» (40,2%), и влияние ее в мире в последние годы (2022–2024 гг.) растет (35,9%) (рис. 3).

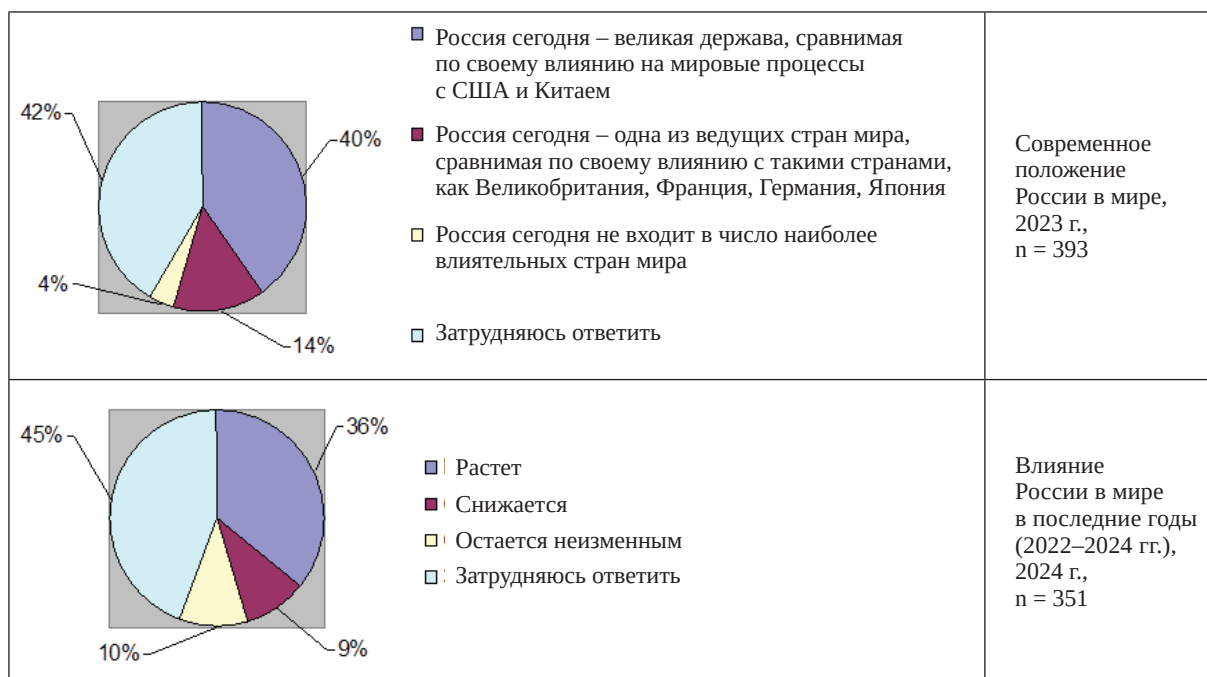

Рис. 3. Оценка положения и влияния России в мире (цвет онлайн)

Несмотря на ставшую крылатой фразу Александра III, что у России «во всем свете только два верных союзника – армия и флот» [6], несомненно, важно в современном мире выстраивать отношения в рамках действующей международной системы с различными странами. В этой связи актуален вопрос о братских / дружественных и враждебных / недружественных странах. Так, в 2019 г. к числу дружественных стран относились: Беларусь, Китай и Казахстан (по опросу ФОМ) [см.: 6], а к недружественным – США, Украина и Великобритания. По данным опроса 2019 г. среди студентов вузов ПФО, были выявлены подобные мнения о лояльных по отношению к России странах. Это Китайская Народная Республика, Белоруссия и Казахстан, а США, Украина и Великобритания были в числе не дружелюбных к России стран [2, с. 107].

Участники авторского опроса 2023 г. отметили в числе дружественных стран России Китай и Беларусь, реже назывались: Сербия и Индия. В числе наиболее недружественно, враждебно настроенных по отношению к России студенты чаще всего называли США; далее следовали страны ЕС, НАТО, Украина.

Как отмечает И. Окунев, метафора «матрешки» применима при характеристике российской внешней политики на постсоветском пространстве (при снижении уровня экономи-

ческой интеграции и политической сплоченности), где самая маленькая матрешка – интеграция с Абхазией, Южной Осетией; далее крупнее – Союзное государство России и Беларуси, ЕврАзЭС, ОДКБ; далее – СНГ [6]. Анализ Концепций внешней политики с 1993 по 2023 г. показывает, что региональные приоритеты неизменны и основная роль отводится странам СНГ, в том числе сотрудничеству в рамках ЕврАзЭС, ОДКБ.

По данным опроса Gallup International и Ромир в конце 2021 г. (45 стран), треть опрошенных – 29% – рассматривают внешнюю политику России как стабилизирующую мир (чаще в Албании (86%), Вьетнаме (76%), Сербии (64%), Казахстане (62%) и Индии (57%)), а 45% респондентов говорят о дестабилизирующем характере внешней политики России (чаще – жители Украины (74%), Австрии (70%), Германии, Косово и Польши (по 69%)). В то же время 41% участников опроса отметили, что США больше дестабилизируют, чем стабилизируют международную обстановку (39%); политика Китая – больше дестабилизирует (47% против 29% ответивших, что стабилизирует); политика ЕС больше стабилизирует (46%), чем дестабилизирует (28%) [13].

По данным авторского исследования 2024 г., в большей степени стабилизирует обстановку в мире политика России и Китая (табл. 3), что

неудивительно, поскольку большая часть студентов испытывают к России любовь (61,5%), гордость (49,6%) и уважение (65,8%). По мнению студентов, сегодня Россия должна укреп-

лять, в первую очередь, отношения со странами Азии (34,2% опрошенных), Африки (19,7%), Восточной Европы (17,1%), Западной Европы (15,4%), с США, Канадой (9,4%).

Таблица 3

Характеристика политики стран как стабилизирующей или дестабилизирующей обстановку в мире, %, 2024 г., n = 351

Страны	Стабилизирует	Дестабилизирует	Затрудняюсь ответить	Итого
Россия	59,8	8,5	31,7	100,0
США	6,8	53,8	39,4	100,0
Китай	50,4	7,7	41,9	100,0
ЕС	13,7	38,5	47,8	100,0

Материалы авторских исследований показали, что, по мнению студентов, руководство нашей страны уделяет внешней политике достаточное внимание (52,4% в 2023 г. и 52,1% в 2024 г.). В целом большинство опрошенных молодых людей (74,0% в 2024 г.) «частично» или «полностью» поддерживают проводимую внешнюю политику Российской Федерации.

Таким образом, по результатам проведенного анализа можно сделать ряд основных выводов. Внешнеполитические ориентации рассматриваются как осведомленность, совокупность представлений, мнений, оценок россиян, их отношения к различным аспектам внешней политики страны. Современные студенты в основном следят за мировыми политическими событиями. Их отношение к решению территориальных вопросов в отношении Крыма и Донбасса чаще положительное; а треть молодых людей считают правильным начало специальной военной операции на Украине. В числе основных целей СВО, по мнению студентов, выступают обеспечение безопасности России, демилитаризация Украины и недопущение ее вступления в НАТО. Следует также подчеркнуть, что НАТО студенты рассматривают как основную угрозу для России. На формирование отношения студентов к различным аспектам внешней политики России оказали влияние СМИ, семья, друзья, сокурсники. В числе основного национального интереса РФ во внешнеполитической сфере студенты выделили защиту суверенитета страны, а в числе основного приоритета внешней политики – безопасное, мирное существование РФ. Большая часть студентов считают, что сегодня Россия предпринимает активные попытки отстаивания своих национальных интересов и

играет роль мирового лидера по поддержанию глобального миропорядка. Около четвертой части студентов, участвующих в опросе, характеризуют Россию как «великую державу» и отмечают рост ее влияния в мире в последние годы (2022–2024 гг.). В числе дружественных стран студенты называют Китай и Беларусь, а в числе недружественных – США (лидирует с большим отрывом), страны ЕС, НАТО, Украину. В большей степени стабилизирует обстановку в мире политика России и Китая. Внешнеполитические действия Президента РФ в отношении стран Запада, по мнению студентов, носят в целом сбалансированный характер. Около четверти респондентов считают, что во внешней политике России за 2023 г. было больше успехов, и полагают, что руководство страны уделяет ей достаточное внимание. В целом большинство молодых людей поддерживают проводимый внешнеполитический курс Российской Федерации.

Список литературы

1. Рожкова Л. В., Дубина А. Ш. Внешнеполитический курс современной России в оценках студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 3. С. 20–40. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-3-2>
2. Ростовская Т. К., Мулжанова Р. А. Внешнеполитические ориентации студенческой молодежи // Декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Российское социальное государство и гражданское общество в реализации стратегии прорыва: результаты и резервы / под ред. С. В. Рязанцева, В. К. Левашова, Т. К. Ростовской. [Электронное издание]. М. : Перспектива, 2019. С. 100–112. <https://itdperspectiva.page.link/ispirandec2019> (дата обращения: 09.03.2024).

3. Горшков М. К., Петухов В. В. Внешнеполитические ориентации россиян в контексте вызовов современной глобальной политики // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной ; ред. совет : А. В. Торкунов, А. В. Сморгун, В. Г. Барановский, А. И. Никитин [и др.]. М. : Аспект Пресс, 2016. С. 606–634.
4. Задорин И., Коноваленко Д. Внешнеполитические ориентиры россиян: чувствительность и устойчивость к информационному воздействию. 2002. URL: https://www.zircon.ru/upload/iblock/c86/Vneshnepoliticheskie_orientacii_rossijan.pdf (дата обращения: 09.03.2024).
5. Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г. В. Осипова. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2000. 488 с.
6. Окунев И. Геополитические коды России – внешнеполитическая стратегия и национальные приоритеты. 27 февраля 2020. URL: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/geopoliticheskie-kody-rossii-vneshnepoliticheskaya-strategiya-i-natsionalnye-prioritety/> (дата обращения: 01.03.2024).
7. Конфликт с Украиной: оценки октября 2023 года. Опрос Левада-центра (признан иноагентом). 30.10.2023. URL: <https://www.levada.ru/2023/10/31/konflikt-s-ukrainoj-otsenki-oktyabrya2023-goda/> (дата обращения: 08.03.2024).
8. Лебедева О., Бобров А. Концепция внешней политики России 2023: стратегия многополярного мира. 2.05.2023 // РСМД. URL: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/kontsepsiya-vneshney-politiki-rossii-2023-strategiya-mnogopolyarnogo-mira/> (дата обращения: 01.03.2024).
9. Внешнеполитический курс России: в борьбе за суверенитет. Опрос ВЦИОМ. 10.04.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vneshnepoliticheskii-kurs-rossii-v-borbe-za-suverenitet> (дата обращения: 03.03.2024).
10. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ 31.03.2023 № 229. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 09.03.2024).
11. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геополитические императивы. М. : Международные отношения, 2009. 278 с.
12. Рожкова Л. В., Розенберг Н. В., Дубина А. Ш., Сальникова О. В. Россия в современном миропорядке: представления и оценки студенческой молодежи // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2023. Т. 11, № 2. С. 86–99. <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2023-11-2-9>
13. Ромир/Gallup International: Индекс поддержки внешней политики сверхдержав. URL: <https://romir.ru/romirgallup-international-indeks-podderjki-vneshney-politiki-sverhderjav> (дата обращения: 09.03.2024).

Поступила в редакцию 18.03.2024; одобрена после рецензирования 08.04.2024; принята к публикации 17.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 18.03.2024; approved after reviewing 08.04.2024; accepted for publication 17.05.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 256–266

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 256–266

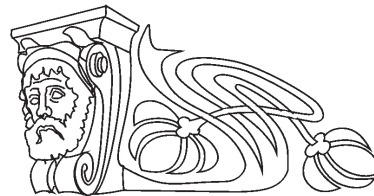
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-256-266>, EDN: ANVQZR

Научная статья

УДК 316.347(470.62)

Общественно-политические установки молодого поколения дагестанцев: через призму исламского вероучения (по результатам социологического опроса)

М. М. Шахбанова

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Россия, 367030, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, д. 75

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, madina2405@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

Аннотация. На начальном этапе религиозного возрождения деятельность конфессиональных институтов была несколько пассивной, однако в настоящее время наблюдается ее активизация, которая выражается в расширении пространства влияния религиозных деятелей, ориентации населения на одновременное получение религиозного и светского образования, приобщении большого пласта населения к религиозным знаниям. В статье выдвигается гипотеза о повышении роли традиционных вероисповеданий и религиозных институтов в социальных процессах современного российского социума. Следовательно, изучение религиозной составляющей в данном контексте исламского фактора с позиций прогнозирования и оценки его роли в современном дагестанском обществе приобретает особую значимость, ибо позволит обозначить траекторию развития государственно-конфессиональных взаимоотношений, выработать эффективную религиозную политику и положения, не нарушающие светский характер государственного устройства России. Анализируется восприятие и оценка молодым поколением дагестанцев исламского учения в общественно-политической жизни республики. Аналитика показывает доминирование в массовом сознании дагестанской молодежи позиции о государственном устройстве, базирующемся на исламском учении; автор предполагает отсутствие у молодого поколения понимания сути и специфики правления, основанного на мусульманских постулатах. Как показал социологический опрос, проведенный в 2023 г., дагестанская молодежь последовательна в своих позициях и в решении спорных вопросов в самых разных социальных сферах (экономическая деятельность, земельный спор между владельцами, семейный конфликт, домашнее насилие и т.д.) предпочтение отдает шариатскому суду, который приобрел большой авторитет в повседневной жизни населения Дагестана. В массовом сознании молодого поколения республики имеет место приоритетность мусульманского учения и обозначение особого его статуса, что является деструктивным явлением, ибо способно формировать религиозную интолерантность и дестабилизировать дагестанское общество. Функцию религиозного учения в общественной жизни молодое поколение дагестанцев связывает с распространением основ религии и религиозной морали, духовно-нравственным воспитанием и благотворительностью.

Ключевые слова: ислам, религия, религиозные постулаты, дагестанская молодежь, политическая деятельность, политическое участие, общественная жизнь

Для цитирования: Шахбанова М. М. Общественно-политические установки молодого поколения дагестанцев: через призму исламского вероучения (по результатам социологического опроса) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 256–266. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-256-266>, EDN: ANVQZR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**Socio-political attitudes of the younger generation of Dagestanis: Through the prism of Islamic doctrine
(based on the results of the sociological survey)**

M. M. Shahbanova

Dagestan Federal Research Center of the RAS, 75 Yaragskogo St., Makhachkala 367030, Russia

Madina M. Shahbanova, madina2405@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

Abstract. At the initial stage of the religious revival, the activity of confessional institutions was somewhat passive, but now it is being intensified, which is expressed in the expansion of the space of influence of religious figures, the orientation of the population to simultaneously receive religious and secular education, and the introduction of a large layer of the population with religious knowledge. The article puts forward the hypothesis about the increasing role of traditional faiths and religious institutions in the social processes of modern Russian society. Consequently, the study of the religious component, in this context of the Islamic factor, from the standpoint of forecasting and assessing its role in modern Dagestan

society, acquires special significance, because it will allow us to outline the trajectory of development of state-confessional relations, develop effective religious policies and provisions that do not violate the secular nature of the state devices of Russia. The perception and assessment of Islamic teachings in the socio-political life of the republic by the younger generation of Dagestanis is analyzed. The analysis shows the dominance in the mass consciousness of Dagestan youth that the position on the state structure is based on Islamic teachings; the author assumes that the younger generation lacks the understanding of the essence and specifics of government based on Muslim postulates. The surveyed Dagestan youth are consistent in their positions and in resolving controversial issues in a variety of social spheres (economic activity, land dispute between owners, family conflict, domestic violence, etc.), according to the Sharia court, which has acquired greater authority in everyday life population of Dagestan. In the mass consciousness of the younger generation of the republic, there is a priority of Muslim teaching and the designation of its special status, which is a destructive phenomenon, because it can create religious intolerance and destabilize Dagestan society. The younger generation of Dagestanis associates the function of religious teaching in public life with the dissemination of the fundamentals of religion and religious morality, spiritual and moral education and charity.

Keywords: Islam, religion, religious tenets, Dagestan youth, political activity, political participation, public life

For citation: Shahbanova M. M. Socio-political attitudes of the younger generation of Dagestanis: Through the prism of Islamic doctrine (based on the results of the sociological survey). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 256–266 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-256-266>, EDN: ANVQZR

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Происходящие на планете противоречивые процессы, которые затронули и наше общество, нестабильность и военные конфликты на постсоветском пространстве вполне способны расшатать устоявшиеся нормы и правила миропорядка. В свою очередь, характерные современности деструктивные явления проверяют на прочность социально-экономическую, политическую, духовно-нравственную, мировоззренческую сферы государства. Постсоветский период охарактеризовался трансформацией ранее существовавших экономической и идеологической основ, на смену которым практически во всех социальных сферах пришли иные модели взаимоотношения. В такой ситуации можно прогнозировать укрепление позиций религии как мировоззрения и религиозных институтов в общественно-политической жизни.

Как известно, государственно-церковные отношения на протяжении всего периода Российского государства были очень сложны, что закономерно для многонационального и полирелигиозного государственного образования, каковым является Россия. Послереволюционный период представляется наиболее тяжелым, поскольку провозглашение атеистической идеологии существенно сузило конфессиональное пространство, что выразилось в уничтожении культовых зданий, которые имели историческую ценность, религиозной литературы, духовенства и т.д. Однако с перестройкой начался противоположный процесс – отсутствие контроля со стороны власти позволило беспрепятственно проникать на территорию нашей страны радикальным течениям, миссионерам, которые своей деятельностью дестабилизировали общественную ситуацию, обостряли межрелигиозные взаимоотношения, внутри

самых вероисповеданий начались противостояние и раскол. Социальная незащищенность и отсутствие перспектив улучшения личного положения способствовали обращению населения к религии как поиску душевной гармонии. На фоне всех трансформаций религиозные учения и духовенство стали быстрыми темпами укреплять свои позиции в общественно-политической жизни государства: «...политические и правовые перемены в стране, ликвидация административных и нравственных притеснений верующих, принятие прогрессивного законодательства о свободе совести позволили религиозным организациям выйти из подневольного состояния, а верующим свободно, без боязни исповедовать свою веру. Однако этот процесс... чрезвычайно противоречив» [1, с. 38].

Как известно, государственно-церковные взаимоотношения являются очень сложными и противоречивыми по своей природе явлением: с одной стороны, позитивное взаимодействие способно сохранить стабильность социума, формировать межрелигиозную толерантность, с другой, если они имеют деструктивный характер, то могут обострить отношения между последователями разных вероучений, спровоцировать религиозный конфликт, который при неблагоприятных условиях может перерасти в масштабное противостояние. Иными словами, «государство и конфессии – это сложные, исторически обусловленные социальные системы, оказывающие огромное влияние как на человечество в целом, так и на всех и каждого в отдельности. Они способны формировать нормы поведения и образ мыслей людей, их отношения друг к другу и к окружающему миру, диктовать порядок человеческой деятельности и создавать условия для такой деятельности» [2, с. 25]. По

мнению А. А. Алиева, «вопрос относительно того, какое место должен занимать ислам в государственно-политической структуре мусульманских стран, находился в эпицентре дебатов, которые еще в Средние века развернули крупнейшие религиозные авторитеты (муджтахиды) и знатоки ислама (улемы, араб. – улама, ед.ч. – алим). В итоге предпочтение было отдано постулату, согласно которому законной и приемлемой для народа считается всякая власть, если она следует догматам ислама и соблюдает принципы шариата» [3, с. 19].

По мнению российских исследователей, «использование ислама в качестве идеологии для политической консолидации общества, когда религия играет роль основы для конституирования нации, – достаточно распространенное и хорошо изученное явление, называемое исламизмом. Последний принимает сегодня самые различные формы» [4, с. 126].

Хороший анализ исламизма и его значения для политической жизни дан С. А. Семедовым, по мнению которого, «модернисты заимствуют у Запада не только его технические достижения, но и его цели и ценности. Например, общество для них – совокупность автономных индивидов, заключивших общественный договор. Цель исламистов – создание политики, живущей по законам шариата, которая обеспечивала бы каждому члену сообщества оптимальные возможности для спасения своей души... Но современные исламисты используют методы реализации своего политического идеала, значительно отличающиеся от методов XVIII в. Они создают подпольные организации и легальные партии, записывают телепередачи и компакт-диски, открывают школы и больницы, используют новейшие техники индоктринации. Исламисты ввели немислимые ранее термины, например, “исламская революция”, и говорят о реисламизации общества теми же словами, какими их противники говорят о секуляризации» [5, с. 443].

Рассматривая исламский фактор в общественно-политической жизни современного дагестанского общества, необходимо отметить, что в науке широко изучаются понятия «исламизм», «мусульманский национализм». Анализ концепций данного явления дан в работе А. А. Алиева [3, с. 19]; исследование «мусульманской нации» встречается в работах Л. Р. Гордон-Полонской [6], Е. А. Дорошенко [7], Б. С. Ерасова [8], М. С. Лазарева [9], З. И. Левина [10], Н. Г. Пруссаковой [11], М. Т. Степанянц [12], Т. П. Тихоновой [13] и др.

Если обратиться к государственной поддержке религии, то «оставаясь в рамках светскости, государство оказывает правовую и политическую поддержку религии... религиозные организации в России пользуются рядом налоговых и таможенных льгот, оскорбление чувств верующих предусматривает административную и уголовную ответственность» [14, с. 7]. Иными словами, «политическая и общественная проекция религии не всегда совпадают с личной религиозностью человека. Порой совершенно нерелигиозные индивиды являются активными сторонниками присутствия религии в политической или общественной жизни. Встречаются и противоположные случаи – высокая личная религиозность не проявляется в общественно-политической сфере» [4, с. 125].

Социологический опрос с целью изучения религиозности и религиозной практики молодого поколения дагестанцев был проведен в 2023 г. в городах Махачкала, Дербент, Кизилюрт, Хасавюрт, а также в Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Кизлярском районах методом случайного отбора. В нем приняли участие 510 чел. Выборка составлена с учетом социально-демографической, национальной и территориальной принадлежности. Максимально возможная ошибка выборки составляет 4,8% с вероятностью 0,95.

Отличие религиозного и светского государственного устройства дает М. И. Одинцов: «...клерикальное государство несет на себе жесткую зависимость от конкретной религии <...> государство осуществляет именно церковную (вероисповедную) политику, т.е. выстраивает систему отношений применительно к верующим гражданам и религиозным организациям, не признавая вневероисповедного состояния, атеистических убеждений и организаций». В светском государстве «отношения государства и человека, государства и религиозных организаций выстраиваются на принципах свободы совести (в его широком понимании), отделения (де-факто или де-юре) религиозных организаций от государства, правового равенства религий, равенства граждан независимо от их отношения к религии и т.д. Отношение светского государства к религиозной сфере общества строится на признании и защите мировоззренческого плюрализма, отстаивании интересов верующих и неверующих, религиозных организаций и объединений, могущих создаваться на принципах атеизма или свободомыслия, и потому в целом оно должно характеризоваться как политика в сфере свободы совести» [15, с. 34].

Каким видит опрошенная дагестанская молодежь политическое устройство? – вопрос очень важный на фоне усиления влияния исламского компонента в современном Дагестане, укрепления его позиций в массовом сознании. Необходимо отметить, что этот вопрос всегда находится в поле зрения исследователей, заметно возрастание интереса к нему по мере обострения ситуации в конфессиональной сфере, распространения идеологии ваххабизма, появления его последователей. Данные дагестанских исследователей констатируют суще-

ствование в общественном сознании молодого поколения дагестанцев предпочтительности политической системы, основанной на исламской идеологии: «...респондентам в когорте до 20 лет и от 20 до 30 лет, в отличие от других возрастных подгрупп, ближе суждение “в исламском государстве (с нормами шариата)” – 36,0% и 31,0% соответственно» [16; 17, с. 12]. Кроме того, индикатором измерения степени религиозности общества является установка на политический строй страны, что и нашло отражение в авторском исследовании (рис. 1).

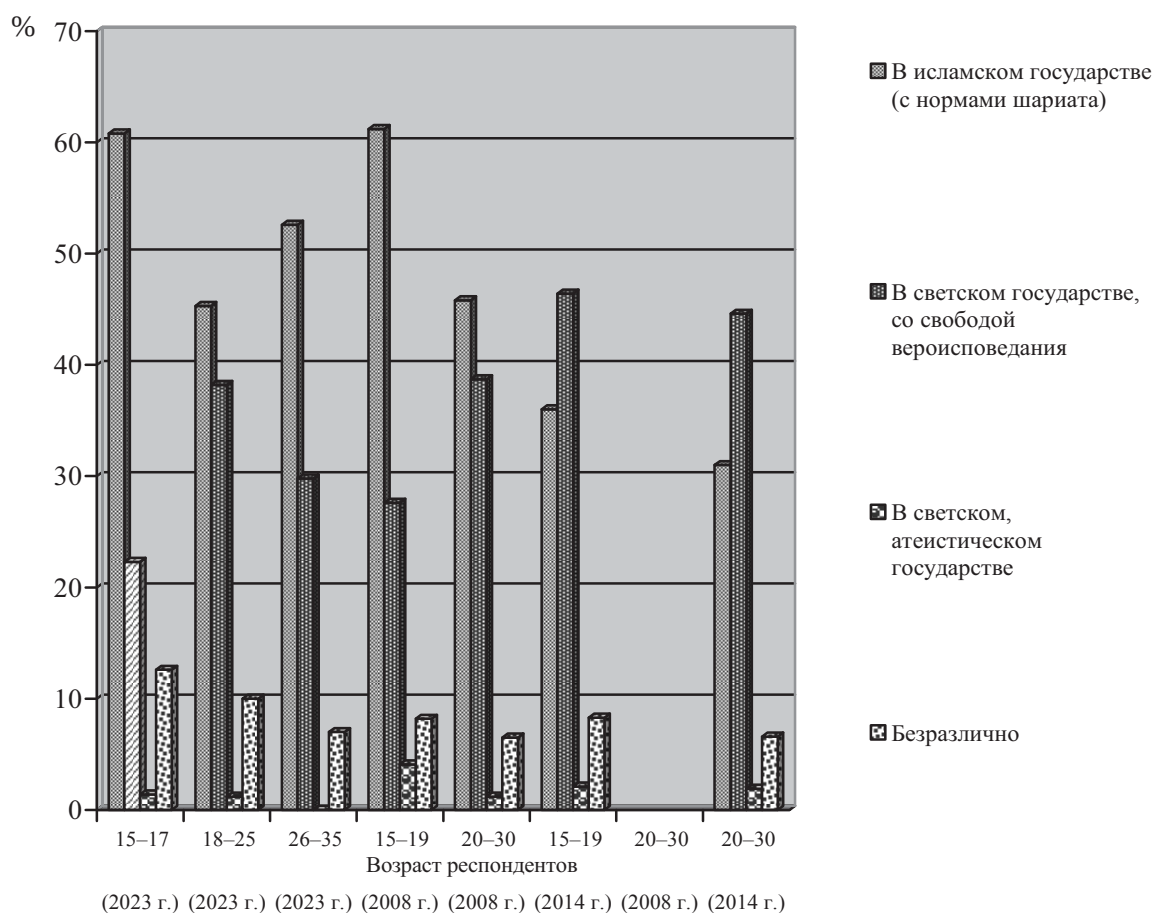

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «В каком государстве Вы хотели бы жить?», % по всему массиву

Результаты опроса показывают превалирование с большим перевесом в массовом сознании опрошенной дагестанской молодежи предпочтительности проживания в исламском государстве с нормами шариата (54,3% по всему массиву); анализ в разрезе социально-демографических признаков констатирует, что в мужской подгруппе доля придерживающихся этого суждения больше, чем среди женщин – 57,7 и 49,3% соответственно; меньше всего отдающих

предпочтение теократическому государству в возрастном разрезе 18–25 лет (45,3%), в других возрастных подмассивах – больше половины опрошенных. Однако с повышением уровня образования респондентов данный показатель уменьшается – с 63,4% имеющих базовое среднее образование до 41,8% со средним специальным образованием. Закономерным является преимущество данной точки зрения в установках убежденно верующих (69,4%), причем их

существенно больше, чем в подмассиве верующих (49,6%); недоумение вызывает позиция неверующих (16,7%), которым ближе базирующаяся на религиозных постулатах политическая система. В этническом разрезе склонность к религиозной политической системе демонстрируют 60,0% опрошенных кумыков, 58,6% аварцев, 52,5% даргинцев, в остальных национальных образованиях доля заметно меньше и здесь выделяется лакская подгруппа (37,5%). Почти в два раза меньше предпочитающих светское государство со свободой вероисповедания – одна треть по всему массиву. Заметны отличия по гендерной принадлежности – женщин заметно больше (35,5%) в сопоставлении с мужчинами (24,4%); с возрастом и повышением уровня образования респондентов доля таковых увеличивается с 22,3% в интервале 15–17 лет до 38,2% среди 18–25-летних, с 19,1% с базовым средним образованием против 43,0% имеющих среднее специальное образование.

Отношение к религии отражается на предпочтениях государственного строя: больше половины опрошенных, ассоциирующихся как колеблющиеся, одна треть верующих, неверующих и убежденно неверующих хотели бы жить в светской стране с уточнением важности свободы вероисповедания. Среди этнических групп можно выделить лакскую, одна вторая часть респондентов подчеркивает предпочтительность светскости при наличии свободы совести. Вместе с тем статистически небольшая часть опрошенной дагестанской молодежи хотела бы жить в государстве с атеистической идеологией (1,2%), и здесь можно выделить подмассив убежденно неверующих (33,3%). Сопоставление с результатами предыдущих авторских опросов (2008 и 2014 гг.) свидетельствует о том, что такая установка ранее имела место в общественном сознании дагестанского населения, причем наиболее рьяно за теократическую форму выступает именно самое молодое поколение. Разумеется, автор исходит из того, что данный возрастной подмассив не имеет полноценного представления о специфике теократического государства, о господствующих в нем ценностях, взаимоотношениях, гендерном статусе и т.д. На формирование представления о государственном устройстве, в котором учитывается исламский компонент, а также религиозного мировоззрения влияет вовлеченность молодежи в религиозные процессы, и немаловажную роль здесь играет обучение подрастающего поколения, у которого

только формируются жизненные ценности, еще неокрепшая психика, в примечетских школах. Разумеется, получаемые ими в стенах мактабов знания и формируют мировоззренческую картину. Как к этому относиться, зависит от приятия или неприятия мусульманского возрождения и деятельности духовных лиц. В обществе имеет место критическая оценка деятельности дагестанского Муфтията, его работников, их поведения и т.д. Но с другой стороны, наше общество столкнулось со многими асоциальными явлениями, которые на волне укрепления либерально-демократических ценностей проникли в социальную среду и начали «разрушать» существовавшие традиционные правила поведения и ценности. Видимо, устанавливаемые исламом, как мировой религией, «универсалистские связи способствовали выходу общества за рамки государства, развитию культурных контактов, более широким политическим объединениям стран, входящих в сферу влияния данной религии» [8, с. 51].

Автор придерживается позиции, что повышение значимости исламского компонента в общественном сознании дагестанского населения и ориентированность на религиозные постулаты в общественно-политической жизни началось с первых же этапов мусульманского возрождения. Если обратиться к данным опроса З. М. Абдулагатова (2000 г.), то на вопрос «Хотите ли Вы стать гражданином исламской Республики Дагестан?» «отрицательный ответ дали 76,6% опрошенных. Причем в городской местности эта позиция поддержана 83,3% опрошенных. В опросе 2007 г., в отличие от предыдущих лет, респондент мог выбрать желаемую сферу приложения норм шариата: государство, общество, личная жизнь, различные сочетания личного и общественного. Как мужчины, так и женщины главным образом придерживаются той позиции, что «шариат должен регулировать межличностные отношения людей (сферу нравственности), не затрагивая сферу государственной деятельности»: общее – 41,0%; мужчины – 43,1%; женщины – 39,3%. Женщины, в отличие от мужчин, отводят шариату большую роль в регулировании семейно-бытовых отношений. Среди женщин, по сравнению с мужчинами, оказалось больше тех, кто склонен считать нормы шариата устаревшими, не соответствующими времени (19,2% женщин и 14,9% мужчин)» [18, с. 19].

По мнению автора, интенсивная цифровизация общества, появление социальных сетей,

ослабление веса многих культурных скреп привело к духовному и мировоззренческому кризису. Для молодого поколения россиян кумирами стали раскрученные продюсерами с целью получения прибыли персонажи, которые демонстрируют отсутствие моральных ценностей, уважения элементов традиционной культуры, игнорирование законодательных норм, пропагандируют свободные отношения, использование психотропных веществ. Государственные институты не уделяли практически никакого внимания ограждению подростков от пропаганды наркотиков, праздного образа жизни, неуважительного отношения к государству, и в основе всего этого лежит отсутствие реальной молодежной политики, идеологии, воспитания, к сожалению, утрачены многие позитивные наработки молодежной политики советского периода. И в этой связи, думается, мотивацией родителей к приобщению детей к религиозному учению, в данном контексте к исламу, является стремление защитить своего ребенка от тлетворного влияния окружающей среды, не допустить вовлечения в преступное сообщество, страх перед наркоманией, игроманией и алкоголизмом, которые имеют распространение в современном дагестанском обществе. Однако усматривать в религиозном воспитании панацею от деструктивных явле-

ний общественной жизни не следует, потому что мы являемся свидетелями того, как получившие религиозное образование как в самой республике, так и в зарубежных арабских странах пополняли ряды радикально настроенной верующей молодежи и выступали против государства и светских законов.

В обществе, причем не только от духовенства, но и от активной прослойки верующих, а также людей, далеких от религии, можно слышать мнение о необходимости приоритетного существования вероучения в зависимости от количества его последователей. Миграция, причем неконтролируемая, носителей исламского учения на территорию России является причиной появления межрелигиозной интолерантности, противостояния из-за строительства культовых зданий на канонической территории другого вероисповедания. По нашему мнению, вполне аргументированным является позиция выступающих против культовых сооружений на территории исконного проживания носителей другого религиозного течения. Кроме того, в общественном сознании мусульманского населения имеет место понимание своей религии как «самой совершенной». С учетом данного фактора в исследовании был рассмотрен вопрос о понимании дагестанской молодежью статуса исламской религии в республике (рис. 2).

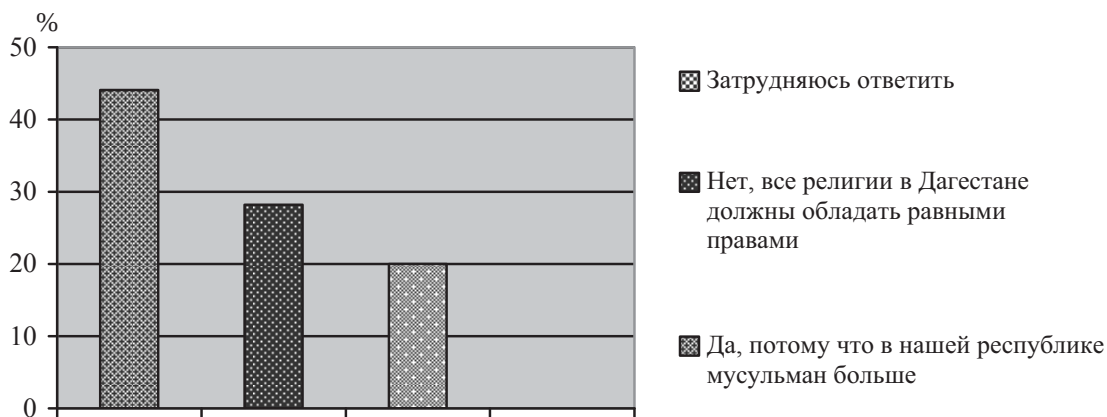

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Вы согласны с мнением, что «ислам должен обладать определенными привилегиями в Дагестане?»», % по всему массиву

Приведенные данные показывают, что половина опрошенной дагестанской молодежи придерживается позиции о необходимости обеспечения на территории Дагестана преимущественного положения мусульманского вероисповедания, в сравнении с иными вероучения, с доводом численного превалирования его носителей. Обращает на себя внимание процентное доминирование

разделяющих эту точку зрения в мужской подгруппе (48,2%) по сравнению с женской (37,9%). Дальнейший анализ констатирует рост числа участников опроса, указывающих на придание мусульманству с учетом масштабов его распространения определенных привилегий: 44,2% опрошенных в когорте 15–17 лет и 63,2% среди 26–35-летних. Анализ через образовательный ста-

тус респондентов показывает, что с его повышением увеличивается доля отметивших необходимость обеспечения преимущественного положения ислама на канонической территории: 43,7% с базовым средним, 38,2% – со средним, 54,4% – со средним специальным и 48,2% – с высшим образованием. Предсказуемой является точка зрения респондентов сквозь призму отношение к вере: 50,0% убежденно верующих и 44,4% верующих за придание более высокого статуса исламскому учению, по сравнению с подмассивами колеблющихся (18,5%) и неверующих (16,7%).

На культивирование веротерпимости и соблюдение равноправия всех религиозных учений влияет уровень образования: его рост способствует формированию в массовом сознании молодого поколения дагестанцев принципов позитивного восприятия иного вероисповедания, соответственно, обеспечение свободы для их полноценного функционирования. Выступающих против преимущественного положения ислама, по сравнению с христианством и иудаизмом (их последователей больше в республике), больше в когорте самоидентифицирующихся как колеблющиеся (63,0%), неверующие (66,7%) и убежденно неверующие (66,8%). Вместе с тем затруднились выразить свою позицию пятая часть респондентов по всей выборке, анализ в разрезе социально-демографических индикаторов показывает преобладание таковых в возрастном подмассиве 18–25 лет (24,7%).

Итак, результаты опроса свидетельствуют о существовании в общественном сознании молодежи установки на важность придания своему вероисповеданию больше прав, и на формирование такой точки зрения не влияют ни возраст, ни образование опрошенных, более того, с их ростом наблюдается повышение процентного показателя придерживающихся данного суждения. Эмпирический материал позволяет автору предположить, во-первых, характерность опрошенным в латентной фор-

ме религиозной интолерантности, во-вторых, из первого закономерно вытекает стремление молодого поколения дагестанцев обозначить приоритет исламского учения с мотивацией численного преимущества его последователей. Однако количество носителей того или иного вероучения ни в коей мере не должно быть основанием для неравного статуса какой-либо конфессии, потому что последствием такой политика неизбежно будет межрелигиозное противостояние, интолерантность, агрессивное отношение к иноверцам и т.д. С учетом этноконфессиональной специфики Дагестана вполне возможны трения между представителями разных религий, и политика республиканской власти должна носить взвешенный характер, учитывая потребности каждого человека независимо от его религиозной, национальной, гендерной и иной принадлежности при обеспечении равноправия в каждой из социальных сфер. Автор, правда, очень осторожно делает вывод, что такая точка зрения у опрошенной молодежи косвенно свидетельствует о слабости позиции веротерпимости в их общественном сознании. Разумеется, открыто религиозную неприязнь респонденты не демонстрируют, что не означает ее отсутствие.

Еще одним явлением, которое получило распространение в современном дагестанском обществе, является функционирование шариатских судов, к которым люди обращаются для разрешения вопросов различного характера: споры в отношении собственности, коммуникации с родственниками, семейно-брачная сфера, отказ одного из родителей, как правило отцов, участвовать в воспитании и материальном обеспечении детей, особенно если родители находятся в разводе, и т.д. Поэтому в рамках изучения исламского компонента в общественно-политической жизни современного Дагестана был затронут вопрос о месте шариатского суда и его восприятии респондентами (рис. 3).

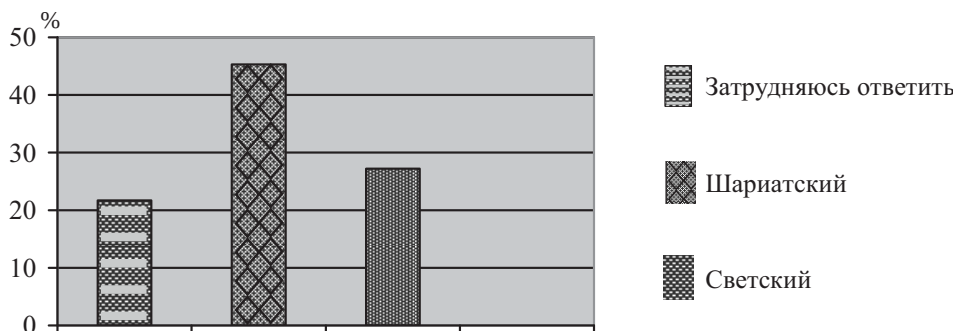

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Если бы у Вас возникла необходимость обратиться в суд и была возможность выбирать, то какой суд Вы бы выбрали?», % по всему массиву

Данные исследования показали двукратное доминирование в общественном сознании опрошенной дагестанской молодежи приоритетности шариатского суда (45,3% против 21,7%). Почти по всем параметрам анализа наблюдается процентное различие, где-то заметное, где-то небольшое, как, например, по гендерной принадлежности: 46,6% мужчин и 43,3% женщин. С повышением возраста растет и доля отдающих предпочтение шариатскому суду (с 46,8% среди 15–17-летних до 54,4% опрошенных в когорте 26–35 лет). Уровень образования оказывает заметное влияние на выбор опрошенными судебного института, который может вынести правильное решение: так, наблюдается уменьшение с 52,5% респондентов, имеющих среднее образование, до 32,1% с высоким образовательным статусом. Подавляющая часть убежденно верующих (60,2%) предпочтение отдает шариатскому суду, доля верующих в 1,5 раза меньше (39,9%). Также обращает на себя внимание то, что 11,1% из подмассива колеблющихся и 33,3% убежденно неверующих рассматривают шариатский суд как инстанцию разрешения спорных вопросов. Далее, 21,7% по всему массиву при возникновении потребности в судебном порядке решить какие-то проблемы выбирают светский суд, среди них 24,1% мужчин и 22,9% 18–25-летних; разделяющих эту позицию, больше в подгруппе с высшим образованием (30,4%) и меньше в прослойке со средним специальным образованием (13,9%). Логичным является поведение колеблющихся, неверующих и убежденно неверующих, указывающих на приоритетность для них светского суда (больше половины опрошенных). Доля затруднившихся с выбором – светский или шариатский суд – существенная (27,2%), среди них выделяется женский подмассив (35,0%), возрастной интервал 18–25 лет (32,8%), а также каждый третий опрошенный во всех образовательных подгруппах. Далее, 11,7%, идентифицирующих себя как убежденно верующие, и 22,8% верующих наряду с шариатским судом готовы обратиться и в светский суд.

О чем свидетельствуют полученные данные? Можно утверждать, что, несмотря на предпочтительность шариатского суда, в общественном сознании дагестанской молодежи наблюдается сложность в определении значения суда как такового – поэтому у заметной части респондентов наблюдается сложность

в обозначении приоритетности шариатской или светской судебных инстанций. Необходимо отметить, что шариатский суд при всем скептическом отношении к его возможностям часто без привлечения светского права позволяет разрешить ряд вопросов, и в сложных ситуациях удается без обострения ситуации принять устраивающий обе стороны вердикт. Разумеется, в шариатский суд обращается верующий контингент населения, следовательно, истцов в какой-то мере обязывают исполнить вынесенный на основе исламских положений вердикт. Впрочем, встречаются случаи, когда заключение шариатского суда игнорируется, поэтому не стоит возлагать на него большие надежды.

Вопросы «Какова роль религиозных учреждений в современном дагестанском обществе?» и «Какие сферы для религиозных организаций приоритетны в рамках осуществления своей деятельности?» важны в рамках исследования веса вероучения в современном социуме. В полной мере можно согласиться с мнением К. С. Дивисенко, что «за последние десятилетия принципиальным образом изменилось положение религиозных организаций, которые стали значимыми социальными силами в современном социокультурном контексте» [19, с. 84]. Поэтому наличие в общественной жизни различных точек зрения о роли вероучения в жизни человека, социума в целом, неоднозначной оценки деятельности исламских духовных лидеров требует выявления сфер, которые, по мнению респондентов, должны быть в поле интереса конфессиональных организаций (рис. 4).

По мнению подавляющей части опрошенной дагестанской молодежи, приоритетной функцией религиозных организаций является активное участие в распространении основ религии, религиозной морали, привлечении населения в лоно конфессии. С возрастом и уровнем образования респондентов доля придерживающихся данной позиции уменьшается с 60,4% в группе 15–17-летних до 42,1% среди 26–35-летних, с 55,7% с базовым средним образованием до 50,0% с высшим образованием. Именно в расширении канонической территории и увеличении числа верующих усматривает работу религиозных организаций подавляющая часть убежденно верующих и верующих, причем, как и одна треть колеблющихся, неверующих и убежденно неверующих. Еще одной важной

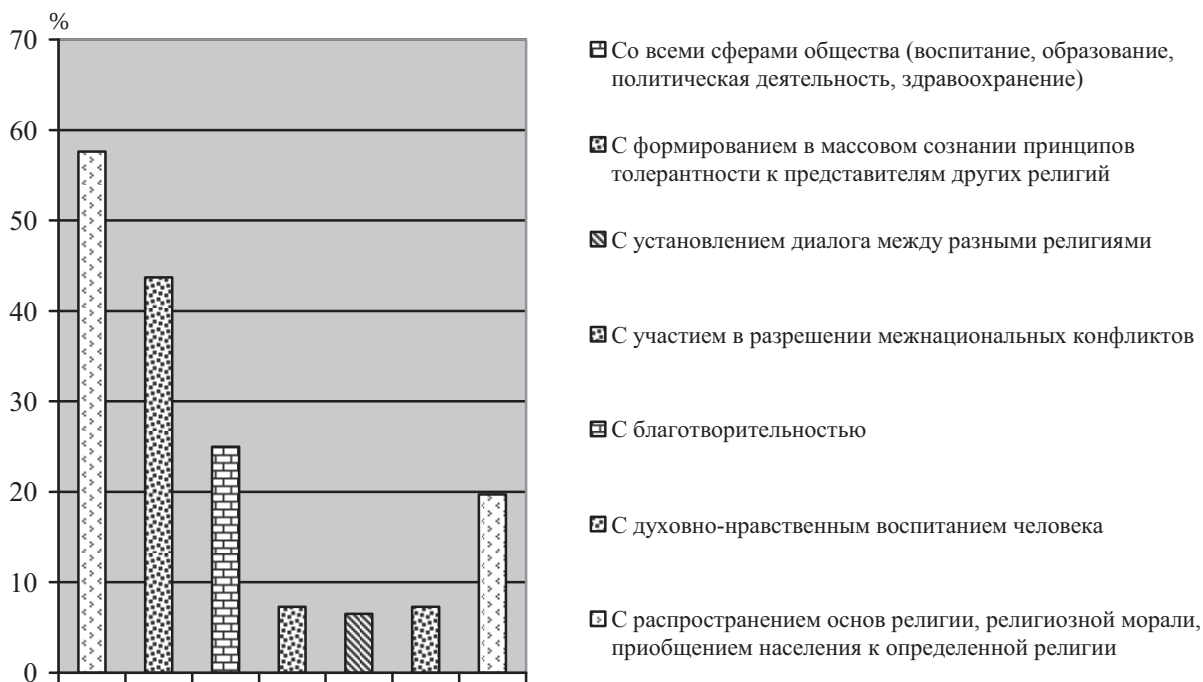

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «С какой сферой общественной жизни Вы связываете деятельность религиозных организаций?», % по всему массиву

функцией религиозных учреждений, в понимании одной второй части респондентов по всему массиву, является духовно-нравственное воспитание человека; анализ по социально-демографическим признакам констатирует рост придерживающихся данного суждения с 37,4% в возрастном интервале 15–17 лет до 50,9% среди 26–35-летних; внутригрупповое сравнение по уровню образования показывает, что воспитательный компонент имеет слабые позиции у респондентов с низким уровнем образования (36,1%), в то время как слой с высоким образовательным статусом подчеркивает важность внедрения в массовое сознание принципов нравственности – 55,7% со средним специальным и 42,9% с высшим образованием.

Далее, 25,0% респондентов по всему массиву связывают деятельность религиозных организаций с благотворительностью, отметивших это суждение больше в подгруппах 18–25 лет – 27,6%, убежденно верующих – 24,5%, верующих – 25,7%, колеблющихся – 33,3% и имеющих среднее специальное образование – 30,4%. Четвертое ранговое место занимает вариант ответа, подчеркивающий необходимость активного участия религиозных деятелей во всех социальных сферах (воспитание, образование, политическая деятельность, здравоохранение), и придерживающихся его

больше в возрастном подмассиве 26–35 лет (29,8%). Отношение к религии отражается на позициях опрошенных. Так, 66,7% в подгруппе убежденно неверующих, 24,0% убежденно верующих, 22,2% колеблющихся сферой религиозной деятельности считают все социальные области. Суждения «участие в разрешении межнациональных конфликтов», «формирование в массовом сознании принципов терпимости к представителям других религий» и «установление диалога между разными религиями» отмечены существенно меньшей долей опрошенного молодого поколения дагестанцев – 7,3%, 7,2% и 6,5% соответственно. Среди отметивших роль исламских духовных лиц в урегулировании этноконфликтов можно выделить возрастную когорту 18–35 лет (12,3%), а также одну шестую часть в подмассивах имеющих среднее специальное образование и неверующих; межрелигиозный диалог должен быть приоритетным для одной восьмой части 18–25-летних респондентов, со средним специальным образованием и колеблющихся. Среди отметивших необходимость формирования в обществе принципов веротерпимости выделяются подмассивы неверующих (41,7%) и колеблющихся (25,9%).

Резюмируя результаты анализа, можно согласиться с М. М. Мчедловой, отмечающей

«тенденцию к переопределению сложившихся государственно-конфессиональных отношений и институциональных статус-кво: в образовании, науке, в сфере свободы совести, легитимация которых осуществляется политическими резонансами... можно зафиксировать перетекание религии и религиозных смыслов из сферы сугубо вероисповедной ("церковной ограды") в политико-нормативное и политико-смысловое поле, а ключевой тенденцией, пришедшей на смену парадигме религиозного возрождения, стала политизация религии» [20, с. 18].

Итак, в общественном сознании молодого поколения дагестанцев приоритетным является проживание в исламском государстве с нормами шариата. По мнению автора, здесь имеет место поверхностное понимание смысла такого государственного устройства: с полной уверенностью можно утверждать, что модель взаимоотношений в исламском государстве, существующие запреты в повседневной жизни, правила поведения, ограничения, которые накладывает такая форма правления, вряд ли пришлись бы по вкусу дагестанской молодежи. Более того, вызывает сомнение реальное понимание и осознание опрошенной дагестанской молодежью структуры теократического государственного устройства. Поэтому закономерным является вопрос «Как относится дагестанская молодежь к государственному устройству ряда государств, в частности Афганистана, Ирана, Саудовской Аравии, Катара и т.д., где оно (государственное устройство) базируется на совершенно иных принципах?». Если молодежь под шариатским государством понимает исключительно ношение женщиной хиджаба, а дозволение мужчине иметь несколько жен (а это так), то такое представление не соответствует действительности. Можно посмотреть на теократические государства и задать вопрос: «Вы готовы так жить?» Думается, подавляющая часть молодежи вряд ли примет такой образ жизни. Проповедническая деятельность касты исламских служителей сказывается на формировании картины мира, и при их активности логичным является крен в сторону государственного устройства, основанного по мусульманским канонам. Подавляющая часть респондентов ориентирована на решение спорных вопросов в шариатском суде.

Полученный эмпирический материал показывает, что в современном дагестанском обществе наблюдаются приоритет исламского

компонента над светскими ценностями, вовлечение молодого поколения дагестанцев в исламские процессы, интенсивная культовая практика, ярко выраженная религиозная идентичность. Кроме того, авторитет представителей мусульманского духовенства (так называемых устазов), Муфтията в современном дагестанском обществе стал мощной силой, способной консолидировать мусульманскую общину: при неблагоприятных условиях эта сила вполне способна выполнить деструктивную роль, что может дестабилизировать ситуацию не только в самой республике, но в регионе в целом, следовательно, угрожать национальной безопасности Российского государства: события в аэропорту Махачкалы 28 октября 2023 г. продемонстрировали негативный потенциал организованной толпы фанатиков.

Список литературы

1. Мчедлов М. П. Религиозны ли молодые россияне? // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 2 (74). С. 38–45.
2. Кардашевский А. В., Тирских М. Г. Современные концепции государственно-конфессиональных отношений: «сущностные модели» // Сибирский юридический вестник. 2009. № 2. С. 25–33.
3. Алиев А. А. Идеология «мусульманского национализма»: Аналитический обзор / отв. ред. А. В. Гордон. М. : ИНИОН РАН, 2008. 104 с. (Всеобщая история).
4. Ситников А. В., Романов М. В., Фасхудинов Р. Р. Национальная и религиозная идентичности: опыт анализа взаимосвязи (на примере Республики Татарстан) // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 120–134. <https://doi.org/10.31857/S013216250015844-1>
5. Семедов С. А. Исламизм и феномен политических религий // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 11 / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый хронограф, 2012. С. 435–454.
6. Гордон-Полонская Л. Р. Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана (критика «мусульманского национализма»). М. : Изд-во восточной литературы, 1963. 326 с.
7. Дорошенко Е. А. Эволюция исламских концепций в официальной идеологии Ирана (1963–1983) // Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока : сб. ст. / отв. ред. Ю. В. Ганковский. М. : Наука, 1986. С. 173–193.
8. Ерасов Б. С. Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М. : Наука, 1982. 280 с.
9. Лазарев М. С. К национальной ситуации на современном Востоке (методологический подход) // Национальные проблемы современного Востока : сб. ст. / отв. ред. М. С. Лазарев. М. : Наука, 1977. С. 3–66.

10. Левин З. И. Реформа в исламе. Быть или не быть?: Опыт системного и социокультурного исследования. М. : Ин-т востоковедения РАН ; Крафт+, 2005. 231 с.
11. Пруссакова Н. Г. Концепция «мусульманской нации» и «исламского государства» в идеологии движения за образование Пакистана (По работам индийских и пакистанских публицистов и историков) // Ислам в истории народов Востока : сб. ст. / отв. ред. И. М. Смилянская, С. Х. Кямилев. М. : Наука, 1981. С. 100–122.
12. Степаняну М. Т. Мусульманские концепции в философии и политике XIX–XX вв. М. : Наука, 1982. 248 с.
13. Тихонова Т. П. Светская концепция арабского национализма Саты аль-Хусри. М. : Наука, 1984. 221 с.
14. Дзуцев Х. В., Березина Н. В. Религия в жизни современного северокавказского общества. М. ; Владикавказ : ФНИСЦ РАН, 2022. 252 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-392-8.2022>
15. Одинцов М. И. Двадцатый век в российской истории: государство и религиозные организации // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе : материалы междунар. конф. (Москва, 23–24 марта 1999 г.). М. : Российское отделение МАРС, 2000. С. 31–50.
16. Шахбанова М. М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала : АЛЕФ, 2016. 358 с.
17. Абдулагатов З. М. Дагестанцы об истоках нравственности: между традиционализмом и глобализмом // Дагестанский социологический сборник – 2008. Махачкала : АЛЕФ, 2008. С. 11–29.
18. Абдулагатов З. М. Гендерные особенности исламского сознания на Северном Кавказе // Дагестанский социологический сборник – 2012. Махачкала : АЛЕФ, 2012. С. 14–27.
19. Дивисенко К. С. Религиозные знания, убеждения, практики в структуре жизненного мира // Социологический журнал. 2011. № 4. С. 84–100.
20. Мчедлова М. М. Религия в современной России: от «религиозного возрождения» к политизации // Ученые записки ФНИСЦ РАН. Вып. 11. Религия в российском обществе: логика изменения статуса и роли / отв. ред. М. К. Горшков. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. С. 8–25.

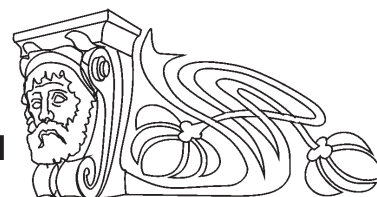
Поступила в редакцию 15.01.2024; одобрена после рецензирования 10.03.2024; принята к публикации 17.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 15.01.2024; approved after reviewing 10.03.2023; accepted for publication 17.05.2024; published 30.08.2024

Научная статья
УДК 316.346.3

Формальные и неформальные практики социального обслуживания пожилых граждан

Т. В. Темаев^{1,2}✉, О. П. Сынкина¹, О. С. Фирсова¹

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовский МНЦ гигиены Федерального научного центра медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Россия, 410022, г. Саратов, ул. Заречная, д. 1А

Темаев Тимур Вадудович, доктор социологических наук, ¹профессор кафедры социологии социальной работы, ²заведующий лабораторией анализа медико-социальных проблем, timur_temaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8689-9330>

Сынкина Ольга Петровна, аспирант кафедры социологии социальной работы, synkina.olga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3415-2929>

Фирсова Ольга Сергеевна, магистрант кафедры социологии социальной работы, olyafirsova.777@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-5643-8531>

Аннотация. В статье, опираясь на результаты количественного (анкетный опрос) и качественного (интервью) исследований, осуществлен анализ формальных и неформальных практик социального обслуживания пожилых потребителей социальных услуг в современной России. Анализируется современное состояние системы социального обслуживания граждан пенсионного возраста в нашей стране, что позволило авторам констатировать невозможность ее государственной формализации с целью удовлетворения всех социально-бытовых и медицинских потребностей граждан третьего и четвертого возрастов. Подчеркнута необходимость серьезной трансформации существующей системы государственного социального обслуживания в сторону расширения ее субъектов – участников рынка услуг. Рассматриваются практики социально-бытового, социально-медицинского и психологического обслуживания пожилых граждан на дому. Выявляются наиболее востребованные услуги за полную плату или оплачиваемые частично. Определена ранжированность востребованности социальных услуг: услуги социально-бытового характера: приготовление пищи, покупка продуктов, уборка; услуги по организации медицинских мероприятий: сопровождение в поликлинику, покупка лекарств, гигиенические процедуры; услуги психологического характера, выполняющиеся реже и реализующиеся в процессе взаимодействия с клиентом. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на коммерциализацию социальных услуг и их договорную регламентацию, трансформации практик социального обслуживания со стороны потребителей услуг не наблюдается. Социальным работникам свойственно, помимо своего профессионального долга, удовлетворять еще и дополнительные просьбы, вне списка положенных потребителю услуг, что не становится препятствием для формирования благоприятного взаимодействия между сотрудниками социальных служб и пожилыми гражданами.

Ключевые слова: пожилые люди, социальное обслуживание, социальные услуги, коммерциализация социальной сферы, количественные методы, качественные методы

Для цитирования: Темаев Т. В., Сынкина О. П., Фирсова О. С. Формальные и неформальные практики социального обслуживания пожилых граждан // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 267–273. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-267-273>, EDN: DHYDUW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Formal and informal practices of social services for older citizens

T. V. Temaev^{1,2}✉, O. P. Synkina¹, O. S. Phirsova¹

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Saratov Hygiene Medical Research Center of the Federal Research Center Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, 1A Zarechnaya St., Saratov 410022, Russia

Timur V. Temaev, timur_temaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8689-9330>

Olga P. Synkina, synkina.olga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3415-2929>

Olga S. Phirsova, olyafirsova.777@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-5643-8531>

Abstract. The formal and informal practices of social services for elderly consumers of social services in modern Russia are analyzed on the basis of the results of quantitative (questionnaire survey) and qualitative (interview) research. The article analyzes the current state of the social service

system for citizens of retirement age in this country, which allowed the authors to state the impossibility of its state formalization in order to satisfy all social, living and medical needs of citizens of the third and fourth ages. The article emphasizes the need for a serious transformation of the existing system of public social services in the direction of expanding its subjects – participants in the service market. The practice of social, social, medical and psychological services for elderly citizens at home is considered. The most popular services are identified for full payment or partially paid. The ranking of demand for social services has been determined: social services: cooking, grocery shopping, cleaning; services for organizing medical events: escort to the polyclinic, purchase of medications, hygiene procedures; services of a psychological nature, performed less frequently and implemented in the process of interaction with a client. The authors come to the conclusion that despite the commercialization of social services and their contractual regulation, there is no transformation of social service practices on the part of consumers of services. It is common for social workers, in addition to their professional duty, to satisfy additional requests, outside the list of services provided to the consumer, which does not become an obstacle to the formation of favorable interactions between social service employees and senior citizens.

Keywords: older people, social services, commercialization of the social sphere, quantitative methods, qualitative methods

For citation: Temaev T. V., Synkina O. P., Phirsova O. S. Formal and informal practices of social services for older citizens. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 267–273 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-267-273>, EDN: DHYDUW

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Анализ научных работ и результатов научных исследований свидетельствует, что в последнее десятилетие в лице граждан третьего возраста все акторы общественных и экономических отношений увидели активных участников социальной жизни, чьи потребности, желания и возможности должно учитывать государство при разработке проектов, директив и программ на разных уровнях. Старение населения и, как следствие, увеличение численности пожилого населения, напрямую, ведет к необходимости повышения уровня социальных обязательств со стороны государства и гражданского общества, за исполнение которых отвечает непосредственно институт социальной работы и входящая в его состав система социального обслуживания. До 2024 г. включительно в России с целью улучшения работы с пожилыми гражданами реализуется Федеральная целевая программа «Старшее поколение», в задачи которой входит разработка и осуществление системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения [1, с. 101].

Институт социальной работы, собственно говоря, и появился в ответ на актуализирующуюся потребность общества в решении социальных проблем уязвимых слоев населения, куда, в частности, входят и люди пожилого возраста. Социальное обслуживание на данный момент является, как правило, профессиональной государственной деятельностью, направленной на помощь людям в трудных жизненных ситуациях, таких как бедность, насилие, бездомность, нарушение здоровья, одиночество и многое другое. В свою очередь, из-за увеличивающейся доли пожилых людей в общей численности населения социальный запрос общества требует все большего внимания именно системы социальной работы к людям третьего и четвертого возрастов, так как специалисты данной сферы

действительно обладают знаниями, методами, технологиями и ресурсами, необходимыми для помощи и поддержки определенного уровня жизни пожилых людей.

Система социального обслуживания является строго регламентированной, при этом все же неспособной полностью прописать и проконтролировать весь богатый спектр взаимодействий между социальными работниками и потребителями социальных услуг. Справедливо подчеркивает М. Э. Елютина, что список предоставляемых услуг имеет стандартизированный вид, что усложняет исполнение ожиданий и запросов получателей, в свою очередь, основная масса социальных работников осознают, что милосердие является центральным компонентом для выполнения своих обязанностей, а также побочных запросов [2, с. 114].

Исходя из очевидной актуальности, нами предпринимается попытка социологического анализа практик предоставления неформальных услуг в сфере социального обслуживания в рамках адресной индивидуальной помощи на дому. В качестве гипотезы исследования выдвигается предположение о том, что практически все социальные работники, оказывающие социально-бытовые услуги на дому, выходят за рамки прописанных услуг, независимо от рекомендаций руководства, темпорального дефицита и иных условий, так или иначе препятствующих исполнению просьб потребителей, поскольку рассматриваемая профессия априори предполагает феномен жертвенности, милосердия и готовности прийти на помощь.

Разработка программы исследования, определение исследовательских задач и гипотезы, а также подготовка инструментария, сбор и анализ материала проводились по методологии «двойной рефлексивности» (n = 20, 2021–2023 гг.). Количество респондентов обуславливается осо-

бенностями достижимости объекта и их профессиональной деятельностью. В качестве информантов выступали социальные работники отделения социального обслуживания на дому двух комплексных центров по социальному обслуживанию г. Саратова и области.

Ключевой вопрос исследования – «Есть ли место неформальным практикам в контексте строгой регламентации и коммерциализации услуг социального обслуживания?» Вопросы, задаваемые респондентам, были разбиты на несколько блоков, к основным из них мы относим: «Какие конкретные услуги наиболее востребованы у получателей?», «Какие формы принимают практики помощи вне списка услуг?». Длительность и содержательность интервью с социальными работниками зависела от загруженности и составляла 25–60 мин., в среднем 40 мин.

Также для подтверждения и интерпретации полученных данных использовались результаты количественного исследования, проведенного сотрудниками кафедры социологии социальной работы на базе двух ГАУ СО КЦСОН г. Саратова и области (n = 210, выборка – сплошная). Одной из задач данного исследования явилась оценка качества предоставления социальных услуг с точки зрения их потребителей, куда предположительно входят и внедоговорные, т. е. неформальные услуги.

Большинство опрошенных нами респондентов (53,3%) в рамках количественного исследования являются потребителями социальных услуг более пяти лет; среди них мужчин – 21%, женщин – 78%. От трех до пяти лет пользуются услугами центров 24% опрошенных пенсионеров; гендерная дифференциация здесь схожая с предыдущей и составляет 23% мужчин и 77% женщин. В категорию пользователей со стажем от одного года до трех лет вошли 19% опрошенных пенсионеров, из которых 9% мужчины и 90% женщины. Что же касается «новичков» (менее 1 года), то их всего около 3% и представлены они только женщинами. То есть респонденты в большинстве своем являются потребителями социальных услуг уже не один год и вполне могут отвечать от лица генеральной совокупности граждан пожилого возраста, находящихся на обслуживании комплексных центров.

В настоящее время в России наряду с государственным существенное развитие отмечается в рыночном секторе предоставления социальных услуг нуждающимся гражданам. Исследователи отмечают, что общество в со-

временной России, включающее в себя порядка 45,687 млн пенсионеров, приблизилось к важнейшему этапу – осознанию общественностью и государственными органами власти актуальности интеграции ресурсного потенциала представителей третьего возраста во все сферы общественной и экономической жизни [3, с. 12].

Анализ современного состояния системы социального обслуживания граждан пенсионного возраста в нашей стране позволяет утверждать, что государство в итоге не в состоянии единолично решать все социально-экономические проблемы и удовлетворить все потребности граждан третьего и четвертого возрастов. Действительно, современная реальность в данной сфере требует серьезной трансформации существующей системы государственного социального обслуживания в сторону расширения ее субъектов – участников рынка услуг. Монополизм в данной сфере в советский период привел к снижению качества и сосредоточению внимания государства, главным образом, на предоставлении суженного спектра социально-медицинских и бытовых услуг, а потребности третьевозрастной когорты оказались гораздо шире. Современные статистические данные свидетельствуют о наличии потребительского спроса на социальные услуги, невзирая на то, являются они платными или частично оплачиваемыми – доля пожилых людей, обслуживаемых на дому отделениями социальной службы за плату, по состоянию на 1 января 2020 г. составила 39,1%, за частичную плату – 77,2%. Например, в Саратовской области, а также Республике Бурятия и Удмуртской Республике цифры превышают 80,0%, как правило, за счет частичной оплаты гражданами социальных услуг [4, с. 59]. Статистические данные за 2023 год по г. Самаре, например, свидетельствуют о том, что платные услуги пожилым гражданам востребованы 93,0% потребителей [5]. Отмеченные данные подтверждаются и нашими ранними исследованиями [6]. При этом основная нагрузка по оказанию социальных услуг ложится на плечи непосредственно социальных работников, которые в соответствии с жестко очерченным, заранее обговоренным регламентом адресно осуществляют свою деятельность.

По данным результатов количественного исследования, проведенного коллективом авторов, сами потребители услуг среди наиболее востребованных выделяют следующие: покупка продуктов и предметов первой необходимости, уборка в жилом помещении, оплата

услуг ЖКХ. Эти услуги назначаются наиболее часто. Наименее распространены услуги, направленные на оздоровительные мероприятия, организацию досуга, предоставление социально-психологической помощи. Около половины опрошенных указали на важность социального обслуживания в сфере поддержания здоровья, а треть отметили, что оно позволяет сохранять привычный уклад жизни [7, с. 419]. Результаты нашего количественного исследования позволяют подтвердить, что по степени востребованности помощь в быту, конечно, является лидером – эту услугу, как самую необходимую, назвали 99,0% респондентов (анализ средних по степени важности по 10-балльной шкале – 8,73 балла), на следующем месте по актуальности располагается потребность пожилых граждан в организации для них различного рода досуговых и развлекательных мероприятий – 83,0% респондентов (5,92 балла), на третьем месте – потребность пожилых граждан в медицинском уходе и наблюдении за состоянием здоровья – 28,0% респондентов (7,28 балла), четвертое место занимает услуга по предоставлению различного рода консультирования и психологической помощи – 17,0% респондентов (7,20 балла), на пятом (6,7%) – обучение базовым знаниям в сфере компьютерной грамотности (4,82 балла), на шестом месте (5,0%) – обучение пользованию техническими средствами реабилитации граждан с инвалидностью (анализ средних по степени важности – 6,47 балла).

Актуализация потребности граждан в тех или иных социальных услугах именно на третьевозрастном этапе жизнедеятельности обусловлена наличием самых разнообразных проблем. Эти проблемы можно разделить на следующие группы:

1) медико-социальные проблемы, связанные с естественным ухудшением здоровья, обострением хронических заболеваний. Также к этой группе относятся затруднения в самостоятельном проведении гигиенических процедур, таких как купание, стрижка ногтей. Здесь же выделяется проблема одиночества и утраты социальных связей, характеризующаяся узостью социальных контактов и эмоциональной отчужденностью;

2) проблема социально-бытового характера, актуализирующаяся, как правило, по причине утраты физической силы и способности к самообслуживанию, а также вследствие отсутствия ближайших родственников, готовых прийти на помощь [8, с. 216].

Результаты нашего качественного исследования позволяют констатировать высокий спрос среди пожилых людей на стационарные и надомные формы обслуживания. Среди них наши респонденты (социальные работники), подчеркнули следующие:

Р.: *Большинству купаться надо... многим бабушкам, продукты это в первую очередь, лекарства – во вторую. Купания много делаем, готовим, естественно. Да практически все они требуют от нас. Что положено – все выполняем (соц. работник, 44 года, ноябрь 2022);*

Р.: *Чаще продукты, лекарства, уборка обязательно, очень многим, практически всем, редко кто там шевелится: «Я сама, я сама». Ээ, содействие в приготовлении, взаимодействие с врачом, сопровождение в медицинские организации. Уборка, к уборке относится не только делать уборку, а отдельно учет бытовой техники, сантехники, вытряхивание ковровиков, вынос мусора. Ну как бы все, что они делали в своей жизни, все то. Ну как правильно сказать, социально-бытовые, социально-медицинские, социально-психологические услуги, потому что беседа это тоже как бы с ними надо, просто сидишь и беседуешь (соц. работник, 46 лет, ноябрь 2022);*

Р.: *Продукты приносим, лекарства выписываем в поликлинике, лекарства приносим, уборку делаем влажную, кушать готовим, купаем, в общем вот так. Сопровождаем их в медицинские учреждения там, в больницы (соц. работник, 41 год, ноябрь 2022).*

Все информанты (социальные работники) в исследовании О. Парфеновой отметили актуальность у пожилых людей общения и сетовали на то, что данная услуга «Беседа, общение» была исключена из перечня услуг и теперь никак не регистрируется, хотя по факту оказывается [9, с. 174]. При этом коммуникационное взаимодействие между потребителем услуг и социальным работником осуществляется непосредственно в процессе предоставления договорных социальных услуг, которого, с точки зрения наших респондентов, недостаточно. Исследователи подчеркивают, что пожилые граждане в большей степени нуждаются в общении в преклонном возрасте, чем в более молодом, по причине ярко выраженной потребности чувствовать себя необходимым [10, с. 64]. В результате, подчеркнем, пожилые граждане, находящиеся на надомном обслуживании, не отмечают актуальности эмоциональной поддержки и потребности в психологической помощи, но остро нуждаются в обычном общении и беседах.

Таким образом, наиболее востребованными оказались услуги социально-бытового характера: приготовление пищи, покупка продуктов и лекарств, уборка. Затем по степени важности идет содействие в организации медицинских мероприятий. Услуги психологического характера являются реже назначаемыми, но так как взаимодействие с клиентом при выполнении всех перечисленных обязанностей уже в себе закладывает общение с ним, психологическая поддержка компенсируется подобным образом:

Р.: <...> нужно слушать своих получателей, нужно с ними общаться. Они же любят, как сказать, общение, в основном, хоть бабушки, хоть дедушки, надо им общение, внимание. Чтобы их выслушать, они такие как дети малые. Я вот и говорю, ооой, общаться, я вот общаюсь с ними и они все говорят «пообщалась с ними, поразговаривала, мне аж легче стало». Потому что они одни сидят порой, кто с ними, некоторые не ходят никуда, для них общение – самое главное (соц. работник, 52 года, октябрь 2022).

В результате поддержание минимальных условий жизни пожилых граждан является основной задачей социального обслуживания, также назначаемые услуги исходят из их стоимостной политики, где предпочтение отдается наиболее необходимому для нормального физического существования, а не морального. В итоге социальными работниками закрываются вопросы в основном социально-бытового, частично медико-социального характера. Об организации активного времяпровождения, обращении за дополнительными услугами за полную плату речь, конечно, не идет.

Тем не менее образ социального работника по-разному может представляться как для потребителя социальных услуг, так и для самого социального работника. Пожилые граждане, получающие услуги по домашнему обслуживанию, зачастую видят в нем единственное связующее звено с внешним миром, поэтому возлагают на него все свои надежды на удовлетворение потребностей, разрешение переживаний и выполнение просьб. В свою очередь, социальный работник вынужден следовать должностной инструкции и полностью подчиняться распорядку действий в соответствии со своими компетенциями, не выходя за рамки предоставления прописанных в договоре услуг. В практике же социального обслуживания возникают ситуации, когда помощь вне указанных услуг становится человеческим долгом, так как

отказ может повлечь ущерб взаимоотношениям с потребителем, ухудшить его моральное и физическое состояние. И если беседа и общение предоставляются как бы между основными услугами, заодно, не требуя определенных действий или умений, то иные услуги являются вполне самостоятельными, хотя встречаются и самые простые. Этому мы находим подтверждение в словах респондентов:

Р.: (При оказании адресной социальной помощи на дому) *В летний период, часто просят принести что-нибудь с огорода, <...> многие находят силы сажать что-нибудь* (соц. работник, 52 года, май 2022);

Р.: *Из дополнительных просьб, не включенных в список услуг, например <...> из погреба достать солености, варенье* (соц. работник, 48 лет, май 2022);

Р.: <...> *были у меня такие, тем более живут в деревне, свой огород, что-то помочь принести, я не впахивала эти услуги, что я что-то сделала, просто чисто помощь, и все. Просто жалко, как я не могу помочь, если она одинока* (соц. работник, 52 года, октябрь 2022).

Справедливо подчеркивает М. Э. Елютина, что в процессе оказания социальных услуг наблюдается сочетание разнонаправленных взаимодействий со стороны институционального пространства, оказывающее социализационное давление на социальных работников – ожиданий получателей услуг и миссии данного вида деятельности, что создает условия для выполнения краткосрочных интересов вторых и профессионального ущерба первых. Кто-то из социальных работников пытается донести формальность оказываемых услуг, чтобы оградить себя от выполнения нежелательных функций, а кто-то выполняет запросы подопечных из человеческих побуждений [2, с. 113]. Наши респонденты подтверждают это:

Р.: *Померю давление, а он просит, а разотри-ка мне спинку, как вы думаете, разотру я эту спинку или нет? Что я отвечу, «нет, у вас этого нет»? <...> Лекарства покупаем лишний раз, раз в неделю написано, мы покупаем и два раза в неделю, если это нужно. Взаимодействие с врачом нету, но ты пришел к человеку, видишь, что человеку плохо, ему нужно вызвать скорую, я разве ему этого не сделаю? Обязательно сделаю, и вызову скорую, и дождусь скорую, и буду, если того чем-то уколоти, буду час-два ждать <...> Продукты раз в неделю – могу два раза в неделю принести, в отчет это нигде не входит. Так что вот так* (соц. работник, 46 лет, ноябрь 2022);

Р.: Ну там вот на кладбище съездить, помочь убраться, это да.

И.: Это вы уже делаете как бы от себя, да?

Р.: Ну да, уже как благотворительность (соц. работник, 41 год, ноябрь 2022);

Р.: Ну, (вздыхает) идем, конечно на уступки. Можем, да, но не всегда. <...> Вот буквально недавно бабушку взяли, м, стрижка ногтей. <...> Она: «Мне ногти постричь». Ну думаю, ладно, не отказывать же (соц. работник, 44 года, ноябрь 2022).

Выводы Н. Лумана о том, что оказываемая вне программ социальная помощь может стать помехой для организованных форм помощи [11, с. 24], не подтверждаются, мы наблюдаем, что участие социального работника в жизни получателя вне их обязательств перед ними является наиболее предпочитаемым способом разрешения ситуации столкновения интересов. В результате, мы подчеркиваем, социальная работа не может иметь тотально формализованный вид, для всех работников социального обслуживания на дому характерной чертой становится безвозмездное оказание помощи своим подопечным иными услугами, не прописанными в договоре. Обозначенные виды работ не становятся препятствием на пути выполнения просьб клиента.

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования о формальных и неформальных практиках в социальном обслуживании на дому пожилых граждан, можно сделать определенные выводы.

1. Наиболее востребованными среди пожилых потребителей социальных услуг на дому являются следующие:

– услуги социально-бытового характера, представляющие собой мероприятия, направленные на обеспечение привычного уклада жизни пожилого человека. Как правило, это приготовление пищи или содействие в нем, уборка, вынос мусора, закупка и доставка лекарств и продуктов. Также востребованной услугой является купание, так как большинство пожилых людей утрачивают самостоятельную способность к этому;

– содействие в проведении медицинских мероприятий. Здесь спектр достаточно широк: от получения рецептов на лекарственные средства, сопровождение в медицинские организации до непосредственного осуществления растираний подопечного лекарственными средствами, измерения давления, выдачи лекарственных средств;

– наименее выраженный характер приобрела услуга по социально-психологической поддержке, которая осуществляется не отдельно, а в процессе реализации других, прописанных договором, услуг в виде обсуждения повседневных тем с клиентом.

2. Социальная работа в ранних зарождающихся формах истории нашей страны представляла собой выполнение просьб клиента, однако после реформ второй декады XX в. она коммерциализировалась, услуги получили ограничение по времени и требовали подробную подотчетность. В результате трансформации представлений о роли социального работника у потребителей услуг не наблюдается, просьбы подопечных о той или иной поддержке вне обязанностей социального работника все еще сохраняются в практике обслуживания на дому. Социальным работникам свойственно, помимо своего профессионального долга, выполнять еще и человеческий, выражающийся в помощи ближнему. Оказание дополнительных, вне списка положенных потребителю, услуг не становится тяжким грузом для социального работника, а, скорее, частью сложившихся добрых отношений. Можно говорить о том, что помощь выражена не только делом, но и словом, так как психологическая поддержка является неотъемлемой составляющей всей деятельности социального работника.

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза подтвердилась: действительно, для социальных работников, оказывающих социальное обслуживание на дому, свойственно выходить за рамки прописанных в договоре услуг, независимо от предписаний начальства, фактора ограниченности времени и иных условий, сопутствующих выполнению ими профессиональных обязанностей.

Список литературы

1. Буланова М. А. Федеральный проект «Старшее поколение»: проблемы измерения и перспективы реализации // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 4 (89). С. 101–115. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2019-89-4-101-115>
2. Елютина М. Э., Климова С. В. Преимущества и риски социальной работы в оценках социальных работников // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 107–117. <https://doi.org/10.31857/S013216250009560-9>
3. Саралиева З. Х., Ермилова А. В. «Старые пожилые» как объект и субъект социальных рисков в системе социально-трудовых отношений // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-эко-

- номические науки. 2019. № 4. С. 8–19. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2019.4.1>
4. *Виноградова О. Е.* Диверсификация услуг и сервисов как стратегия конкуренции в социальной сфере // Вестник государственного университета Дубна. Серия: Науки о человеке и обществе. 2020. № 2. С. 56–63. <https://doi.org/10.37005/2687-0231-2020-0-5-56-63>, EDN: TETUGH
  5. *Акакин Е. Н.* Развитие платных услуг. URL: <https://bp.mintrud.gov.ru/storage/practic/presentation/d9c8156eae1e476c4ce751253be1ac8201053a0e.pdf> (дата обращения: 08.11.2023).
  6. *Темаев Т. В., Сынкина О. П., Хачатурян А. К.* Социальное обслуживание пожилых граждан: взгляд получателей услуг // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 160–165. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-160-165>
  7. *Горбунова В. В., Иванов Н. П., Киселева И. Н.* Повышение социально-экономической эффективности социального обслуживания граждан пожилого возраста в Российской Федерации // Фундаментальные исследования. 2017. № 9, ч. 2. С. 418–422. EDN: ZITUAN
  8. *Акулина Л. В., Летягина Е. Н., Чуранов С. Е.* Проблемные аспекты развития рынка социальных услуг для пожилых граждан в России // Вестник современных исследований. 2018. № 7.1 (22). С. 215–217. EDN: UVNFXU
  9. *Парфенова О. А.* Трансформация социального обслуживания пожилых в региональном контексте современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21, № 2. С. 165–186. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.6>
  10. *Смородинова-Щетинина Л. Г.* Особенности общения пожилых людей // Царскосельские чтения. 2010. № 5. С. 64–68.
  11. *Луман Н.* Формы помощи в процессе изменения общественных условий // Социологический журнал. 2000. № 1–2. С. 16–35.

Поступила в редакцию 23.10.2023; одобрена после рецензирования 12.11.2023; принята к публикации 07.02.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 23.10.2023; approved after reviewing 12.11.2023; accepted for publication 07.02.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 274–285

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 274–285

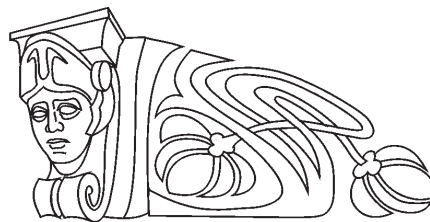
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-274-285>, EDN: DJYNLC

Научная статья

УДК 316.74:271.2

Практики обращения в православие возрастной когорты 70+: модель «отложенного обращения»

Е. И. Уфимцева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Уфимцева Екатерина Игоревна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии социальной работы, ufim75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0164-2430>

Аннотация. В статье представлен анализ практик обращения в православие возрастной когорты 70+ в контексте модели «отложенного обращения». Дается описание степени разработанности проблемы в современном российском социологическом дискурсе. Предлагается авторское определение процесса обращения. Указываются теоретико-методологические основания анализа процесса обращения в православие, включающие: междисциплинарный подход; интегративную парадигму в социологии религиозного обращения (религиозной конверсии); поколенческий подход. Представлено описание качественного социологического исследования особенностей обращения в православие возрастной когорты 70+. Цель исследования – выявить структурные компоненты и содержательные характеристики процесса обращения в православие возрастной когорты 70+. Отмечается, что в рамках исследования сбор эмпирических данных осуществлялся с использованием биографического метода, выборка строилась методом «снежного кома», опрос респондентов проводился с помощью полуструктурированных биографических интервью. Объектом исследования выступили прихожанки (n = 21) и священнослужители (n = 2) городских и сельских православных храмов 1920-х (n = 4), 1930-х (n = 7), 1940-х (n = 12) годов рождения. По итогам проведенного исследования предложена общая характеристика случаев «отложенного обращения» в православие возрастной когорты 70+, а также описываются практики обращения в православие данной социальной группы: освоенные в родительской семье; воспроизводившиеся в период приостановки развития православной идентичности; интенсифицирующие процесс обращения в пожилом возрасте.

Ключевые слова: обращение в православие, религиозное обращение, Русская православная церковь, старшее поколение, возрастная когорта 70+, качественное социологическое исследование

Для цитирования: Уфимцева Е. И. Практики обращения в православие возрастной когорты 70+: модель «отложенного обращения» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 274–285. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-274-285>, EDN: DJYNLC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Practices of conversion to Orthodoxy of the age cohort of 70+: The model of “deferred conversion”

E. I. Ufimceva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ekaterina I. Ufimceva, ufim75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0164-2430>

Abstract. The article presents an analysis of the practices of conversion to Orthodoxy of the age cohort of 70+ in the context of the "deferred conversion" model. The degree of elaboration of the problem in modern Russian sociological discourse is described. The author's definition of the treatment process is proposed. The theoretical and methodological foundations of the analysis of the process of conversion to Orthodoxy are indicated, including: an interdisciplinary approach; an integrative paradigm in the sociology of religious conversion (religious conversion); a generational approach. The description of a qualitative sociological study of the peculiarities of conversion to Orthodoxy of the age cohort of 70+ is presented. The purpose of the study is to identify the structural components and meaningful characteristics of the process of conversion to Orthodoxy of the age cohort of 70+. It is noted that within the framework of the study, empirical data was collected using the biographical method, the sample was built using the "snowball" method, the survey of respondents was conducted using semi-structured biographical interviews. The subjects of the study were parishioners of urban and rural Orthodox churches (n = 23) – people born in the 1920s (n = 4), 1930s (n = 7), 1940s (n = 12). On the basis of the results of the study, the general description of the cases of "delayed conversion" to Orthodoxy of the age cohort of 70+ is proposed. The practices of conversion to Orthodoxy of this social group are described: mastered in the parental family; reproduced during the period of suspension of the development of Orthodox identity; intensifying the process of conversion in old age.

Keywords: conversion to Orthodoxy, religious conversion, the Russian Orthodox Church, the older generation, the age cohort of 70+, qualitative sociological research

For citation: Ufimceva E. I. Practices of conversion to Orthodoxy of the age cohort of 70+: The model of “deferred conversion”. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 274–285 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-274-285>, EDN: DJYNLC

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблема религиозного обращения входит в тематическое ядро современных исследований в области социологии религии [1, с. 138]. Изучению процесса обращения в православие посвящены работы Л. П. Ипатовой [2], С. В. Рязановой [3], О. В. Тупахиной [4]. Социализационный аспект проблемы обращения в православие представлен в исследованиях В. Г. Безрогова [5], С. Д. Лебедева [6], Е. В. Пруцковой [7], Т. В. Скларовой [8], Т. А. Фолиевой [9]. Методологически значимыми в контексте изучения процесса обращения в православие являются социологические исследования М. С. Алексеевой [10], Л. П. Ипатовой [11], Ю. Ю. Синелиной [12], В. Ф. Чесноковой [13], М. И. Богачёва [14], а также автора данной статьи [15], посвященные изучению процесса воцерковления современных православных россиян. В целом, несмотря на активизацию исследовательского интереса к проблеме обращения в современном российском социологическом дискурсе, этот вопрос в православии остаётся малоизученным, а возрастной и поколенческий аспекты данной проблемы – не раскрытыми.

Отталкиваясь от имеющихся в социологии наработок и не претендуя на завершенность, мы определяем религиозное обращение:

1) на уровне общества как процесс воспроизводства новыми историческими поколениями социальной идентичности той или иной религиозной группы (организации, общности), т. е. процесс межпоколенческой преемственности социальной религиозной идентичности;

2) на уровне личности как начальный этап формирования религиозной идентичности личности, представляющий собой совокупность взаимосвязанных процессов вступления личности в религиозную группу (организацию, общность) и принятия ею социальной идентичности этой группы (организации, общности) в целях конструирования собственного биографического проекта.

В качестве теоретико-методологических оснований анализа феномена обращения современных россиян в православие нами определяются:

– междисциплинарный подход, который синтезирует разработки разных дисциплин – социологии, психологии, антропологии и тео-

логии, но выстраивает методологию исследования религиозного обращения на социологическом инструментарии;

– интегративная парадигма в социологии религиозного обращения (религиозной конверсии), направленная на поиск баланса между социальной структурой и агентом в социологическом объяснении процесса религиозного обращения. В рамках этой парадигмы эвристически значимыми для нас являются: междисциплинарная концепция религиозной конверсии Льюиса Рэмбо, концепция конверсионной карьеры Генри Гурена, концепция религиозной конверсии Даниэль Эрвьё-Леже;

– поколенческий подход, который позволяет анализировать процесс религиозного обращения индивида в трёх контекстах: 1) жизненного пути индивида; 2) в структуре внутрисемейной межпоколенческой преемственности; 3) в динамической структуре макросоциальных процессов.

С 2018 по 2023 г. нами было осуществлено исследование процесса обращения в православие возрастной когорты 70+. Данная возрастная группа определена нами как приоритетный объект исследования по нескольким основаниям: 1) она представляет собой базовый слой в поколенческой структуре российского общества и Русской православной церкви, а также является значимым транслятором социальной и религиозной идентичностей в цепи межпоколенческих взаимодействий; 2) имеет уникальный и сложный опыт обращения в православие, осуществляемого на переломе различных исторических эпох; 3) в силу своих возрастных особенностей она выходит из структуры российского общества, её уникальный религиозный опыт постепенно становится недоступным для изучения. В рамках исследования сбор эмпирических данных осуществлялся нами в соответствии с принципами качественной социологии с использованием биографического метода. Выборка строилась методом «снежного кома». В качестве респондентов были опрошены 23 прихожанина городских и сельских храмов 1920-х (n = 4), 1930-х (n = 7), 1940-х (n = 12) годов рождения. Осуществлённый нами опрос респондентов проводился с помощью полуструктурированных биографических интервью.

Общая характеристика случаев «отложенного обращения» в православие возрастной когорты 70+

В структуре анализируемых нами случаев были выделены те, которые имели следующие общие характеристики:

– принятие респондентками таинства крещения в Русской православной церкви в младенческом возрасте;

– целенаправленное, но эпизодическое и фрагментарное православное обучение и воспитание респондентов в православной семье в контексте их первичной и вторичной социализации;

– обретение респондентами чувства религиозной веры в период их первичной или вторичной социализации;

– большая временная лакуна длиной в 50–70 лет между началом процесса обращения и его завершением;

– интенсификация процесса обращения в предпенсионный период или по выходу на пенсию посредством: 1) обретения личных контактов в системе церковных связей и отношений конкретного православного прихода; 2) восполнения недостатков православного обучения и воспитания, полученного в семье, за счёт самостоятельного изучения православной литературы и религиозно-нравственного информирования со стороны православных священников и прихожан; 3) деятельного участия в богослужбной и во внебогослужбной жизни православной приходской общины;

– усвоение православной риторики; пересмотр жизненных принципов, приоритетов в соответствии с православной схемой атрибуции; осознанное принятие православной идентичности в пожилом возрасте (60+) или на стадии завершения жизненного пути.

Случаи обращения в православие, имевшего соответствующую траекторию, были поименованы нами как случаи «отложенного обращения» ($n = 7$).

Точкой входа в религиозную жизнь для представителей модели «отложенного обращения» в православие стало их неосознанное и несамостоятельное участие в таинстве крещения в Русской православной церкви в младенческом возрасте или в раннем детстве по инициативе ближайших родственников. Первичная (3–6 лет) и вторичная социализация (7–17 лет) респондентов осуществлялась в контексте домашнего православно организованного быта и частичного православного воспитания в родительской семье. Именно в родительской се-

мье респонденты приобщались к религиозным практикам православной молитвы, к участию в церковном богослужении, к чтению Евангелия, к ношению нательного креста, к домашнему почитанию икон. Со слов респондентов, в период их первичной и вторичной социализации они обрели чувство религиозной веры. Однако, несмотря на это, процесс обращения в православие представителей модели «отложенного обращения» не был завершён ими в подростково-юношеский период – период формирования личной идентичности.

От первого детско-подросткового участия в религиозной деятельности до сознательного и самостоятельного принятия социальной православной идентичности респондентами – значительная временная лакуна длиной в 50–70 лет между началом процесса их обращения и его завершением. Эта временная лакуна охватывает возрастную период жизни респондентов от 18 до 80 лет – основной жизненный период: период формирования социальной и личной идентичности, период обретения профессионального образования, создания своей семьи, рождения и воспитания детей, период трудовой деятельности. В то же время, несмотря на значительную продолжительность периода приостановки развития их православной идентичности, чувство религиозной веры, обрётённой респондентами в детстве, сохранялось на всех этапах жизненного пути, проявляясь в отдельных эпизодах их религиозной деятельности. В молодости и зрелом возрасте респонденты сохраняли свою православную идентичность посредством фрагментарного и ситуативного участия в религиозной деятельности. Однако их православная идентичность оставалась незрелой, несформированной и сохраняла такие свойства, как пассивность, несамостоятельность, неосознанность.

Осознанная и самостоятельная религиозная активность респондентов началась в пожилом возрасте и совпала по времени с изменениями политики советского, а затем российского государства в религиозной сфере в сторону либерализации отношения к религии и религиозным организациям в 1980–1990 гг. Интенсификация религиозной деятельности респондентов происходила по-разному: в некоторых случаях стремительно, в течение полугода, а в некоторых – была растянута на несколько лет. Она включала: увеличение частоты и степени участия респонденток в богослужбной деятельности, в церковных таинствах; знакомство с другими верующими и формирование отношений в церковном приходе; обретение духовно-нрав-

ственного руководства в лице православных священнослужителей; знакомство с религиозной литературой и основами православного вероучения. В процессе интенсификации религиозной деятельности респондентов произошло самостоятельное достраивание ими собственной православной идентичности, основание которой было заложено в православной родительской семье. Период интенсификации религиозной деятельности респондентов имел продолжительность 8–15 лет. Самостоятельное и сознательное достраивание собственной православной идентичности завершило процесс обращения респондентов в православие, что было выявлено в процессе их интервьюирования.

Основными показателями завершённости респондентами процесса обращения выступили: усвоение православной риторики и её использование в повседневных обстоятельствах; усвоение православной схемы атрибуции и пересмотр жизненных принципов, приоритетов в соответствии с этой схемой; самоидентификация как прихожанина конкретного православного храма, члена конкретной православной приходской общины; деятельное участие в церковной жизни (богослужебной и внебогослужебной) конкретного православного прихода. Как замечает А. А. Игнатьев, «усвоение индивидуумом образцов поведения, понятий и ценностей, конститутивных для соответствующего культового сообщества, действий, которые церковь, деноминация или секта вменяет в обязанность своим членам, являются эффективными показателями религиозного обращения. Такие показатели могут оказаться притворными, однако их регулярность и частота не только остаются свидетельствами обращения, которые достаточно трудно оспорить, но и позволяют судить о его глубине или устойчивости» [1, с. 137]. Практики обращения в православие представителей модели «отложенного обращения» можно дифференцировать на три группы: 1) освоенные в родительской семье; 2) воспроизводившиеся в период приостановки развития православной идентичности; 3) интенсифицирующие процесс обращения в пожилом возрасте.

Практики обращения в православие, освоенные возрастной когортой 70+ в родительской семье

Практики обращения в православие, освоенные возрастной когортой 70+ в родительской семье, включали обрядовые практики (религиозную практику молитвы, участие в богослужении, домашнее празднование православных

праздников), познавательные практики (чтение Евангелия), атрибутивные практики (ношение нательного креста, домашнее почитание икон). Прежде всего, по воспоминаниям всех респондентов, в родительской семье их приучали к домашней молитве и к крестному знаменю: *Бабушка была очень верующая... И она нас как-то приучала к вере. Так мы знали, что праздники большие, она нас заставляла молиться* (женщина 1937 г.р.); *Мы молились всё время дома. Мы вот крошки были маленькие, ты не сядешь за стол, пока ты не перекрестишься, не встанешь, не перекрестишься, чтоб сесть за стол. Вот такие у нас родители были* (женщина 1948 г.р.). Респондентка 1941 г.р. также вспомнила первый личный самостоятельный опыт детского молитвенного обращения к Богу, который, с её слов, стал первым мистическим опытом Божественного ответа, Божественного участия в её жизни: *В детстве все равно я молилась. Вот был у меня такой случай, у нас часы были с гиричками. Ну, девочка я была, наверное, в классе во втором. И гирички мне так хочется, а бабушка говорила: «нет». Бабушки не было дома, мама была на работе, а мне хотелось, и я эту гиричку одну стащила, а одеть не могу. Ну, никак не могу! Я стала перед иконой, стала плакать. И потом, как оно у меня получилось? У меня было впечатление, что мне Боженька помог. Такое на всю жизнь осталось! И тогда осталось, что это не я своими руками, а Кто-то мою руку направил.*

Если личная практика молитвы так или иначе имела место в детском возрасте всех опрошенных, то об участии в церковном богослужении вспомнила респондентка 1929 г.р. Она рассказала, что когда в её посёлке закрыли храм, то какое-то время богослужения проводились в частном доме. На одно такое праздничное пасхальное богослужение мать взяла и её: *Она [мать] мне говорит: «Мария, нынче бабы собираются в церковь, попеть там, Пасху встречать». А тут как раз сюда первый был, уж не назову как, алтарь, и вот в этом уголке мы все стояли. Ну, вот верите, они поют, а она мне: «Марий, постой тут, ещё немножко-немножко. Христос Воскресе будем». Меня вот всю ломает, я не хочу стоять, меня вроде выгоняют, всю изломало. Я говорю: «Мам, я сейчас упаду». Ну, минут 10 я не дождалась «Христос Воскресе» петь, вот это у меня надолго запомнилось. Из интервью женщины следует, что описанный ею случай участия в церковном богослужении был единственным, других подобных не было. Остальные респонденты в детском возрасте не только не участвовали*

в церковном богослужении, но и никогда не посещали православный храм, так как к 1930-м годам в их населённых пунктах православные храмы были закрыты или разрушены. Подобным образом обстоит дело с практикой чтения религиозной литературы. Та же респондентка 1929 г.р. вспомнила случай, когда её верующая мать приучала к чтению Евангелия и к размышлению над прочитанным: Она [мать]: «*Марий, почитай*». – «*Мам, я не понимаю*». – «*А ты вот этот столбик прочитай*». – «*Я тут читала*». – «*А чего читала?*». – «*Я не знаю*». Знакомство респондентки с религиозной литературой в детстве было единичным, остальные же респонденты не только не имели единичного опыта духовного чтения, но и не знали о существовании религиозной литературы.

Домашнее празднование православных праздников в детстве отметили в своих нарративах три респондентки. Все они очень эмоционально и тепло вспоминали, как в их семьях праздновали Рождество Христово и Воскресение Христово (Пасху). Респондентка 1937 г.р. заметила, что для этих исключительных событий бабушка её и сестёр красиво одевала, заплетала: *Бабушка нас всё время приучала молиться, к праздникам. Рождество, Пасха – это, не знай, какой праздник! Косички нам, ситцевые платюшки. Очень верующая была!* О том, что дома к Пасхе пекли куличи, упомянула и респондентка 1941 г.р.: *Я вспоминаю, какие-то года у нас была Пасха, бабушка замечательные куличи..., у нее какой-то талант был, вот тесто хорошее на куличи. Я такого уже сейчас нигде не встречала. У нас Пасха была праздником. Она же обратила внимание на то, что её бабушка, прежде всего, готовила к празднику Пасхи дом, и вкладывала она в это приготовление религиозный смысл. Со слов другой респондентки, именно религиозный смысл придавал этому празднику исключительную эмоциональную атмосферу: *Вот мы готовились к Пасхе, обязательно бабушка белила. И Вы знаете, мы белили комнату нашу, стены, и это все было для Него, для Иисуса Христа. Я потом почитала у Ивана Шмелева «Лето Господне», и он рассказывал, как они готовились. И это все для Него, и вот у нас было также, «все для Него». Это было как какая-то жертва Богу! И это ощущение праздника на Пасху, оно было у нас у всех: у мамы, у бабушки, и у нас. Вот 1 мая, 7 ноября – праздники, а в душе не было такого, ну отдых, ну радость, что ты ничего не делаешь. А это какое-то духовный светлый свет, свет необыкновенный! Так этот свет и остался со**

мною на всю жизнь. Но вот бабушкино, что с ней постоянно Бог – это иногда во мне мелькает, но не всегда (женщина 1929 г.р.). Примечательно, что респондентки вспомнили эпизоды домашнего празднования только двух самых главных православных праздников – Воскресения Христова (Пасхи) и Рождества Христова, не указав при этом на другие двенадцатые, великие, средние, малые праздники Русской православной церкви, а также на семейное празднование собственных именин или именин родственников, которые в православной традиции также рассматриваются как малое религиозное празднование. Остальные респонденты вообще не упомянули в интервью практику домашнего празднования православных праздников в своих родительских семьях.

Со слов респондентов, в родительской семье они познакомились с атрибутивными практиками, первостепенное место среди которых занимало размещение дома икон и почитание их: *Бабушка была очень верующая! Икон у неё было полно!* (женщина 1937 г.р.); *...Папа у меня, например, воевал, но он у меня всю дорогу, он у меня прошёл всю войну с иконкой Богородицы. Она у меня сейчас висит над кроватью. Такая маленькая, «Благодатная Мария, Господь с тобой», он с ней прошёл всю войну... И сказал: если бы не эта иконка...* (женщина 1948 г.р.). Все респонденты упоминают, что иконы, перед которыми молились их родители (прародители) и они в детстве, в настоящее время составляют часть их домашнего иконостаса. Нам представляется примечательным, что во всех случаях респонденты указали на иконы Пресвятой Богородицы и в одном случае на икону святителя Николая Мир Ликийского Чудотворца. Икон Иисуса Христа, других святых, видимо, в их родительских семьях не было.

Атрибутная практика ношения нательного креста, как оказалось, передавалась в семьях участниц опросов по-разному. В семье женщины 1948 г.р. ношение нательного креста было обязательным для всех членов семьи, в том числе для детей и вне зависимости от обстоятельства. Респондентка подчеркнула, что обязательность ношения нательного креста, к которой её приучали родители, она поддерживала в течение всей жизни вне зависимости от изменения собственного социального статуса: *Носили крест всё время. И мама, и папа носили, и мы с детства. Я и сестра моя младшая. Мы всё время носили. Я вам говорила, что в октябрюта принимали, и в пионеры принимали, и всё с крестом. И ни разу не сказали: «сними крест».*

Никто никогда не говорил. То ли так Господь хранил, что не видели на мне креста, но я всю жизнь ходила с крестом. И работала всю дорогу: и в горисполкоме, здесь и в райисполкоме Ленинском и на Гоголя сколько уже 14 лет проработала (женщина 1948 г.р.). А вот женщина, 1929 г.р. вспоминает, что нательный крест она носила только дома, а идя в школу, снимала: *И: Вы крест носили, в детстве, в школе? Р: В школу мы не надевали. И: Боялись или почему не надевали? Р: Да, у нас надо было бояться этого. Школа не разрешала, учительница рассказывала, нельзя.* Остальные респонденты вообще не указали на то, что в детстве носили нательный крест.

Таким образом, в отношении практики ношения нательного креста в детстве респонденты имели разные установки: 1) идентичные (дети приучались к обязательному ношению нательного креста вне зависимости от социальных обстоятельств); 2) дифференцированные (дети приучались к обязательному ношению нательного креста только в пространстве частной жизни, а также к обязательному ношению нательного креста в публичном пространстве); 3) амбивалентные (дети не приучались к практике ношения нательного креста). Мы можем предположить, что различное отношение респондентов в детстве к ношению нательного креста в 1930–1940-е гг. могло содержать в своём основании намерение родителей обеспечить себе и своим детям безопасность от возможных политических преследований по религиозным основаниям со стороны советской власти, которые в этот исторический период были массовыми. Как указывает П. Бергер, в социальных условиях отсутствия легитимизации религиозного опыта в обществе люди склонны скрывать или отрицать как свой личный религиозный опыт, так и религиозный опыт других [16, с. 132].

Несмотря на то что все респонденты модели «отложенного обращения» указали на своё участие в религиозной деятельности в детском возрасте, анализ нарративов позволяет увидеть, что, во-первых, их религиозная активность была эпизодической и фрагментарной. При этом респонденты совершенно не упомянули о таких базовых православных практиках религиозной деятельности, как участие в таинствах исповеди и причастия, соблюдение однодневных и многодневных церковных постов, что в первом случае объективно объясняется тем же фактом закрытия и разрушения православных храмов в местах их проживания, а во втором случае – объективно тяжёлыми социально-бытовыми условиями военного и послевоенного

периода. Однако важно понимать, что в детстве респонденты не только не имели соответствующего опыта религиозной деятельности, но даже не знали, что такая религиозная деятельность является неотъемлемой частью православного опыта религиозной жизни. Во-вторых, участие в религиозной деятельности респондентов в детстве было несознательным и несамостоятельным, оно носило преимущественно подражательный и нерелексивный характер, что также находит объективное основание в возрастных особенностях формирования личной идентичности респондентов. В-третьих, респонденты практически полностью опустили в повествовании описание когнитивной составляющей своей детской православной религиозности. Разумеется, что интересующие нас религиозные события детства респондентов имели место далеко в прошлом, и поэтому они могут извлекаться из их памяти с разной степенью точности [17, с. 21]. Однако, как следует из последующего повествования респондентов, знаний о православной вере, даже основных, они не имели не только в детско-подростковые годы, но на протяжении основного периода жизни, вплоть до интенсификации их религиозной активности в пожилом возрасте. Таким образом, как показал анализ нарративов, религиозные практики, освоенные респондентами в родительской семье, имели фрагментарный, несистемный, ситуативный, нерелексивный характер. Вместе с тем именно в период первичной и вторичной социализации респонденты обрели чувство религиозной веры – веры в Бога.

Практики обращения в православие возрастной когорты 70+ на этапе приостановки развития православной идентичности

Фрагментарный, несистемный, ситуативный и нерелексивный характер сопровождал религиозную деятельность респондентов на этапе приостановки развития их православной идентичности. В своих интервью они упомянули от трёх до десяти случаев их участия в религиозной деятельности в течение 50–70 лет – основного периода их жизни. Из нарративов респондентов следует, что религиозные практики, к которым они обращались в молодости и в зрелом возрасте, преимущественно были те же, что и в детские годы. Это были знакомые и, по крайней мере на уровне сознания, опривыченные фрагментарные религиозные практики: домашнее почитание икон, домашняя и личная молитва, ношение нательного креста, домашнее празднование Пасхи и Рождества Христова.

В то же время в религиозной деятельности респондентов появились новые практики, которые были обусловлены некоторыми объективными фактами: во-первых, их биографической ситуацией – смертью верующих родителей, рождением собственных детей или детей ближайших родственников, а во-вторых, некоторыми изменениями социального контекста – открытием в 1950–1990 гг. и функционированием в некоторых населённых пунктах православных храмов. Новыми религиозными практиками обращения в православие для большинства респондентов стали: благословение матерью их брака; получение в дар от матери (бабушки) родовых, семейных икон и/или самостоятельное приобретение икон; отпевание и церковное поминание умерших родителей, прародителей; крещение собственных детей или детей родственников в Русской православной церкви; эпизодические посещения православного храма в будни и на православные праздники, поставление свечей; обретение статуса крёстной матери.

Вместе с тем, как следует из высказываний респондентов, в большинстве своём этот новый религиозный опыт они приобретали не по собственной инициативе, а в ответ на чью-либо религиозную активность. Так, участница опроса 1927 г.р. приняла решение крестить сына, осуществляя послушание завету умершей матери: *И.: А вы Мишу крестили когда? Р.: Когда мамы уже не было, она умерла и сказала, что его надо крестить. И.: Мама сказала? Р.: Да! Обязательно (подчеркнула интонационно. – Е. У.) его надо крестить! И я поехала, у меня подруга была Татьяна. И в каких-то условиях ее не оказалось. Я приехала и говорю, как же мне быть? Они: «Ну что же, давайте», и мы... выходит дело, получилось, что я как крестная была, понимаю. В Жирновске не было храма, от Жирновска, мне сказали, Нижнедобрунка, вот там мне сказали, что есть церковь. Я поехала туда с Мишей (5–6 лет было сыну) и покрестила. И.: Получается, вы крестили, потому что мама сказала? Р.: Да она сказала, нельзя чтобы ребёнок был некрещёный. Пассивность и несамостоятельность религиозного поведения на этапе приостановки развития их религиозной идентичности присуща почти всем респондентам.*

Практики обращения в православие возрастной когорты 70+ на этапе интенсификации религиозной деятельности

Значительные изменения религиозной активности респондентов фиксируются ими на этапе вхождения в пожилой возраст или в по-

жилом возрасте, которые пришлось на 1990–2000-е гг. Эти изменения связаны с частотой участия в религиозной деятельности, в освоении новых видов религиозной деятельности, в появлении осмысленности опривыченных видов религиозной деятельности, в обретении разнообразных знаний православного содержания: богословского, богослужебного, нравственного, аскетического, исторического. Темп интенсификации религиозной деятельности респондентов был различным: от года до нескольких лет. Ключевыми событиями интенсификации их религиозной деятельности являлись: организация нового церковного прихода; назначение нового настоятеля в храме; переезд к месту близкого расположения храма, где велась активная приходская жизнь; знакомство с православной волонтерской службой.

Опишем случай интенсификации религиозной деятельности респондентки 1929 г.р., которая по сравнению с другими случаями была наиболее динамичной. Ключевым интенсификационным событием для неё стало проведение в 1992 г. собрания односельчан по организации первого после расформированного в 1937 г. православного прихода. Событие двадцатипятилетней давности женщина помнила до мельчайших подробностей: *А перед этим нам женщина сказала: «На второй день Рождества придут священники, собрание проводить». Пришло Рождество. Я одна, всё чисто, тепло, светло, напекла, наварила. Всё жду, в окно-то вот так (показывает, как она выглядывала в окно. – Е. У.). А у нас вот окно, в этой стороне, в левой, клуб стоял, а тут шла стройка моста. Заглянула в окно, и говорю: «Ну, мостовики замучили! Пристановских в тот угол выселили!», ну и отвернулась. Потом думала, сейчас я тесто поставлю, испеку кое-чего. Всё, у меня тесто подходит, я опять к окну. Так вот – машина белая. Один выходит в подрезнике, второй в подрезнике, третий мужчина – это Владимир, уже и забыла, как его по батюшке. Он был уполномоченным по церквам – это третий, четвёртая – женщина выходит, и пятый – шофёр. Я такая вот: «Батюшки! Священники приехали! А я ещё тесто не всё испекла». Со слов респондентки, священники и жители посёлка собрались в клубе для проведения собрания по поводу формирования нового поселкового прихода и выбора церковной двадцатки: *Только клуб открываю, с той стороны он же открывался, в ту сторону стол стоит, по середине у нас ёлка, тут стоит сцена, и вот так в уголке, человек 20, наверное, жители все наши. Дверь только открыла, а женщина эта была Людмила Федоровна,**

Свято-Троицкого адвокат: «Марья Федоровна, мы Вас в комиссию выбрали». Я говорю: «Ага, без меня, меня женили». Все бабы наши смеются. А тут кричат: «Ничего Маруська, ты молодая», – а мне молодой было 64 года, – «Ты справишься». Ну, иду, что делать, раз выбрали, как она назвала её – двадцатка, вот в эту комиссию. И в этой комиссии я была заместитель председателя.

По «Положению об управлении Русской Православной Церковью», утверждённому 31 января 1945 г. Поместным Собором Русской Православной Церкви, в центре системы управления православным приходом должна была находиться приходская община, состоящая не менее чем из 20 человек, заявление которой являлось основанием для регистрации гражданской властью нового церковного прихода и предоставления ему храма [18]. В соответствии с текстом этого положения происходила организация православного прихода, о котором повествует респондентка в своём интервью. После первого приходского собрания настоятель будущего поселкового храма спросил у женщины, где можно было бы послужить панихиду. Та гостеприимно пригласила всех к себе в гости: *Зашли, я вот стол раскладываю, чайник, плюшек напекла, молоко топлёное было, сахар, масло, всё на стол, и садимся. Их пятеро, и я шестая. Он сидел вон на той стороне стола, я тут вот. Лампадка горит у меня. Он встаёт, перекрестился и говорит: «Ну, из этого дома я никуда не уйду». И вот 9-го января, 1993, вот с этого дня я начала работать, он меня взял к себе. Я была и старостой, и помощник батюшки.* Таким образом, с первой личной встречи со священником, с первым днём существования поселкового прихода, с первым приходским собранием обращение респондентки вошло в фазу интенсификации религиозной деятельности. Она как будто ждала этого момента (здесь сразу на память приходит образ её ожидательного выглядывания в окошко – «не приехали ли ещё?»), так моментально она согласилась на обретение новых для себя во всех отношениях социальных статусов – статуса прихожанки, статуса церковного старосты, статуса помощника настоятеля и соорганизатора первого после революции поселкового храма.

Интенсификация религиозной деятельности респондентов повлекла за собой развитие таких свойств их православной идентичности, как комплексность, системность, глубина, устойчивость, осмысленность. Из анализируемых нарративов следует, что, прежде всего, значительное восполнение получили аффек-

тивный, мировоззренческий и нравственный компоненты православной идентичности респонденток. Религиозные чувства, усвоенные ими в детстве, на этапе интенсификации религиозной деятельности обрели осознанность и глубину. Так, две участницы опроса указали на укрепление религиозного чувства как ключевое изменение собственной религиозной идентичности: *И.: Как вы думаете, ваша жизнь изменилась, что вы стали в храм, в церковь ходить, что-то изменилось в вас, с вами? Р.: Конечно, привели большие к вере. Чувствую я, что есть Бог. Меня это всё волнует* (женщина 1937 г.р.); *Я до сих пор считаю, что я не воцерковлена. Нет. Но в Боге – глубокое осознание! Православие, вера стала теперь уже более глубокая, осознанная* (женщина 1941 г.р.). Те религиозные чувства, которые были непонятны и недоступны респондентам в детстве, обрели смысл и значение. Так, респондентке 1941 г.р. стало доступно содержание (смысл) фразы, которую ей и её сестре в детстве повторяла бабушка: «Без Бога, не до порога»: *Вот даже, что раньше звучало от бабушки «без Бога, не до порога» в детстве недопонимала я этого, в молодые годы я недооценивала этого, то сейчас я это очень-очень хорошо понимаю и принимаю... Вот все, что ни делаешь, куда бы ты ни шел: «Господи благослови!», «Господи, помоги!». Чтобы Господь всегда был у тебя в сердце, чтобы ты никогда не забывала о Боге. Никогда, ни при каких условиях! Это помогает в трудную минуту, когда тебя испытывают. Это помогает, когда тебе радостно. Это помогает, когда ты хочешь помочь какой-то сестре какой-то совет дать. Вот это «без Бога, не до порога» так я сейчас понимаю. Чтобы с тобой всё время был Господь. И чтобы ты всё время духовно была связана как-то, пусть даже мысленно. Хотя это не всегда получается, не всегда, и уходишь иногда, и грешим мы бесконечно, бесконечно.* Можно сказать, что на этапе интенсификации религиозной деятельности респондентка полноправно вступила в права наследования православной риторики своей бабушки. Осмысленность духовно-нравственного послания бабушки стала возможна для респондентки по причине того, что в процессе интенсификации религиозной деятельности она обрела личный опыт богобоязненности. Из высказываний респондентки также следует, что для неё в целом в процессе обращения стала характерна религиозная интерпретация происходящего.

Усвоение православной схемы атрибуции оказалось присуще высказываниям и остальных респондентов. Так, рассуждая о причинах

активизации своей религиозной жизни, женщина 1927 г.р. объяснила их мистически: *И.: Скажите, когда батюшка спросил, у кого можно панихиду отслужить, почему Вы согласились, ведь все остальные промолчали, а Вы согласились. Почему? Р.: А кто же знает, наверное, Бог велел. Я всё время говорю, это, наверное, меня Боженька так заставил. На мистическое основание как причину личного выбора церковного социального служения указала респондентка 1948 г.р.: *И.: А почему вы согласились? [помогать в качестве бухгалтера при организации нового прихода]. Р.: Да я уже тогда, всё-таки, соображала. Сначала я первый раз отказалась. Сказала: «Ой, нет, я вот только вот пошла на пенсию». 2004 год, я только пошла на пенсию и я ещё не отдохнула после своей работы. Тяжёлая работа была, нагрузка большая. Он [настоятель храма] мне второй раз сказал. Я снова отказала. А потом до меня дошло: «Я же ведь не ему отказываю, я Господу Богу отказываю». А потом, когда он мне третий раз сказал, я сказала «хорошо». Апелляция респонденток к сверхъестественным мотивам активизации их религиозной жизни, с нашей точки зрения, является свидетельством углубления и укрепления их религиозного чувства, а также того, что основу их интерпретационных схем повседневности стал составлять православный дискурс.**

Присвоение православного дискурса респондентами на этапе интенсификации религиозной деятельности нашло своё отражение в пересмотре ими собственных жизненных принципов, приоритетов, в изменении их ценностно-нравственного отношения и поведения. Как замечает П. Бергер, опыт сверхъестественного преобразует восприятие конвертита как в отношении себя самого, других людей, так и мира в целом [16, с. 128]. Так, респонденты отметили, что в процессе интенсификации религиозной деятельности они стали терпимее относиться к событиям и поведению людей, которые им раньше досаждали, раздражали их. Со слов участников опроса, усвоенные ими православные ценно-нравственные установки, помогают совладать со своими негативными эмоциональными переживаниями и трансформировать своё негативное отношение к чему-либо или кому-либо: *Вот знаете, Екатерина, как постепенно во мне росло изменение к происходящим событиям. То – «Ой! У-у-у» (респондентка мимикой показывает недовольство и расстройство одновременно. – Е. У). Теперь – «На всё воля Божья! Слава Тебе, Господи, слава Тебе!». Да, на кухне курят у меня, я задыхаюсь. А Вы знаете, преподаватель, работаешь на голосе, связки –*

слабое место. Сначала делала замечания, а теперь: «Благодарю тебя, Господи!». И гнева нет, и Вы знаете, легче жить. Если раньше постоянно... Это не говорит, что отчаянье тебя не охватывает, что гнев не охватывает. Бывает, всё бывает, конечно. И осуждение, и гнев, но это всё тебе... облегчение большое: «На все воля Божия, на все воля Божия». Вот расстроилась, произошло не так, как я хотела: «Нет, значит, так Богу угодно!» (женщина 1941 г.р.). Из высказывания респондентки очевидно следует, что освоенный ею православный дискурс и православная схема атрибуции различных фактов действительности обрели функциональное значение в повседневной жизни. Они стали использоваться женщиной как реальный психотерапевтический инструментальный совладания и трансформации собственного аддиктивного (разрушительного) психического состояния и отношения к действительности.

Атрибутный и поведенческий компоненты православной идентичности респондентов также получили своё развитие на этапе интенсификации их религиозной деятельности. Во-первых, все респонденты к тем иконам, которые они получили в наследство от своих матерей (родителей), самостоятельно приобрели другие: иконы Пресвятой Богородицы, а также православных святых – блаженной Матроны Московской, святителя Луки Войно-Ясенецкого, великомученика Пантелеймона. Во-вторых, практика домашней молитвы респондентов стала интенсивнее и разнообразнее. Они купили молитвословы, узнали и выучили многие молитвы наизусть, сделали свою молитвенную практику ежедневной: *Псалтирь я тоже читаю каждый день. Кроме того, я читаю Псалтирь за своих родственников. И за умерших, и за здоровье всех. У меня правило такое выработалось, вот. И читаю утреннюю и вечернюю молитву всегда (женщина 1948 г.р.).*

На этапе интенсификации религиозной деятельности респондентов произошло также узнавание и присвоение ими новых, не известных из детского опыта веры базовых компонентов православной идентичности. Прежде всего, эти восполненные ими компоненты православной идентичности включают когнитивный компонент: знания основ православного вероучения, знания основ православного богослужения, знание основ православного благочестия (правил духовно-нравственного отношения к Богу, к себе, к людям, правил поведения в храме, дома, в общении с людьми и т.д.), знания исторического общецерковного духовного опыта православной церкви, включающего жизне-

описания православных святых, церковную историю Российского государства и посёлка.

На этапе интенсификации религиозной деятельности большинство респондентов впервые приобщились к таким религиозным практикам поведенческого компонента православной идентичности, как участие в таинствах исповеди и причастия. Для всех респондентов новым религиозным опытом стало чтение религиозной литературы: уставного содержания; житий православных святых; Священного Писания – Библии, Нового Завета, Евангелия; поучений святых отцов православной церкви: преподобного аввы Дорофея, святителя Феофана Затворника, оптинских старцев; истории Русской православной церкви. В случае с респонденткой 1941 г.р. чтение духовной литературы не только способствовало получению ею религиозных знаний, углублению религиозной веры, но и смене её литературных приоритетов. С её слов, читая православную духовную литературу, она утратила страстную увлечённость художественной литературой, которая у неё была на протяжении предыдущего жизненного периода: *Я увлекалась литературой. Я и сейчас читаю, но вот того страстного* (выделено интонационно. – Е. У)... *Я вдруг поняла, что вот Стендаль, Бальзак, Тургенев, ну это были для меня, Лермонтов!* (интонационно показывает личную значимость указанных писателей. – Е. У). *А сейчас я смотрю на это, знаете: «Ну и что! Ну, подумаешь, Тургенев!». Читаю, я вижу, ну уровень – да, ну рассказчики, ну да! А глубина Евангелия – никто её не одолел! Это Евангелие, прежде всего!*

Как отмечает А. А. Игнатъев, представления о личностных или контекстуальных изменениях, происходящих в процессе религиозного обращения, можно составить, исследуя не только круг чтения, но и структуру, динамику социальных сетей [1, с. 137]. Из нарративов респондентов следует, что новым религиозным опытом для них всех стал опыт духовно-нравственного собеседования со священником, опыт духовно-нравственного советования по вопросам религиозной жизни. Так, например, респондентка 1927 г.р. упоминает в интервью, что она советовалась со священником по поводу обстоятельств смерти своей матери, из-за которых она всю жизнь переживала. Священник в беседе помог ей преодолеть эту многолетнюю мнительность: *Он мне ответил: «Нет, не обращай внимание. Значит, кому что. Смерть приходит к каждому по-своему».*

Почти все респонденты, кроме женщины 1927 г.р., на этапе интенсификации религиозной

деятельности стали принимать активное участие в хозяйственно-экономической деятельности той православной общины, членами которой они стали: убирались в храме и на прихрамовой территории, помогали в трапезной мыть посуду, участвовали в закупках церковной утвари, участвовали в строительстве своих приходских храмов. Для некоторых участие в хозяйственно-экономической деятельности православных приходов, прихожанами которых они стали, стало основой их профессиональной мобильности в церковную среду. Профессиональную мобильность совершила респондентка 1929 г.р., официально трудоустроившись в храм. Её функциональные обязанности были разнообразны:

– закупка церковной утвари, торговля в свечной лавке: *Я и за товаром ездила, я и в магазине продавала стояла;*

– контроль за наличием и чистотой священнического облачения, подготовка его к богослужению: *В одной он служил в какие-то праздники, а во второй отпевал. Вот он мне скажет, и я уже знаю, какую ему мне нести;*

– хозяйственная помощь при организации церковных таинств: *Я и отпевала с ними, я и венчала с ними, я и крестила с ними;*

– уборка помещения храма, приготовление еды: *Всё готовила, и стирала, и мыла, всё было на мне, и ключи у меня от церкви были... 21 год вот отработала в церкви. И вот говорю, если бы сейчас была здорова, я бы не ушла, так бы и работала.*

Профессиональную мобильность в церковную среду совершила также респондентка 1937 г.р. Несмотря на отсутствие музыкального образования, она стала певчей в церковном хоре: *Матушка, отец Евгений говорит: «Лидка у вас сопрано». Я не училась... Нас учил отец Евгений. наших стареньких собрал и говорит: «Сейчас я вас научу, и будете петь». Я пела первым голосом, кто-то вторым голосом пел. Ни где мы не учились. Вся дальнейшая трудовая деятельность этой женщины прошла в церковном хоре приходского храма: *Так получилось, что я 15 лет пела [в церковном хоре]. А когда мне сровнялось 70, петь перестала, мне сейчас 81.**

Респондентка 1948 г.р., взяла на себя сначала торговые, а потом и бухгалтерские функции на приходе: *Я встала в лавку. Вот на рынке там у нас открылась ещё одна лавочка, я сказала: «Сначала туда». В июле взял туда. Где-то в сентябре месяце он Лену заставил передать мне все дела бухгалтерские. Я даже не хотела их брать. Так случилось, что получилось, ну передали, и я начала. Однако, в отличие от пре-*

дыдущих случаев, свои бухгалтерские функции на строящемся приходе женщина выполняла на добровольных и безвозмездных началах. Из рассказа респондентки о её бухгалтерском служении видно, что эту работу она не просто выполняла, а организовывала самостоятельно с нуля без какой-либо подготовленной базы и посторонней помощи. С её слов, основную помощь в этом новом для неё направлении профессиональной деятельности она получала от Бога: *Я даже не знала, с чего начинать! Я опытный человек, ревизором города была, все предприятия я знала, но здесь я не знала, как подойти к бухгалтерии. Здесь совершенно другая бухгалтерия! Здесь ни торговля, ни бюджетная организация. Ничего вообще близко нет, ни циркулярных писем нет, не инструкций никаких нет. Ничего! С чего начинать, как?! Я вот сама как-то. Как меня Господь вёл, так я и начинала сама. Когда отчёты начала делать в епархию, начала уже соображать: такой счёт, такой счёт. Я сначала выделила все счета, а потом начала их это самое, группировать, главную книгу заводить. Вот так вот, сама всё.*

Таким образом, респондентки не только сами для себя осваивали новые грани православной идентичности, но и участвовали в создании коллективной идентичности православных приходов, прихожанками которых они стали. Рассказывая о своей приходской общине, приходском храме, они использовали личные местоимения множественного числа: «мы строили», «мы служили». Из этого следует, что к моменту описываемых ими событий респондентки органично себя воспринимали как часть религиозной общины.

Основным отличием содержательных характеристик фазы интенсификации религиозной деятельности респондентки 1927 г. стало то, что она не принимала активного участия в хозяйственно-экономической деятельности прихода. Это было обусловлено, прежде всего, тем, что данную фазу она переживала в возрасте 88–92 лет и в силу возрастных особенностей не могла принимать участие в хозяйственно-экономической деятельности прихода. Однако при каждом посещении богослужения того храма, прихожанкой которого она стала на этапе интенсификации, женщина финансово участвовала в жизни прихода, жертвуя личные финансовые средства в церковную кружку, заказывая церковные требы и подавая милостыню просителям. Надо отметить, что она заранее откладывала какую-то сумму денег на каждую из указанных статей церковных расходов и начинала посещения храма именно с этой дея-

тельности. Исходя из указанных фактов, можно сказать, что на стадии интенсификации религиозной деятельности респондентка 1927 г.р. также принимала участие в жизни своего прихода, исходя из имеющихся личных ресурсов. Другие участники опроса не упомянули факт финансового участия в жизни своего прихода. Однако с высокой долей вероятности мы можем предположить, что они также финансово поддерживали жизнедеятельность церковного прихода на основании личной идентификации себя как прихожанок и участия в его хозяйственно-экономической деятельности.

Подводя итоги, отметим, что модель «отложенного» обращения представляется нам как один из возможных социальных сценариев обращения в православие современных россиян возрастной когорты 70+. Осуществлённый нами анализ нарративов представителей данной социальной группы показал, что процесс их обращения в православие выстраивался как процесс освоения ими религиозной деятельности и её смыслов в контексте формирования личной и социальной православной идентичности. Религиозная деятельность представителей модели «отложенного обращения», осваиваемая ими в процессе обращения в православие, включала атрибутивные практики (ношение нательного креста, нанесение крестного знамения, почитание икон), обрядовые практики (частная домашняя молитва, поставление свечей в храме, участие в церковных таинствах крещения, исповеди, причастия, участие в обряде отпевания усопших, домашнее празднование церковных праздников), богослужебные практики (участие в повседневном и праздничном церковном богослужении), церковно-дискурсивные практики (использование в повседневной речи понятий православного дискурса), церковно-познавательные практики (чтение православной литературы, личное собеседование с церковными экспертами (священнослужителями, опытными прихожанами), участие в групповых просветительских беседах и встречах со священнослужителями), церковно-солидаризационные практики (участие в хозяйственной, финансовой, коммуникационной деятельности церковной общины), нравственно-воспитательные или духовно-аскетические практики (нравственный самоконтроль, нравственная самокоррекция в соответствии с православной системой нравственных ценностей и норм, церковный пост), практики профессиональной и социальной мобильности в церковной среде. Освоение указанных религиозных практик осуществлялось в направлениях:

– от несамостоятельного, пассивного, неосознанного, эпизодического, ситуативного участия в религиозной деятельности в детском возрасте к самостоятельному, инициативному, сознательному, комплексному, систематическому её осуществлению в пожилом возрасте;

– от внешних поведенческих практик к внутренним рефлексивным практикам;

– от простых практик, имеющих исключительно подражательный характер, к комплексным практикам, имеющим преобразовательное значение;

– от практик, реализуемых в частной сфере, к публичным практикам.

Источником религиозных практик, осваиваемых представителями модели «отложенного обращения», выступали агенты православной общности, доступные вследствие биографических и социально-исторических обстоятельств их жизненного пути. Степень и характер доступности агентов обращения, а также ресурсность (религиозная, социальная, личностная) этих агентов во многом определили как общие композиционные характеристики социального сценария «отложенного обращения» в православии, так и личную траекторию процесса обращения представителей исследуемой социальной группы. Анализ указанных и иных факторов социальных сценариев обращения в православие возрастной когорты 70+ – предмет нашего дальнейшего исследования.

Список литературы

1. *Игнатъев А. А.* Конверсия религиозная // Энциклопедический словарь социологии религии / под ред. М. Ю. Смирнова. СПб. : Платоновское философское общество, 2017. С. 136–138
2. *Ипатов Л. П.* Типы религиозного обращения в православии женщин в современной России : дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. 178 с.
3. *Рязанова С. В.* Выбор православия в условиях мировоззренческого плюрализма (Пермский край) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2018. Вып. 76. С. 130–144. <https://doi.org/10.15382/stur1201876.130-144>
4. *Тупахина О. В.* Религиозная биография как форма нарративизации жизненного мира верующих (на примере православных христиан) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 1. С. 185–197.
5. *Безрогов В. Г.* Между Сталиным и Христом: религиозная социализация детей в советской и постсоветской России // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 130–162.
6. *Лебедев С. Д.* Ценностно-рефлексивный (системно-динамический) подход к обоснованию критерия современной религиозности // Секуляризация в контексте религиозных изменений современного общества : сб. ст. Серия «Демография. Социология. Экономика» / под ред. С. Ю. Глазьева, С. В. Рязанцева, Е. А. Кублицкой Т. 4, № 4. М. : Экон-Информ, 2018. С. 129–143. EDN: VSRYL5
7. *Пруцкова Е. В.* Связь религиозности с базовыми ценностями и субъективными нормами населения России и других европейских стран : дис. ... канд. филос. наук. М., 2021. 220 с.
8. *Скляр Т. В.* Религиозная социализация: проблемы и направления исследования // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2009. Вып. 4 (15). С. 7–17.
9. *Фолиева Т. А.* Религиозная социализация: понятия и проблемы // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2012. № 2 (9), ч. 1. С. 205–212.
10. *Алексеева М. С.* Воцерковленность как показатель религиозности // Социологические исследования. 2009. № 9 (305). С. 97–102. EDN: LKXMTJ
11. *Ипатов Л. П.* Православные женщины: пути воцерковления // Устная история и биография: женский взгляд / ред. и сост. Е. Ю. Мещеркина. М. : Невский Простор, 2004. С. 153–189.
12. *Синелина Ю. Ю.* Динамика процесса воцерковления православных // Социологические исследования. 2006. № 11 (271). С. 89–97. EDN: OPCSKW
13. *Чеснокова В. Ф.* Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М. : Академический Проект, 2005. 304 с.
14. *Богачёв М. И.* Воцерковленность и политические предпочтения православных верующих: количественный анализ // Религиоведческие исследования. 2016. № 1. С. 8–76.
15. *Уфимцева Е. И.* Воцерковленность современной православной молодежи: социологический анализ факторов и тенденций развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 427–431. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-427-431>
16. *Бергер П.* Религиозный опыт и традиция // Социологические исследования. 2011. № 1 (321). С. 123–136.
17. *Блоссфельд Х.-П., Хьюинк И.* Исследование жизненных путей в социальных науках: темы, концепции, методы и проблемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9, № 1 (34). С. 15–43.
18. О положении об управлении Русской Православной Церковью 1945 года // Православие.ру. URL: <https://pravoslavie.ru/46967.html> (дата обращения: 12.01.2024).

Поступила в редакцию 25.11.2023; одобрена после рецензирования 04.12.2023; принята к публикации 07.02.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 25.11.2023; approved after reviewing 04.12.2023; accepted for publication 07.02.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 286–294

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 286–294

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-286-294>, EDN: BVSOZK

Научная статья

УДК 316.346.3+316.482.051.63+316.614

Ментально-поведенческие особенности поколений россиян (по социологическим материалам)

Л. Г. Лебедева

Самарский государственный экономический университет, Россия, 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141

Лебедева Людмила Геннадьевна, магистр педагогических наук, старший преподаватель кафедры социологии и психологии, ludleb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7007-6914>

Аннотация. В условиях социальной трансформации российского общества образовались разнообразные противоречия (очевидные и латентные) в разных сферах жизни общества. В том числе сложились заметные различия ментально-поведенческих особенностей (черт, характеристик, менталитета) поколений россиян, грозящих деструктивными эффектами и социальными конфликтами, в том числе в межпоколенческих взаимоотношениях. В основу статьи положен анализ проблемной ситуации: какие положительные и отрицательные черты наиболее характерны для россиян, по оценкам респондентов разных возрастно-поколенческих групп? Общая оценка своего поколения у большинства респондентов в основном достаточно положительная. Распределение положительных и отрицательных черт поколений, составленное на основе оценок респондентов, показывает заметные ментально-поведенческие различия между младшим, средним и старшим поколениями, особенно это касается первых. Однако ментальная автономность младшего поколения не может рассматриваться как подобие полного (тем более абсолютного) обособления, отдаления молодёжи от других поколений. Вместе с этим, по социологическим данным, несмотря на критический настрой в отношении государства больших масс россиян, всё же во всех возрастно-поколенческих группах весьма высок и преобладает потенциал патриотизма и гражданственности.

Ключевые слова: поколения, ментально-поколенческие особенности, положительные черты поколения, отрицательные черты поколения, ментальная автономия

Для цитирования: Лебедева Л. Г. Ментально-поведенческие особенности поколений россиян (по социологическим материалам) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 286–294. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-286-294>, EDN: BVSOZK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Mental and behavioral features of Russians generations (on the basis of sociological materials)

L. G. Lebedeva

Samara State University of Economics, 141 Sovetskoi Armii St., Samara 443090, Russia

Lyudmila G. Lebedeva, ludleb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7007-6914>

Abstract. In the context of the social transformation of Russian society, various contradictions (obvious and latent) took place in different spheres of society. In particular, there are noticeable differences in the mental and behavioral characteristics (traits, characteristics, mentality) of Russians generations causing destructive effects and social conflicts, including in intergenerational relationships. The article is based on the analysis of the problem situation: which positive and negative features are most characteristic of Russians, according to the estimates of respondents of different age and generational groups? The general assessment of their generation by the majority of respondents is generally quite positive. The distribution of positive and negative traits of generations, compiled on the basis of respondents' assessments, shows noticeable mental and behavioral differences between the younger, middle and older generations, especially the younger generation. However, the mental autonomy of the younger generation cannot be considered as a semblance of complete (especially absolute) isolation and separation of youth from other generations. At the same time, according to the sociological data, despite the critical attitude towards the state of large masses of Russians, the potential of patriotism and citizenship is very high and predominant in all age-generational groups.

Keywords: generations, mental generational features, positive traits of a generation, negative traits of a generation, mental autonomy

For citation: Lebedeva L. G. Mental and behavioral features of Russians generations (on the basis of sociological materials). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 286–294 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-286-294>, EDN: BVSOZK

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В анализе поставленной проблемы мы исходим из общей методологической позиции, что «социокультурное пространство общества в целом и отдельные его территории устроены так, что у них есть два полюса – положительный, указывающий, что есть главная цель-ценность, к чему надо стремиться, и отрицательный, указывающий, чего надо избегать» [1, с. 50–51]. Мы также исходим из того, что, с одной стороны, «социальный тип личности в своих чертах зависит от того, каков сам социум, в особенности каковы его приоритетные ценности», с другой стороны, «общество зависит от доминирующего социального типа личности» [2, с. 29].

В условиях социальной трансформации российского общества, начавшейся в 1990-е гг., в последние десятилетия возникли и накопились разнообразные противоречия (очевидные и латентные) в разных сферах жизни общества. При этом речь приходится вести и о заметных различиях ментально-поведенческих особенностей (черт, характеристик, менталитета) поколений россиян, грозящих деструктивными эффектами и социальными конфликтами, в том числе в межпоколенческих взаимоотношениях. Есть, правда, основания и для следующего вывода: «В российском обществе XXI в. социальный конфликт выглядит зачастую как скрытая угроза, латентный фактор дисфункций <...> Однако социальный конфликт не выступает в настоящее время серьезным раздражителем для общественного мнения и не способен привести к очевидным деструктивным эффектам» [3, с. 20].

Но действительно ли в российском обществе «скрытые угрозы, латентные факторы дисфункций» не угрожают «очевидными деструктивными эффектами», например, на основе образовавшихся в последние десятилетия существенных различий ментально-поведенческих особенностей поколений россиян?! Подобные вопросы стали особенно актуальными в социальной ситуации, связанной со специальной военной операцией (СВО). Поэтому особый интерес представляет социологический анализ ситуации в этом отношении в предшествующий («спокойный») период, в частности, оценка существовавшего до СВО социального потенциала и качеств у разных возрастно-поколенческих групп, как исходной базы для проявлений тех или иных качеств в условиях спецоперации и острой конфронтации с западными странами.

В качестве эмпирической основы статьи использованы материалы социологического

опроса с участием и под руководством автора в Самарской области в январе 2020 г. Анкетным опросом было охвачено 620 респондентов по репрезентативной выборке с учётом возраста, пола и территориально-поселенческого статуса.

В нашем социологическом опросе респондентам, в частности, предлагались вопросы: «Какие более или менее положительные черты наиболее характерны, на Ваш взгляд, для людей Вашего поколения? (Несколько вариантов)» и «Какие более или менее отрицательные черты чаще всего проявляются, на Ваш взгляд, в поведении людей Вашего поколения? (Несколько вариантов)».

Формулировки вопросов позволяли респонденту думать не столько о себе самом, сколько о некоем большинстве своего поколения. Это позволяло «приглушить» психологическую самозащиту (когда речь о самом респонденте), как бы «дистанцироваться» от самого себя и проявить достаточную объективность в оценках (по сути – самооценках) своего поколения, его ментально-поведенческих особенностей.

В основу конкретных формулировок положительных и отрицательных черт (наиболее характерных для россиян) в вопросах-меню положены результаты авторского качественно-социологического исследования с тематическими интервью в апреле 2019 г. в ряде населённых пунктов городской и сельской местности Самарской области. Интервью были посвящены пяти группам проблем: 1) «Жизненная траектория семьи»; 2) «Проблемы семьи»; 3) «Влияние интернета на семью»; 4) «Взаимоотношения в семье»; 5) «Судьба поколений через призму истории семьи». Общей целью указанных авторских социологических исследований было проанализировать и описать межпоколенческие взаимоотношения (и вместе с этим особенности и проблемы поколений) в аспекте конфликтности и преемственности поколений (по материалам Самарской области).

Проблемная ситуация: какие положительные и отрицательные черты наиболее характерны для россиян, по оценкам респондентов?

Как распределились, по результатам социологического опроса, оценки положительных и отрицательных черт (качеств, характеристик), присущих, по мнению респондентов, людям их поколения? (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопросы: «Какие более или менее положительные черты наиболее характерны, на Ваш взгляд, для людей Вашего поколения? (Несколько вариантов)» и «Какие более или менее отрицательные черты чаще всего проявляются, на Ваш взгляд, в поведении людей Вашего поколения? (Несколько вариантов)» – по всей выборке, % от числа респондентов (n = 620) и ранги

Более или менее положительные черты			Более или менее отрицательные черты		
Ответы	%	Ранги	Ответы	%	Ранги
Большой круг общения	42,1	1	Увлечение спиртными напитками	41,3	1
Ориентация на здоровый образ жизни	41,8	2	Равнодушие к окружающим людям	34,0	2
Нацеленность на карьерный рост	39,8	3	Легкомысленность, беспечное отношение к жизни	32,7	3
Серьёзное отношение к семье	39,7	4	Отсутствие интереса к событиям, происходящим в стране, мире	27,6	4
Стремление быть разносторонне развитым	37,3	5	Нежелание работать	26,1	5
Желание помогать нуждающимся людям	25,8	6	Использование нечестных методов при достижении целей	21,5	6
Стремление честно зарабатывать деньги	24,2	7	Стремление зарабатывать много денег любой ценой	18,9	7
Стремление получать образование	22,9	8	Легкомысленное отношение к семье	16,8	8
Патриотизм	18,5	9	Большое количество сексуальных связей	13,9	9
Желание участвовать в жизни страны, приносить пользу Родине	17,7	10	Увлечение наркотиками	13,2	10
Ответственность перед обществом	17,3	11	Карьеризм	8,1	11
Итого	327,1		Итого	254,1	

Как видно из данных, приведенных в табл. 1, респонденты более охотно (чаще) отмечали те или иные положительные черты (по сумме ответов 327,1%), чем отрицательные (254,1%).

В качестве положительных черт людей своего поколения более 35,0% респондентов указали: «Большой круг общения», «Ориентация на здоровый образ жизни», «Нацеленность на карьерный рост», «Серьёзное отношение к семье», «Стремление быть разносторонне развитым» (эти пункты заняли лидирующие места с 1-го по 5-е по всей выборке).

А в качестве отрицательных черт людей своего поколения более 25,0% респондентов указали: «Увлечение спиртными напитками», «Равнодушие к окружающим людям», «Легкомысленность, беспечное отношение к жизни», «Отсутствие интереса к событиям, происходящим в стране, мире», «Нежелание работать» (эти пункты заняли лидирующие места с 1-го по 5-е по всей выборке).

Рассмотрим более внимательно социологические оценки черт (качеств, характеристик), присущих, по мнению респондентов, людям их поколения.

Социологическая оценка положительных черт людей своего поколения респондентами разных поколений

Как конкретно распределились у возрастных групп оценки (самооценки) положительных черт (качеств), присущих, по мнению респондентов, людям их поколения? (табл. 2).

Корреляционный анализ (по данным табл. 2) показал следующие соотношения:

- 16–24 года / 25–44 года ($r = 0,75$) – положительная сильная связь;
- 25–44 года / 45–69 лет ($r = 0,49$) – положительная умеренная связь;
- 16–24 года / 45–69 лет ($r = -0,06$) – отрицательная очень слабая связь.

Самооценки возрастно-поколенческих групп в отношении положительных качеств, присущих, по мнению респондентов, людям их поколения, проявляют две тенденции. Первая тенденция – у соседних (по возрасту) поколенческих групп коэффициенты корреляции между оценками показывают умеренную, несильную ($r = 0,49$) или высокую, сильную ($r = 0,75$) положительную связь. Вторая тен-

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Какие более или менее положительные черты наиболее характерны, на Ваш взгляд, для людей Вашего поколения? (Несколько вариантов)» – по возрастным группам, % от числа респондентов (n) и ранг

Ответы (порядок в соответствии с рангами по всей выборке)	Группы по возрасту					
	16–24, n = 202		25–44, n = 205		45–69, n = 213	
	%	ранг	%	ранг	%	ранг
Большой круг общения	57,4	1	38,0	4	31,5	4
Ориентация на здоровый образ жизни	40,1	4	40,0	3	44,6	2
Нацеленность на карьерный рост	55,9	2	42,9	2	21,6	10
Серьёзное отношение к семье	24,8	6	44,4	1	49,3	1
Стремление быть разносторонне развитым	53,0	3	33,7	5	25,8	8
Желание помогать нуждающимся людям	23,3	7	20,5	8	33,3	3
Стремление честно зарабатывать деньги	17,8	8	23,9	6	30,5	5
Стремление получать образование	33,2	5	21,5	7	14,6	11
Патриотизм	8,4	11	16,6	9	30,0	6
Желание участвовать в жизни страны, приносить пользу Родине	10,4	10	16,1	10	26,3	7
Ответственность перед обществом	12,9	9	15,6	11	23,0	9
Итого	337,2		313,2		330,5	

денция – у дальних (по возрасту) поколенческих групп коэффициенты корреляции (r) между оценками показывают очень слабую ($r = -0,06$) отрицательную связь.

Таким образом, у разных возрастных групп нет высокого уровня единодушия в оценках (самооценках) в отношении положительных качеств соответствующих поколений. При этом у соседних по возрасту поколенческих групп разница в оценках ещё не так велика; а у дальних (по возрасту) поколенческих групп (младшей и старшей) разница оказывается весьма существенной.

Рассмотрим, что показывает более детальный анализ корреляционной связи между положительными самооценками респондентов по разным группам – лидирующих пяти пунктов (ответов), занявших с 1-го по 5-е места по всей выборке, и остальных, не лидирующих шести пунктов (ответов), занявших места с 6-го по 11-е (табл. 3).

В распределении лидирующих ответов (места с 1-го по 5-е по всей выборке) респондентов средней и старшей возрастных групп в отношении положительных качеств своего поколения уровень корреляционной связи невы-

сокий ($r = 0,43$) – умеренная, несильная связь положительного характера. Но в распределении лидирующих ответов респондентов младшей группы по отношению к распределению лидирующих ответов у других групп корреляционная связь имеет вообще отрицательный характер: по отношению к средней возрастной группе – заметная средняя отрицательная связь ($r = -0,56$), по отношению к старшей возрастной группе – весьма высокая тесная отрицательная связь ($r = -0,90$).

Приведённые показатели корреляционной связи ответов (самооценок) респондентов позволяют делать выводы, во-первых, о высоком уровне ментально-поведенческих различий между младшей группой, средней и старшей возрастными группами, во-вторых, о невысоком, минимальном уровне ментально-поведенческой близости, схожести младшей группы по отношению к средней и старшей возрастным группам (иначе говоря, о ментальной автономности и значительной отдалённости младшей группы от других возрастных групп).

Распределение не лидирующих шести пунктов (ответов), занявших с 6-го по 11-е места по выборке, имеет дополнительное, не

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа по группам ответов на вопрос: «Какие более или менее положительные черты наиболее характерны, на Ваш взгляд, для людей Вашего поколения? (Несколько вариантов)» – по возрастным группам, коэффициенты корреляции (r)

Показатели	Группы по возрасту		
	16–24, n = 202	25–44, n = 205	45–69, n = 213
<i>Ответы с 1-го по 5-е места</i>			
Коэффициент корреляции (r)	–0,56	–0,56	
Классификация корреляционной связи	Отрицательная средняя		
Коэффициент корреляции (r)		0,43	0,43
Классификация корреляционной связи		Положительная умеренная	
Коэффициент корреляции (r)	–0,90		–0,90
Классификация корреляционной связи	Отрицательная тесная		
<i>Ответы с 6-го по 11-е места</i>			
Коэффициент корреляции (r)	0,68	0,68	
Классификация корреляционной связи	Положительная средняя		
Коэффициент корреляции (r)		0,04	0,04
Классификация корреляционной связи		Положительная очень слабая	
Коэффициент корреляции (r)	–0,51		–0,51
Классификация корреляционной связи	Отрицательная средняя		

основное значение для анализа ситуации, поскольку эти пункты (оценки) получили не так много голосов респондентов – около и менее 25%. Но и в этом случае подтверждается вывод о ментальной автономности и отдалённости младшей от старшей возрастной группы.

Какие положительные черты младшей группы входят в круг ментальной автономности в первую очередь?

На лидирующих местах (1–3-е) – черты «Большой круг общения», «Нацеленность на карьерный рост» и «Стремление быть разносторонне развитым». По своему характеру эти черты являются общегуманистическими и рыночными, их лидерство в самооценках молодёжи само по себе не может вызывать нареканий.

На аутсайдерских местах (9–11-е) – черты «Ответственность перед обществом», «Желание участвовать в жизни страны, приносить пользу Родине» и «Патриотизм». По своему характеру эти черты являются гражданственно-патриотическими, их аутсайдерство в самооценках молодёжи вызывает, конечно, сожаление.

Социологическая оценка отрицательных черт людей своего поколения респондентами разных поколений

Рассмотрим, как конкретно распределяются у возрастных групп оценки (самооценки) отрицательных черт (качеств), присущих, по мнению респондентов, людям их поколения? (табл. 4).

Корреляционный анализ (по данным табл. 4) показал следующие соотношения:

– 16–24 года / 25–44 года ($r = 0,75$) – положительная сильная связь;

– 25–44 года / 45–69 лет ($r = 0,90$) – положительная тесная связь;

– 16–24 года / 45–69 лет ($r = 0,64$) – положительная средняя связь.

Самооценки возрастно-поколенческих групп в отношении отрицательных качеств, присущих, по мнению респондентов, людям их поколения, выглядят следующим образом. Самый высокий уровень – у средней и старшей поколенческих групп ($r = 0,90$). Относительно высокий уровень близости самооенок (ментально-поведенческой близости, схожести) проявляет-

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Какие более или менее отрицательные черты наиболее характерны, на Ваш взгляд, для людей Вашего поколения? (Несколько вариантов)» – по возрастным группам, % от числа респондентов и ранг

Ответы (порядок в соответствии с рангами по всей выборке)	Группы по возрасту					
	16–24, n = 202		25–44, n = 205		45–69, n = 213	
	%	ранг	%	ранг	%	ранг
Увлечение спиртными напитками	41,6	2	42,0	1	40,4	1
Равнодушие к окружающим людям	40,1	3	34,6	2	27,2	3
Легкомысленность, беспечное отношение к жизни	52,0	1	25,9	4	21,1	4
Отсутствие интереса к событиям, происходящим в стране, мире	27,2	5	27,3	3	28,2	2
Нежелание работать	37,6	4	22,0	6	19,2	5
Использование нечестных методов при достижении целей	26,7	6–7	22,9	5	15,0	7
Стремление зарабатывать много денег любой ценой	22,3	9–10	17,6	7–8	16,9	6
Легкомысленное отношение к семье	26,7	6–7	14,1	9	10,0	8
Большое количество сексуальных связей	22,3	9–10	17,6	7–8	2,3	11
Увлечение наркотиками	23,3	8	12,7	10	3,3	10
Карьеризм	9,4	11	6,8	11	8,0	9
Итого	329,2		243,5		191,6	

ся у младшей и средней поколенческих групп ($r = 0,75$). Относительно менее высокий уровень близости самооенок (ментально-поведенческой близости, схожести) проявляется у младшей и старшей поколенческих групп ($r = 0,64$). Таким образом, у разных возрастных групп нет коренных противоречий в оценках отрицательных качеств, присущих, по мнению респондентов, людям их поколения.

Результаты более детального анализа корреляционной связи между самооценками (ответами респондентов) по разным группам – лидирующих пяти пунктов (ответов), занявших с 1-го по 5-е места по всей выборке, и остальных, не лидирующих шести пунктов (ответов), занявших с 6-го по 11-е места, представлены в табл. 5.

Если в распределении лидирующих ответов (места с 1-го по 5-е по всей выборке) респондентов средней и старшей возрастных групп в отношении отрицательных качеств своего поколения уровень корреляционной связи весьма высокий ($r = 0,93$), то в распределении лидирующих ответов младшей группы по отношению

к распределению лидирующих ответов у других групп уровень корреляционной связи минимальный: по отношению к средней возрастной группе – очень слабая связь ($r = 0,09$), по отношению к старшей возрастной группе – слабая отрицательная связь ($r = -0,15$).

Приведённые показатели корреляционной связи ответов (самооенок) респондентов позволяют делать выводы, во-первых, о высоком уровне ментально-поведенческой близости, схожести между средней и старшей возрастными группами, во-вторых, о невысоком, минимальном уровне ментально-поведенческой близости, схожести младшей группы по отношению к средней и старшей возрастным группам (иначе говоря, о ментальной автономности и отдалённости младшей группы от других возрастных групп).

Распределение не лидирующих шести пунктов (ответов), занявших места с 6-го по 11-е по всей выборке, имеет дополнительное, не основное значение для анализа ситуации, поскольку эти пункты (оценки) получили не так много голосов респондентов – около и менее 20% всех

Таблица 5

**Результаты корреляционного анализа по группам ответов на вопрос:
«Какие более или менее отрицательные черты наиболее характерны, на Ваш взгляд,
для людей Вашего поколения? (Несколько вариантов)» – по возрастным группам,
коэффициенты корреляции (r)**

Показатели	Группы по возрасту		
	16–24, n = 202	25–44, n = 205	45–69, n = 213
<i>Ответы с 1-го по 5-е места</i>			
Коэффициент корреляции (r)	0,09	0,09	
Классификация корреляционной связи	Положительная очень слабая		
Коэффициент корреляции (r)		0,93	0,93
Классификация корреляционной связи		Положительная тесная	
Коэффициент корреляции (r)	–0,15		–0,15
Классификация корреляционной связи	Отрицательная слабая		
<i>Ответы с 6-го по 11-е места</i>			
Коэффициент корреляции (r)	0,77	0,77	
Классификация корреляционной связи	Положительная сильная		
Коэффициент корреляции (r)		0,43	0,43
Классификация корреляционной связи		Положительная умеренная	
Коэффициент корреляции (r)	0,20		0,20
Классификация корреляционной связи	Положительная слабая		

респондентов. Но и в этом случае подтверждается вывод о ментальной автономности и отдалённости младшей группы от старшей возрастной группы.

Какие отрицательные черты младшей группы входят в круг ментальной автономности?

На лидирующих местах (1–3-е) – черты «Легкомысленность, беспечное отношение к жизни», «Увлечение спиртными напитками» и «Равнодушие к окружающим людям». По своему характеру эти черты связаны с инфантилизмом и эгоизмом, лидерство таких черт в самооценках молодёжи вызывает сожаление.

На аутсайдерских местах (9–11-е) – черты «Стремление зарабатывать много денег любой ценой», «Большое количество сексуальных связей» и «Карьеризм». По своему характеру эти черты являются рыночными и асоциальными, аутсайдерство таких черт позволяет сказать о молодёжи похвальное слово.

Обсуждение итогов анализа проблемной ситуации

Поскольку респонденты в отношении своего поколения более охотно (чаще) отмечали те

или иные положительные черты, чем отрицательные, то на этом основании можно сделать вывод, что общая оценка своего поколения у большинства респондентов в основном достаточно положительная.

Распределение положительных и отрицательных черт поколений, на основе самооценок респондентов, по лидерским и аутсайдерским местам показывает заметные ментально-поведенческие различия между младшим, средним и старшим поколениями. При этом есть основания говорить о ментальной автономности (обособленности, отдалённости) младшего поколения от других поколений, особенно от старшего, в отношении как положительных, так и отрицательных черт. Однако ментальная автономность младшего поколения не может рассматриваться, оцениваться как подобие полного (тем более абсолютного) обособления, отдаления молодёжи от других поколений.

Необходимо учитывать влияние объективных процессов и механизмов межпоколенческой преемственности. Поколения взаимосвязаны и влияют друг на друга в процессах взаимодействия и возникающих при этом взаи-

моотношений, хотя каждое из них живёт своей собственной жизнью, имеет свою собственную «судьбу», «поток собственной жизни» [4, с. 211]. Прежде всего, младшие поколения связаны со старшими процессами социализации. Первоначальная социализация индивидов происходит в семье, на уровне непосредственных взаимоотношений, на микроуровне. Поэтому неизбежно определённое влияние образа жизни, традиций и менталитета старших поколений в отношении младших поколений [5, с. 118]. Однако по мере взросления и младшие поколения становятся своеобразными «воспитателями» и «социализаторами» по отношению к более старшим поколениям – как это объясняется теорией М. Мид о типах культуры – постфигуративной, кофигуративной, префигуративной [6, с. 322–323]. В современном обществе все указанные типы культур фактически переплетаются и дают сложную «мозаичную» и динамичную социально-культурную картину.

Результаты нашего исследования переключаются со многими другими и, в частности, по своему подтверждают, что «если в советский период ценностью являлись коллективизм и преобладание общественного над частным, то сейчас все больше и больше людей, особенно молодежи, склоняются к индивидуализму и даже эгоизму» [7, с. 594]. В России, как и в большинстве стран мира, «ключевой тенденцией сегодня является сдвиг в сторону индивидуализма» [8, с. 111]. Более того, поколение Z, или центиниалы, рожденные в 2000-х гг., «заметно изменило палитру мировоззренческих установок и поведенческих практик современной молодежи в целом» [9, с. 125].

Однако в отношении того, насколько изменилась ценностная структура населения России в последние десятилетия, имеются и весьма оптимистичные оценки. Так, на основе социологического исследования, проведенного в 2012 и 2019 гг. социологами МГУ имени М. В. Ломоносова, сделаны следующие выводы. Прежде всего, вывод, что «преобразования ценностной структуры населения России из “материалистической” в “постматериалистическую” не произошло» [10, с. 86]. При этом «наиболее значимой для людей осталась ценность деятельного патриотизма, а на второе место с пятого места поднялась ценность воинственного патриотизма, что обусловлено произошедшими за семь лет изменениями в экономическом и политическом положении России в мире, санкционным давлением на нее» [10, с. 85].

Можно ожидать, что, под влиянием дальнейшего обострения отношений России и коллективного Запада в связи со специальной военной операцией на Украине ценности коллективизма, деятельного патриотизма и воинственного патриотизма для россиян будут ещё более значимыми.

В нашем опросе задавался и такой вопрос: «Вы готовы отстаивать интересы своего государства?» Вот какие результаты опроса получены.

Варианты ответов «Да, готов» и «Скорее готов, чем нет» вместе получили такие доли голосов респондентов: в младшей группе – 64,4%, в средней – 74,6%; в старшей группе – 67,6%, т.е. более чем две трети респондентов в каждой возрастной группе дали положительные ответы на поставленный вопрос. Варианты ответов «Нет, я болен / стар», «Нет, меня не касается» и «Другое» вместе получили в младшей группе опрошенных 35,7% голосов; в средней группе – 25,4%; в старшей группе – 32,4%. Иначе говоря, около одной трети респондентов в младшей и старшей группах и около одной четверти респондентов в средней группе дали отрицательные или уклончивые ответы на поставленный вопрос.

В целом, по социологическим данным, несмотря на потенциал «отчуждения» и критический настрой заметной части людей по отношению к современному российскому государству, всё же во всех возрастно-поколенческих группах весьма высок и преобладает потенциал патриотизма и гражданственности.

Список литературы

1. Любченко В. С. Социокультурное пространство современного общества: модерн и постмодерн // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11 (53), № 1. С. 48–58. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.1.3>
2. Волков Ю. Г. Личностные ресурсы развития современного российского общества: ретроспектива и перспектива проблемы // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 11 (50), № 4. С. 14–32. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.4.1>
3. Каспаров А. Р. Социальный конфликт в современном российском обществе: теоретические и эмпирические аспекты // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2022. Т. 8 (74), № 3. С. 14–21. EDN: MKNWSK
4. Лебедева Л. Г. Ключевые понятия и особенности исследования межпоколенческой преемственности // Наука XXI века: актуальные направления

- развития. 2023. Вып. 1, ч. 1. С. 208–213. <https://doi.org/10.46554/ScienceXXI-2023.02-1.1-pp.208>
5. Лебедева Л. Г. Социализация личности в дискурсе преемственности поколений // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 4 (52). С. 116–125.
  6. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения : пер. с англ. М. : Наука, 1988. 429 с.
  7. Дагаев Р. Р., Филатова Я. С. Генезис картины мира и аксиологических ценностей молодого поколения // НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47, № 3. С. 593–600. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-3-593-600>
  8. Николайчук И. А., Янглева М. М., Якова Т. С. Социокультурные аспекты приверженности россиян моделям коллективистского и индивидуалистического поведения: медиаграфические подходы в социологии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 3 (67). С. 101–113. https://doi.org/10.52452/18115942_2022_3_101
  9. Петухов В. В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 119–138. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>
  10. Аверин Ю. П. Изменение качества жизни российского населения как фактор преобразования ценностной структуры // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27, № 1. С. 85–111. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-1-85-111>

Поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 16.05.2024; принята к публикации 17.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 28.02.2024; approved after reviewing 16.05.2024; accepted for publication 17.05.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 295–300

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 295–300

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-295-300>, EDN: ZPZSQS

Научная статья

УДК 316.342.5

Элита и процесс ее воспроизводства в трудах Н. И. Кареева: актуальные аспекты социологического анализа

Д. В. Покатов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Покатов Дмитрий Валериевич, доктор социологических наук, заведующий кафедрой истории, теории и прикладной социологии, dvpokatov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-9193-1555>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности социологических воззрений на природу и роль в обществе элитных слоев одного из выдающихся отечественных мыслителей Н. И. Кареева. Его творчество и отстаиваемые им методологические позиции вызывают неоднозначные оценки среди исследователей различных научных школ и направлений. В своих трудах он затрагивал достаточно важные и актуальные сегодня проблемы методологических основ и принципов развития, а также роли социологии, ее взаимодействия с другими гуманитарными и социальными науками, прежде всего историей, научных оснований теории прогресса, сущности общественно-исторического процесса, общественной деятельности, роли в этих процессах личности. Одним из важных направлений в исследованиях Н. И. Кареева была элитная проблематика. Декларируя принципы научного анализа, свойственные позитивизму, но вместе с тем не отказываясь использовать и некоторые другие подходы, в том числе некоторые идеи субъективной школы в социологии, он представляет свое видение природы элиты. Так же, как и один из родоначальников теории элит В. Парето, он выделяет и дает характеристику двум базовым элитным слоям – правящей элите и слою, лишенному властных полномочий, но имеющему важные социальные показатели, вбирающему разнородные группы выдающихся политических деятелей, героев, крупных политических личностей. Также в данной работе обращается внимание на анализ базовых характеристик элиты и условий ее воспроизводства. При этом отмечается, что, развивая гуманистический, ценностный (меритократический) подход, Н. И. Кареев уделяет внимание такому важному фактору в воспроизводстве элит, как образование.

Ключевые слова: элита, политическая элита, Н. И. Кареев, социологический анализ, общественный деятель, воспроизводство элиты

Для цитирования: Покатов Д. В. Элита и процесс ее воспроизводства в трудах Н. И. Кареева: актуальные аспекты социологического анализа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 295–300. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-295-300>, EDN: ZPZSQS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Elite and the process of its reproduction in the works of N. I. Kareev: Actual aspects of the sociological analysis

D. V. Pokatov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Dmitry V. Pokatov, dvpokatov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-9193-1555>

Abstract. The article deals with the peculiarities of sociological views on the nature and role of elite strata in society of one of the outstanding Russian thinkers N. I. Kareev. His work and methodological positions defended by him cause ambiguous assessments among researchers of different scientific schools and directions. In his works he touched upon quite important and relevant problems of methodological foundations and principles of development, as well as the role of sociology, its interaction with other humanitarian and social sciences, first of all, history, scientific foundations of the theory of progress, the essence of social and historical process, social activity and the role of personality in these processes. The elite problematics was one of the important directions in his research. Declaring the principles of scientific analysis peculiar to positivism, but at the same time not refusing to use some other approaches, including some ideas of the subjective school in sociology, he presents his vision of the nature of the elite. Also, like one of the founders of the theory of elites V. Pareto, he identifies and characterizes two basic elite strata – the ruling elite and the stratum deprived of power, but having important social indicators, comprising heterogeneous groups of outstanding political figures, heroes, and major political personalities. This paper also draws attention to the analysis of the basic characteristics of the elite and the conditions of its reproduction. It is noted that developing the humanistic, value (meritocratic) approach, N. I. Kareev pays attention to such an important factor in the reproduction of elites as education.

Keywords: elite, political elite, N. I. Kareev, sociological analysis, public figure, elite reproduction

For citation: Pokatov D. V. Elite and the process of its reproduction in the works of N. I. Kareev: Actual aspects of the sociological analysis. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 295–300 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-295-300>, EDN: ZPZSQS

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В последние годы не ослабевает интерес как к изучению самой элиты, занимающей ведущие позиции в социальной структуре общества, так и к творчеству многих выдающихся социологов конца XIX – первой половины XX в., идеи которых и сами их исследования оказались в советский период на долгие годы под негласным, а в ряде случаев и официальным запретом. В ряду этих ученых и был один из крупнейших отечественных социологов и историков Н. И. Кареев. К изучению его творчества обращались многие исследователи разных исторических периодов. Ряд исследований, посвященных изучению исторических воззрений Н. И. Кареева, вышел в 60–70-е гг. XX в. [1, 2]. Также появлялись исследования, в которых затрагивались и отдельные аспекты его социологических воззрений [3]. После распада СССР значительно оживилось изучение вклада Н. И. Кареева в развитие социологии [4], его историко-социологических воззрений [5]. К 150-летию [6] и 170-летию [7] юбилеям ученого были изданы крупные монографии, в которых освещались взгляды Кареева на методологию истории и социологии, затрагивался проведенный им анализ сущности исторического процесса, роли личности в нем, освещались некоторые его идеи о формах правления и их классификации. При этом ряд исследователей совершенно справедливо отмечали многогранность как методологических установок ученого, так и разрабатываемых им тем. Так, зачастую отмечалось, что взгляды Н. И. Кареева близки к субъективной школе отечественной социологии. Как отмечает Ю. А. Васильев, в ряде случаев Н. И. Кареева считали позитивистом, испытывавшим большое влияние неокантианства, хотя сам ученый относил себя к позитивистам, реалистам и материалистам [8, с. 122]. Именно с данных позиций Н. И. Кареев и подходил к изучению многих исторических, философских и социологических проблем. В его творчестве оказались отраженными многие важнейшие вопросы, не потерявшие актуальности и сегодня. К ним относятся в том числе проблемы методологических основ и принципов развития, а также роли социологии, ее взаимодействия с други-

ми гуманитарными и социальными науками, в первую очередь историей, научных оснований теории прогресса, сущности общественно-исторического процесса, общественной деятельности, роли в этих процессах личности. Одним из важных направлений научных исследований ученого была элитная проблематика, которая только начала разрабатываться в конце XIX в. в трудах как западных (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс), так и отечественных (А. И. Стронин) ученых.

Важно отметить, что многие высказанные отечественными учеными конца XIX – первой половины XX в. (в том числе Н. И. Кареевым) оценки элиты актуальны и в наши дни. Это тем более важно сейчас, когда само понятие элиты оказалось несколько дискредитированным в результате стремления некоторых политиков прошлого и следующих в их русле исследователей, придерживающихся позиционной версии элитизма, отождествить элиту только с узкой правящей группой, не учитывая важных показателей и заслуг, которая несет в себе потенциальная контрэлита, не имеющая доступа к власти, но не лишенная важных элитных черт. Об этом, в частности, говорил в своем Послании Федеральному Собранию Президент России В. В. Путин, отмечая, что само понятие «элита» было во многом дискредитировано лицами, не имеющими никаких заслуг перед обществом и представляющими из себя некую закрытую касту с особыми правами и привилегиями. Подлинной элитой, по мнению В. В. Путина, являются служащие интересам России труженики и воины [9, с. 29].

Можно с уверенностью говорить, что еще в конце XIX – начале XX в. именно с гуманистических, ценностных, меритократических позиций подходил к изучению элитных слоев Н. И. Кареев. Как и многие отечественные исследователи этого периода (о чем говорилось в наших предыдущих работах [10]), Н. И. Кареев не использовал еще самой категории «элита». Вместе с тем в одной из своих работ он говорил о наличии особого слоя, занимающего вследствие имеющихся у него социальных и психических средств особое, исключительное положение [11, с. 299]. В своем крупном моногра-

фическом исследовании «Историология» он отмечал, что среди представителей общества всегда будет выделяться прослойка, включающая в себя инициаторов, изобретателей, реформаторов, вождей, многие из которых могут действительно называться великими людьми [12, с. 119]. Выделение направляющего общественного движения слоя достаточно неслучайно, так как не все индивиды одинаково одарены общественным инстинктом, интересами к общественной деятельности и имеют необходимую склонность к ней [13, с. 105].

Рассматривая сущность высших, элитных, слоев и условия их появления, Н. И. Кареев неизменно подчеркивал, что подходить к их анализу необходимо со строго научных позиций, которые бы учитывали опору на факты, беспристрастность и вместе с тем этическую точку зрения. При этом он отмечал, что этическая точка зрения – это не морализирование, не превращение истории в собрание нравственных примеров и поучений, а «просто человеческое суждение о человеческих делах, лишь бы не искажались факты» [14, с. 15]. Именно с таких позиций ученый подходит к оценке структуры элиты, ее состава, базовых характерных черт и условий воспроизводства. В структуре элиты Н. И. Кареев, так же как и итальянский социолог и экономист, родоначальник теории элиты В. Парето, фактически выделяет два слоя – слой лиц, обладающих властью, который пользуется доверием по своему положению, располагает материальными средствами, и потенциальную элиту (которая будет названа В. Парето «контрэлитой»), включающую в себя в том числе так называемых «великих людей», «героев», «крупных (недюжинных) личностей». При этом он достаточно верно замечает, что среди лиц, относящихся к уровню правящей элитной прослойки, вовсе не всегда проявляются люди с креативными, героическими качествами. Более того, очень часто подлинно великая личность часто остается без достаточного количества последователей, которые позволили бы ему играть в истории соответствующую ему роль, тогда как, наоборот, масса людей нередко устремляется за героями весьма сомнительного качества, т.е. за людьми, попадающими в исторические деятели совершенно случайно, в силу каких-нибудь чисто внешних обстоятельств, а не присутствующих им высоких качеств ума или характера [11, с. 81]. Особенно прискорбно и опасно, если

умственное и волевое величие не является величием в нравственном отношении [12, с. 119].

Развивая гуманистический, ценностный подход к элите, Н. И. Кареев обращается в большей степени к характеристике прослойки потенциальной элиты, которая не задействована в широком контексте во властных структурах. Данный слой весьма неоднороден и включает в себя уже упомянутые выше элитные сегменты. Объединяет их участие в общественной деятельности, являющейся весьма неоднородной и включающей в себя такие разновидности, как деятельность, направленная на реализацию духовных потребностей, также культурных приоритетов, деятельность по управлению обществом и поддержанию в нем порядка. Достаточно интересно замечание Н. И. Кареева о том, что общественная деятельность должна отличаться высокой степенью свободы и инициативы ее субъектов. В этой связи ей нет подлинного места в «полицейском государстве», которое управляется бюрократией [13, с. 60]. Важно также, чтобы общественный деятель преследовал не свои собственные интересы, поскольку это безнравственно, а четко следовал реализации общественных запросов.

Несмотря на данное объединяющее обстоятельство, между «великими людьми», «героями», «крупными (недюжинными) личностями» были и различия. Следует отметить, что взгляды на сущность этих категорий у Н. И. Кареева видоизменялись. При этом в своих работах он подчеркивал, что не являлся сторонником распространившейся в западной и отечественной социально-философской мысли теории героев и толпы. В работе «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» ученый отмечает, что на верхней ступени общественной лестницы он поставил бы людей, самостоятельно задумывающих совокупное действие и выполняющих его лишь при помощи посторонних сил, в то время как на нижней – людей, чуждых самому замыслу и лишенных самостоятельности. Но при этом, по его мнению, такое разделение лиц, участвующих в исторических событиях, конечно, не является простым повторением только в той или иной форме теории разделения на «героев» и толпу. Это связано с тем, что, во-первых, как отмечает Н. И. Кареев, при таком разделении, принимающем в расчет постепенность переходов от одной категории к другой, сглаживается та граница, которая совершенно произвольно

устанавливается между единицей и толпой: «герой» не выделяется из массы, как нечто от нее отдельное, ей противоположное; он признается ее составной частью, находящейся в таком же взаимодействии, как и все остальные. Во-вторых, «противоположение» между одной «знаменитостью» и всеми обыкновенными смертными среди этих «всех» не различает лиц, совокупно со «знаменитостью» участвующей в событии, которому она дает название, и лиц, прямо в событиях не участвующих. Тем более здесь не проводится «еще более тонкого различия между исполнителями, пособниками и просто прикосновенными индивидами среди участников событий» [11, с. 308–309].

Переходя к рассмотрению отдельных категорий потенциальной элиты, Н. И. Кареев отмечает, что нет единства в их понимании. При этом относительно категории «великий человек» или «великая историческая личность» в работе «Историология» ученый отмечает, что нет и не может быть никакого точного мерила для их сравнительной оценки [12, с. 119]. Однако в другой своей работе он подвергает критике ряд имеющихся подходов и делает попытку определения данной категории. В частности, его не устраивает подход французского философа А. Жоли, трактовавшего великого человека как субъекта, который дает определенную связь, форму и направление стремлениям масс. Также Н. И. Кареев подвергает критике подходы Э. Геннекена, отмечавшего, что великие люди обладают исключительной инициативой действия, и Л. Бурдо, считавшего великого человека субъектом исключительных способностей и усилий [11, с. 313–314]. Не вызывает его одобрения и идея отечественного социолога Н. К. Михайловского о том, что «великий человек» в наибольшей степени концентрирует в себе чувства, инстинкты, мысли и желания толпы [11, с. 314]. С точки зрения Н. И. Кареева, каждый из перечисленных ученых берет в расчет только один из признаков, встречающихся у великих людей, обобщая во многом частные случаи. Чтобы более верно определить сущность великого человека, необходимо, по мнению Н. И. Кареева, учитывать взаимное влияние его и общества. При этом, полагал ученый, историки, философы, определяя историческое значение великих людей вообще, стараются ответить на вопрос, что они производят, мало интересуясь тем, как они это делают, иными словами, стремятся понять их роль

только в результатах их деятельности, которые могут предусматривать их влияние на других, а не в ее основах, которые заключаются в том, что крупные исторические деятели не просто воспроизводят в своей деятельности прагматические влияния, которым подвергаются со стороны общества, но самостоятельно их перерабатывают сообразно особым психическим и социальным условиям [11, с. 338]. Таким образом, «великий человек» – это представитель элиты, содействующий прогрессу, вносящий новые идеи, выражающий назревшие потребности общества и умеющий воплотить их в жизнь. «Крупная историческая личность» – это элитный представитель, чья деятельность проявляется в эпоху каких-либо исторических катаклизмов и направлена на изменение общества в том или ином направлении, безразлично по отношению к прогрессу или регрессу [11, с. 324].

Рассматривая отдельные категории и типы элитных деятелей, Н. И. Кареев стремился дать общую характеристику их базовых качеств и выявить те факторы и институты, которые способствуют их воспроизводству. К числу важнейших признаков представителей потенциальной элиты он относил: общее нравственное и умственное развитие, опыт деятельности в специальной сфере, интерес к общественным делам, чувство ответственности и, конечно, высокий уровень образованности.

Формированию данных качеств должны способствовать и особые общественные институты, в том числе политические партии (Н. И. Кареев был одним из первых отечественных ученых, кто обратил на это внимание вместе с М. Я. Острогорским), а также институты образования. При этом в своих работах ученый фактически представил рекомендации по образовательной подготовке будущей элиты. До Н. И. Кареева известный отечественный философ и социолог Б. Н. Чичерин считал, что представитель элиты должен иметь серьезную политологическую подготовку и образование [15, с. 5]. Несколько иную точку зрения высказывал впоследствии американский социолог Ч. Р. Миллс, считавший, что адвокатское искусство словесного воздействия имеет много сходств с профессиональным искусством, требующимся для политической деятельности [16, с. 340].

В отличие от данных авторов, Н. И. Кареев считал, что для будущих представителей эли-

ты, прежде всего, важна более основательная гуманитарная подготовка, в основе которой будет находиться социологическое образование. По мнению ученого, лишь то, что социологически важно и в политике, и в юриспруденции, и в политической экономии, привлекает к себе среднего читателя, стремящегося не к средним знаниям в той или иной области, а к общему образованию [14, с. 27]. В этой связи ученый разработал целую образовательную программу для представителей элиты, которую необходимо было реализовать для воспроизводства новых ее представителей. Она включала в себя в том числе изучение научных биографий общественных деятелей ряда стран, разборы и характеристику деятельности политических партий и их борьбы за власть, научные повествования о крупнейших общественных движениях, историю реформаторских движений и т.д. [13, с. 133–134].

Данная идея чрезвычайно важна и для современного этапа развития нашего общества. Как известно, в целом ряде западных стран, в том числе Франции, Великобритании, созданы небольшие специализированные учебные заведения для представителей элиты со своими программами обучения. В нашей стране, к сожалению, такого опыта пока нет. В результате в современных условиях благодаря социально-экономическим, социализационным, политическим факторам ведущие позиции в процессе образовательной подготовки и воспроизводства элиты занимают столичные классические вузы. Проведенный автором анализ 684 биографий представителей политической элиты показывает, что 6,44% их окончили различные факультеты и институты Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. При этом лидирует экономический факультет (1,16%)¹, что подтверждается и результатами других исследований [17, с. 266]. Далее позиции разделили исторический, юридический факультеты и факультет журналистики (0,72%). На втором месте – Санкт-Петербургский университет, подготовивший 2,77% политиков, а затем – МГИМО

¹ Подсчитано автором на основании биографий, опубликованных в: Правительство России : [сайт]. URL: <http://www.government.ru> (дата обращения: 15.03.2024); Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.duma.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2024); Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.council.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2024).

(2,48%). К сожалению, среди классических университетов не представлен такой известный вуз, созданный одним из последних в императорской России, как Саратовский госуниверситет имени Н. Г. Чернышевского. Хотя формально многие представители современной отечественной политической элиты и получили дипломы классических университетов, сам характер их образования не свидетельствует о воспроизводстве разносторонне образованной элиты. Доминирование в элите прослойки технократов (41,7%) [16] и экспертов-интеллектуалов, лишенных важной для интеллигенции этической составляющей, говорит о том, что сама практика широкой универсальной подготовки, характерная для прежнего классического образования, постепенно уходит. Реализуя научно-исследовательские и образовательные функции, очень часто забывают о культурных и воспитательных основах, столь важных для подготовки элитных слоев. В этой связи снова достаточно остро стоит вопрос о возвращении роли гуманитарной составляющей классического образования, придание процессу подготовки специалистов высшей квалификации интегрального характера на основе общей социально-гуманитарной подготовки, о чем говорили многие классики социологической мысли, в частности Н. И. Кареев.

Подводя итог всему сказанному выше, можно отметить, что многие рассмотренные в статье идеи, составляющие основу теории Н. И. Кареева о сущности общественной природы элитных слоев, важности гуманистической составляющей ее базовых признаков, ведущей роли образовательных институтов и общей гуманитарной составляющей образовательного процесса в формировании облика и в воспроизводстве самой элиты, не только не потеряли своей актуальности, но и должны быть главенствующими в формировании будущей отечественной элиты.

Список литературы

1. Золотарев В. П. Н. И. Кареев – историк-методист : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1965. 19 с.
2. Вебер Б. Г. Н. И. Кареев // Советская историческая энциклопедия : в 16 т. Т. 7. М. : Советская энциклопедия, 1965. С. 27–28.
3. Гнатюк Л. В. Социологическая концепция Н. И. Кареева // Актуальные проблемы истории философии народов СССР. Вып. 1. М. : Изд-во Московского ун-та, 1972. С. 497–516.

4. Геккер Дж. Вклад Н. Кареева в социологию // Рубеж. 1992. № 3. С. 37–52.
5. Голосенко И. А. Историко-социологические взгляды Н. И. Кареева // Кареев Н. И. Основы русской социологии. СПб. : Лимбах, 1996. С. 5–26.
6. Социология истории Николая Кареева. К 150-летию со дня рождения : межвуз. сб. / под ред. А. О. Бороноева, В. В. Козловского, И. Д. Осипова. СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. 420 с.
7. Социология в трудах Николая Ивановича Кареева. Сборник к 170-летию Н. И. Кареева: По материалам конференции Герценовского университета / отв. ред. А. В. Воронцов. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2022. 380 с.
8. Васильев Ю. А. Феномен «Ecole russe»: теория истории Н. И. Кареева // Русский мир. 2010. № 3. С. 121–134.
9. Послание Президента Федеральному Собранию // Российская газета. 2024. 1–6 марта. С. 22–29.
10. Покатов Д. В. Политическая элита России: теория, история, современность (социологический анализ) / под ред. Г. В. Дыльнова. Саратов : ИЦ «Наука», 2010. 320 с. EDN: QOLOJP
11. Кареев Н. И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1914. 574 с.
12. Кареев Н. И. Историология // Социология истории Николая Кареева. К 150-летию со дня рождения : межвуз. сб. / под ред. А. О. Бороноева, В. В. Козловского, И. Д. Осипова. СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. С. 13–238.
13. Кареев Н. И. Мысли о сущности общественной деятельности. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1901. 173 с.
14. Кареев Н. И. Историко-философские и социологические этюды. СПб. : Изд. СПб. Акционерного общества Печатного дела «Печатник», 1899. 520 с.
15. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки : в 3 ч. М. : Типография т-ва Кушнер и К, 1898. Ч. 3. 556 с.
16. Миллс Ч. Р. Властвующая элита. М. : Изд-во иностранной литературы, 1986. 544 с.
17. Тев Д. Б. Элитное образование: главные кузницы высокопоставленных администраторов за рубежом и в России // Власть и элиты = Power and elites : альманах / редкол. : гл. ред. А. В. Дука [и др.]. СПб. : Интерсоцис, 2015. Т. 2. С. 250–275.

Поступила в редакцию 26.03.2024; одобрена после рецензирования 06.04.2024;
принята к публикации 17.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 26.03.2024; approved after reviewing 06.04.2024;
accepted for publication 17.05.2024; published 30.08.2024

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 301–304

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 301–304

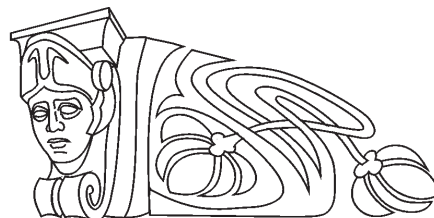
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-301-304>, EDN: OLLCGL

Научная статья

УДК 316.4

Социальные последствия воздействия иностранных СМИ на протестную активность молодежи

Е. А. Храмов

Российский государственный социальный университет, Россия, 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1

Храмов Евгений Андреевич, аспирант кафедры социологии, ekhramov85@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-1659-790X>

Аннотация. Сегодня перед Российской Федерацией в новых динамично трансформирующихся реалиях – противостоянии западной идеологии, культивируемой «культуры отмены», а также проведении специальной военной операции России на территории Украины (СВО) – стоит множество задач по защите населения от агрессивного информационного воздействия извне. Особенно уязвимыми для цифровых «вбросов» являются молодые люди – социально-демографической группа, характеризующаяся несформированностью мировоззренческих взглядов и ценностных установок. В статье рассматриваются деятельность иностранных средств массовой информации и их воздействие на протестную активность молодежи, а также влияние на распространение экстремистских идей и повышение криминальной активности несовершеннолетних. Дается актуальное определение СМИ в соответствии с действующими нормативными правовыми актами. На основе мониторинга вторичного анализа социологических исследований (Всероссийского центра изучения общественного мнения и региональных исследований) раскрываются социальные последствия оказываемого негативного влияния. Проводится анализ основных путей и способов распространения информации иностранных средств массовой информации. Сформулированы основные социальные последствия влияния зарубежных масс-медиа на эскалацию протестной активности современной российской молодежи.

Ключевые слова: средства массовой информации, СМИ, масс-медиа, протестная активность, молодежь, социальные последствия, фейки

Для цитирования: Храмов Е. А. Социальные последствия воздействия иностранных СМИ на протестную активность молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 301–304. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-301-304>, EDN: OLLCGL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Social consequences of the impact of foreign media the on young people`s protest activity

E. A. Khramov

Russian State Social University, 4, bld. 1 Wilhelm Pieck St., Moscow 129226, Russia,

Evgeny A. Khramov, ekhramov85@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-1659-790X>

Abstract. Today, the Russian Federation, in the new dynamically transforming realities: the confrontation of Western ideology, the cultivated "culture of cancellation", as well as conducting of a special military operation of Russia on the territory of the Ukraine (SVO), faces many tasks protecting the population from aggressive information and the influence from the outside. Especially vulnerable to digital "stuffing" are young people – a socio-demographic group characterized by an unformed worldview and value attitudes. The article examines the activities of foreign mass media and their impact on the protest activity of young people, as well as the impact on the spread of extremist ideas and increasing criminality among the minors. An up-to-date definition of the media is given in accordance with the current regulatory legal acts. The main social consequences of the negative impact, based on the monitoring of the secondary analysis of sociological research (the All-Russian Center for the Study of Public Opinion and Regional Studies), are revealed. The analysis of the main ways and methods of dissemination of information by foreign mass media is carried out. The author formulates the main social consequences of the influence of foreign mass media, affecting the escalation of protest activity of modern Russian youth.

Keywords: media, mass media, protest activity, youth, social consequences, fakes

For citation: Khramov E. A. Social consequences of the impact of foreign media the on young people`s protest activity. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 301–304 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-301-304>, EDN: OLLCGL

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Современные исследования по изучению воздействия СМИ на протестную активность молодежи достаточно полно освещают ее текущее состояние. Влияние деятельности СМИ на протестный акционизм среди молодежи анализировалось на основе концепций о постправде (Э. А. Тайсина [1], А. В. Морозов [2]), виртуальной реальности (Ж. Бодрийяр [3]) и тезисов о применении манипуляций (С. Кара-Мурза [4]). Однако мотивы, детерминанты и, что немало важно, социальные последствия воздействия иностранных СМИ на протестную активность молодежи мало исследованы.

Средства массовой информации играют роль медиатора между конечным потребителем контента и источником информации. Дефиниция СМИ дана в ст. 2 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: «...под средствами массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)» [5]. Иными словами, масс-медиа есть совокупность существующих и современных технологий трансляции информации (печатные издания, теле- и радиовещание, сеть Интернет), включающая в том числе и институты, осуществляющие управление информационными потоками.

Используя системный подход и сравнительный анализ, а также иные методы социологического исследования (контент-анализ, структурно-функциональный, социально-сетевой анализ и др.), осуществим попытку комплексно рассмотреть влияние иностранных СМИ на возможность появления протестных настроений российской молодежи с целью выявления социальных последствий.

В текущих реалиях, в состоянии высокой конкуренции среди СМИ, донесение информации о событиях до общества отходит на второй план. Социальные медиа больше ориентированы на рейтинги и сенсации для привлечения наибольшего количества потребителей информационного контента – реального или несуществующего, создания эффекта экзальтации.

Стабильным трендом для современных медиа является переход в новое – «цифровое» – поле (виртуальные социальные сети, блоги, видеосервисы и т.д.) и увеличение воздействия на социум. Так, по данным ВЦИОМ, в октябре 2022 г. среди опрошенных россиян преобладала

смешанная модель медиапотребления: телевидением и Всемирной паутиной не реже нескольких раз в неделю пользуются 53% опрошенных.

Стоит отметить, что за последние пять лет количество респондентов, назвавших интернет в качестве основного информационного ресурса, увеличилось вдвое (в 2018 г. – 13%; в 2022 г. – 29%).

Социально-демографические характеристики пользователей новостного контента в киберпространстве позволяют с уверенностью говорить о том, что аудитория интернета – это молодежь: ее доля в возрасте 18–24 лет составляет 66%, 25–34 лет – 52% [6]. Пространство Глобальной сети, включающее в себя всю совокупность производимого контента, как развлекательного, так и новостного, для молодого поколения выступает в качестве инструмента социализации, в котором закладываются ценностные нормы поведения с последующими примерами социальных ролей.

Подобные образцы исполнения социальных ролей, помимо созидательной функции, могут нести и противоположный – деструктивный – контекст путем распространения ложных представлений, фейков, диаметрально отличающихся от существующей реальности. Другая сторона сети Интернет как инструмента масс-медиа несет в себе потенциальные риски: в отличие от традиционных представлений о СМИ, нельзя с уверенностью говорить о контроле за всеми виртуальными «слепыми зонами» и о том, что делает тот или иной журналист, в особенности иностранный. Представляемые новостные блоки западноевропейскими средствами массовой информации практически не проверяемы по отношению к первоисточнику. При освещении одного и того же события российскими и иностранными СМИ наблюдается устойчивая тенденция «двойных стандартов» [7].

Не так давно участие иностранных СМИ в освещении новостей вокруг происходящих «цветных революций», «русской весны», «арабской весны» и других резонансных политических событий в большей степени было связано с внешним информационным давлением на конкретные социально-демографические группы, в частности на молодежь. Молодые люди, выступая целевой группой, попадали под постоянные информационные манипуляции и воздействия, формирующиеся центрами и лидерами общественного мнения зарубежной страны или стран.

Кроме того, в настоящее время существует актуальная проблема создания сайтов-двойни-

ков [8], владельцы которых пользуются несовершенством технической стороны социального контроля, в том числе систематически изменяют IP-адрес, «шифруют» места трансляций, используют программное обеспечение VPN, интернет-браузеры со встроенными программами VPN. Информация, черпаемая из таких источников, порождает необоснованные страхи и повышенную тревожность среди молодых людей, нарушает устоявшийся жизненный порядок и, как следствие, трансформирует социально-психологическое состояние общества, провоцирует принятие спонтанных решений, в том числе обуславливающих рост социальной напряженности и протестной активности.

С момента начала проведения Российской Федерацией специальной военной операции Роскомнадзором заблокировано около 85 тыс. публикаций, так или иначе связанных с недостоверной информацией о действиях России на территории Украины [9]. Только за два месяца спецоперации число выявленных фейков составило около 6,5 млн [10]. Чаще всего они касались объявленной частичной мобилизации [11], полного уничтожения российской экономики [12], хода СВО и т.д.

Например, иностранные СМИ намеренно фокусируются на мобилизации «чувства несправедливости». В таком же дискурсе поднимается вопрос о неправомерности действий российских властей по объявленной частичной мобилизации [13]. Здесь имеет место проявление агрессивного информационного поведения со стороны внешних сил, направленного на фальсификацию и неверное понимание целевой аудитории истинных мотивов принимаемых решений первыми лицами Российской Федерации. Это указывает на применение зарубежными масс-медиа инструментов спекуляции на теме мобилизации в целях наращивания протестного акционизма, настроений разобщенности в стране и фиксации уничижительного отношения власти к населению в целом.

Так, по данным ВЦИОМ, 37% молодых людей в возрасте 18–24 лет «скорее не поддерживают решение провести специальную военную операцию России в Украине». Около половины (48%) респондентов того же возраста доверяют «новостям из Интернета», «когда речь идет о военной операции России на Украине»; 40% опрошенных «не поддерживают частичную мобилизацию граждан России» (сумма ответов: 13% «скорее не поддерживаю» и 27% «определенно не поддерживаю»). При опросе каждый четвертый (26%) представитель мо-

лодежи 18–24 лет выказал «недоверие Владимиру Путину» (сумма ответов: 13% «скорее не доверяю» и 13% «безусловно не доверяю»), каждый третий высказал сомнения в успешности «военной операции для российских войск» (32% «скорее не успешно») [14].

Примечательно распространение информации о сложной экономической ситуации, создавшейся в Российской Федерации в результате санкционного давления со стороны иностранных государств [15], не соответствующей действительности [16].

Еще одно свидетельство негативного воздействия иностранных СМИ – это увеличение «градуса» агрессии и насилия в обществе, в том числе и среди молодежи. Об этом свидетельствуют факты мушкетирования случаев стрельбы в военкоматах и местных администрациях: в Алтайском, Забайкальском, Краснодарском, Красноярском, Ставропольском и Хабаровском краях; Амурской, Волгоградской, Калининградской, Калужской, Ленинградской, Московской, Оренбургской, Свердловской, Тверской и Ярославской областях и других, квалифицируемых как террористические акты [17]; убийства в Подмоскowie байкера, случайно повредившего машину [18]; поджоги автомобилей с буквой «Z» [19] и др. Нарастание агрессивных проявлений в обществе объясняется не только с точки зрения психологических и возрастных особенностей, свойственных демографическим группам, особенно молодежи, но и внешним влиянием, в том числе информационной среды, которая задает определенный фон.

Таким образом, можно выделить следующие негативные последствия воздействия иностранных СМИ на молодежь в современных условиях:

- повышение уровня криминогенности. Отмечается увеличение числа преступлений террористического характера и экстремистской направленности (+4,5%, всего – 2233 и +48,2%, всего – 1566 соответственно за 2022 г.) [20];
- социально-экономические. Отток квалифицированных кадров из России и последующая их замена на менее квалифицированную рабочую силу из стран СНГ будет способствовать возникновению острых конфликтов на межнациональной почве и росту протестной активности;
- демографические. Увеличение миграционных потоков как внешних, так и внутренних, может привести к проникновению протестной идеологии и релокации уже существующих акторов-носителей протестного потенциала;

– правовые. Репрессивный характер изменений в законодательстве в отношении различных общественных институтов, в том числе затрагивающих широкие массы населения, что может выступить прямым триггером эскалации протестной активности.

Подводя итоги, перечисленные социальные последствия воздействия зарубежных средств массовой информации на протестную активность молодежи могут свидетельствовать о следующем.

В первую очередь, это активизация молодых людей в минимально короткие сроки для радикализации мирного протеста путем создания фейков.

Второе последствие – возможный рост недоверия к принимаемым решениям руководства Российской Федерации. Это может послужить триггером для локального протестного акционизма.

Третье последствие – нагнетание иностранными СМИ чувства несправедливости и неопределенности по отношению к молодежи, что представляет риск для возникновения социальных конфликтов.

Список литературы

1. Тайсина Э. А. Пост-истина в политическом и философском смыслах. Рецензия на книгу Ли Мак-Интайра «Пост-истина» издательство Массачусетского технологического института, 2018 г. // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2022. Т. 4, № 2. С. 117–123. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.2.14>
2. Морозов А. В. Как «постистинный мир» наконец стал гиперверием. Рецензия на книгу Стива Фуллера // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5, № 3. С. 287–297. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-3-287-297>
3. Baudrillard J. Illusion, Désillusion, Esthétiques. Paris : Sens & Tonka, 1997. 46 p.
4. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. Век XXI. М. : Алгоритм, 2015. 464 с.
5. О средствах массовой информации : закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 29.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Тренды медиапотребления // ВЦИОМ. Новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trendy-mediapotrebleniya-2022> (дата обращения: 30.05.2023).
7. Западные СМИ опустили стандарты журналистики до небывалых глубин // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220316/standarty-1778338104.html?in=t> (дата обращения: 30.05.2023).
8. Информационное письмо Банка России от 18.01.2023 № ИН-08-12/6 «О национальной оценке рисков ОД и ФТ». URL: <https://cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/6126> (дата обращения: 01.06.2023).
9. РКН заблокировал более 85 тысяч материалов с начала спецоперации на Украине // ЗакС.Ру: Новости. URL: <https://www.zaks.ru/new/archive/view/225456> (дата обращения: 25.05.2023).
10. В России выявлено 6,5 млн фейков о спецоперации на Украине // Взгляд. URL: <https://vz.ru/news/2022/4/26/1155771.html> (дата обращения: 02.06.2023).
11. Пять главных фейков про мобилизацию: Как западные спецслужбы сеют ложь // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27457/4661555/> (дата обращения: 30.05.2023).
12. Псаки считает, что экономика России сокрушена санкциями США и их союзников // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5258376> (дата обращения: 15.05.2023).
13. Британская разведка пришла к выводу о якобы подготовке Россией еще одной волны мобилизации // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/209863-britanskaja-razvedka-prishla-k-vyvodu-o-jakoby-podgotovke-rossiej-esche-odnoj-volny-mobilizacii.html> (дата обращения: 30.05.2023).
14. База результатов опроса россиян «Спутник» // ВЦИОМ. URL: <https://bd.wciom.ru/> (дата обращения: 02.06.2023).
15. Countering the cost-of-living crisis // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/10/11/world-economic-outlook-october-2022> (дата обращения: 30.05.2023).
16. МВФ улучшил прогноз по российской экономике. Что думают об этом российские эксперты // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/01/31/mvf-oknagrosta.html> (дата обращения: 02.06.2023).
17. Поджоги военкоматов в России (2022). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Поджоги_военкоматов_в_России_\(2022\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Поджоги_военкоматов_в_России_(2022)) (дата обращения: 15.05.2023).
18. В Подмоскowie автолюбитель до смерти забил байкера битой // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/09/28/reg-cfo/v-podmoskove-avtoliubiteldo-smerti-zabil-bajkera-bitoj.html> (дата обращения: 15.05.2023).
19. В Екатеринбурге ищут поджигателей машин с буквами Z // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20221130/z-1835267953.html> (дата обращения: 17.05.2023).
20. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2022 года // МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 30.05.2023).

Поступила в редакцию 23.11.2023; одобрена после рецензирования 11.02.2024; принята к публикации 15.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 23.11.2023; approved after reviewing 11.02.2024; accepted for publication 15.05.2024; published 30.08.2024

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 305–314

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 305–314

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-305-314>

EDN: QXTFJX

Научная статья

УДК 32+303

Поиск российской национальной идеи как фактор современной государственной молодёжной политики

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

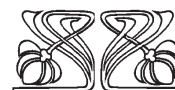
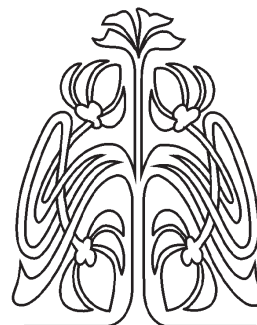
Аннотация. Настоящая публикация посвящена анализу одной из ключевых проблем стратегии современной российской государственной молодёжной политики. Это проблема устойчивого доминирования в молодёжной политике мотивов государственной благотворительности (систематические инвестиции бюджетных средств в решение текущих проблем молодёжи в целом, либо отдельных её групп) над мотивами национально-государственного интереса (обеспечения суверенитета и безопасности страны, решения задач её экономического развития) на протяжении всего постсоветского времени и вплоть до наших дней. Длительные и интенсивные поиски в указанный период российской национальной идеи существенно не повлияли на структуру мотивов сотрудничества государства со своими молодыми гражданами в вопросах воспитания, образования, профессиональной ориентации и ценностного выбора. Причину того, что молодёжная политика в идейном отношении развивалась сама по себе и поиски национальной идеи не наполняли её какими-то принципиально новыми смыслами, автор публикации усматривает в специфической технологии таких поисков – как политической технологии. Специфика обнаруживает себя в том, что поиск был направлен на максимальное совершенствование теоретической доктрины, призванной стать новой российской национальной идеей, на придание ей оригинальных формы и содержания. При этом из обсуждения исключались вопросы применения такой теоретической доктрины для решения практических задач внутренней российской социальной политики и, в частности, государственной молодёжной политики. Сегодня в российской политике наблюдается поворот: институты и практики, обычные для либеральной демократии, всё более наполняются консервативно-патриотическим смыслом. Возобновление в этой связи поисков российской национальной идеи может повторить судьбу предшествующих экспериментов в этом направлении. В мотивах молодёжной политики не образуется в данном случае значимой связи с национально-государственными интересами, и перспектива её выведения силами её субъектов на какой-то качественно новый уровень будет в очередной раз отодвинута на неопределённое время.

Ключевые слова: государственная молодёжная политика, национальная идея, политические технологии

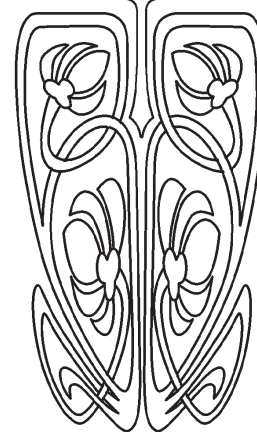
Благодарности. Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Отношение "цифрового" поколения к молодёжной политике в современной России: оценки, риски, варианты оптимизации», поддержанного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Для цитирования: Шестов Н. И. Поиск российской национальной идеи как фактор современной государственной молодёжной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 305–314. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-305-314>, EDN: QXTFJX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Search for the Russian national idea as a factor of modern state youth policy

N. I. Shestov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Nikolay I. Shestov, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Abstract. This article is devoted to the analysis of one of the key problems of the strategy of modern Russian state youth policy. This is the problem of sustainable dominance in youth policy of the motives of state charity (systematic investments of budget funds in solving current problems of youth, in general, or of individual groups) over the motives of national-state interest (ensuring the sovereignty and security of the country, solving the problems of its economic development) throughout the post-Soviet era and up to the present day. The long and intensive search for the Russian national idea during this period did not significantly affect the structure of motives for cooperation between the state and its young citizens in issues of upbringing, education, professional guidance and value choice. The author sees the reason that youth policy ideologically developed on its own and the search for a national idea did not fill it with any fundamentally new meanings in specific technology of such searches as political technology. The specificity reveals itself in the fact that the search was aimed at maximizing the improvement of the theoretical doctrine, designed to become a new Russian national idea, at giving it original form and content. At the same time, issues of applying such a theoretical doctrine to solve practical problems of internal Russian social policy and, in particular, state youth policy were excluded from the discussion. Today there is a turn in Russian politics: institutions and practices common to liberal democracies are increasingly filled with a conservative-patriotic meaning. The resumption, in this regard, of the search for the Russian national idea may repeat the fate of previous experiments in this direction. In this case, the motives of youth policy do not form a significant connection with national-state interests and the prospect of bringing it through the efforts of its subjects to some qualitatively new level will once again be postponed indefinitely.

Keywords: state youth policy, national idea, political technologies

Acknowledgments: The article was prepared as part of the research project "The attitude of "digital" generation to youth policy in modern Russia: assessments, risks, optimization options", supported by the Expert Institute for Social Research (EISR) together with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences.

For citation: Shestov N. I. Search for the Russian national idea as a factor of modern state youth policy. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 305–314 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-305-314>, EDN: QXTFJX

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

За последние несколько лет в мотивационной сфере российской внутренней и внешней политики произошёл заметный идейный разворот. Либеральные институты и практики своего политического участия государство и общество стали наполнять нелиберальным, консервативно-патриотическим ценностным содержанием. Разворот достаточно быстрый. Во многом по той причине, что инициатива идеологической переполюсовки исходила от федеральной власти, пользующейся большим общественным доверием и поддержкой региональных элит. У отечественных интеллектуалов появился в этой связи повод вернуться к задаче, решить которую на протяжении всего постсоветского времени они пытались неоднократно, притом без очевидного практического результата. Задача состояла в создании российской национальной идеи. Идеи, более-менее понятной и близкой всем гражданам Российской Федерации, от рядового пенсионера до президента, которая сплачивала бы власть и общество в деле отстаивания национально-государственных интересов вне зависимости от личных идеологических предпочтений людей, частных интересов социальных и профессиональных корпораций. Поиск такой идеи уже идёт, притом достаточно активно [1–3] и при поддержке на самом высоком государственном уровне [4, 5].

Решение этой задачи сегодня было бы важным вкладом в успех государственной молодёжной политики. Государство вкладывается в эту политику своими немалыми материальными и организационными ресурсами. Оно старается расширить круг её сознательных и активных участников. Делается это для того, чтобы сформировать у новых поколений граждан максимально лояльное отношение к интересам и управленческим действиям институтов власти. Без такой лояльности какое-либо долгосрочное планирование государственного управления и прогнозирование его результатов лишено практического смысла.

При всём том достижению желаемого максимального уровня гражданской лояльности мешает парадокс. Он обнаруживает себя, в принципе, по всем направлениям социальной политики государства. Просто в сфере молодёжной политики он наиболее выражен. А именно чем больше становятся активность молодёжи и её охват различными мероприятиями, инициированными институтами власти (а это сегодня – главные формальные показатели успешности молодёжной политики), тем чаще препятствием для организаторов молодёжной политики на пути к их цели становится бесконечное разнообразие оценок молодыми людьми российской внутренней и внешней полити-

ки, деятельности институтов государственной власти федерального и местного уровней, политических лидеров.

Такое разнообразие естественно. Молодые люди по рождению принадлежат к разным социальным группам. У них разное образование и семейное воспитание, разные планы на жизнь. Они в силу возраста с повышенной критичностью относятся к опыту, политическому в том числе, своих предков и часто склонны к радикальным моральным оценкам политических событий. Их нелегко побудить воспринимать политическую жизнь в связи её прошлых, настоящих и будущих состояний. По крайней мере, на том уровне связанности, который позволяет говорить о наличии у политической культуры молодого гражданина конкретного идеологического фундамента. По большому счёту, значительная часть молодых граждан считает наиболее естественным для себя проявлять внимание к политике, но не связывать напрямую с ней свои планы на будущее и свои ценностные приоритеты [6]. По этой причине, вероятно, в последнее десятилетие в идеологической работе политических партий России можно наблюдать всё усиливающуюся тенденцию: чем более партия заинтересована в мобилизации на свою сторону молодёжного электората, тем более её программа напоминает пёструю смесь из ценностей и требований, прежде являвшихся исключительно маркерами только консервативной, только либеральной либо только социалистической идеологии [7, 8].

Привести это разнообразие индивидуальных восприятий политики к общему знаменателю можно было бы, как в советское время, воспитанием молодых людей в духе приверженности ценностям и смыслам официальной идеологии. Но постсоветские властные элиты, увлечённые своей борьбой с «коммунистическим тоталитаризмом», добровольно отказались от использования этого инструмента в политике вообще и в своей молодёжной политике в частности и даже придали этому отказу вид конституционного запрета.

Национальная идея доселе остаётся последним легальным инструментом, посредством которого государство может упомянутое бесконечное разнообразие представлений молодых людей о политике и своём месте в ней привести к какому-то общему основанию. Создать, образно выражаясь, «ядро» политической культуры молодого поколения своих граждан. Решение

этой задачи делает возможным государственное планирование молодёжной политики и выбор оптимальных средств её осуществления.

Этот последний инструмент имеет вместе с тем определённое функциональное преимущество перед политической идеологией, какой бы та ни была по форме и содержанию. Политические идеологии обычно привлекают сторонников правдоподобными проектами переустройства настоящего ради светлого будущего. Они дают возможность человеку и обществу ассоциировать себя с тем проектом переустройства, который более соответствует их историческому опыту, их частным интересам. Национальная идея является для человека и общества своего рода предупреждением от идеологических соблазнов. Она (если говорить о каком-то общем свойстве национальных идей в Новое и Новейшее время [9, 10]) представляет собой более или менее развёрнутое, в разной мере логичное и эмоциональное доказательство того, что без сформированной национальной идентичности, обеспеченной национальной безопасностью и охраняемого национального суверенитета у упомянутых планов на светлое будущее шансов сбыться не так много.

Возобновившиеся сегодня активные поиски российской национальной идеи в случае удачного их завершения могли бы, таким образом, принести государственной молодёжной политике большую практическую пользу. Она, можно сказать, вышла бы на качественно более высокий уровень.

Проблема в том, что нет никаких гарантий, что новые поиски российской национальной идеи не закончатся с тем же малопригодным для политической практики результатом, что и прежние. И ранее, и сегодня эта работа имела поддержку на самом высоком государственном уровне. К участию в ней были привлечены самые известные специалисты – учёные и публицисты. Потребность в идее, которая функционально заместила бы собой социалистическую идеологию, отвергнутую элитой и немалой частью гражданского общества, осознавалась участниками этой работы вполне отчётливо. Но каждый раз, когда публике презентовалась очередная версия российской национальной идеи, появлялся повод вспомнить бессмертный афоризм покойного В. С. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда!».

И прежние версии российской национальной идеи были яркими по форме и вполне ори-

гинальными по содержанию. Но каждый раз дискуссии по их поводу оставляли без ответа главный вопрос: как всю эту сложную философию, весь этот полёт теоретической мысли приземлить до конкретных нужд политической практики? На этапе постановки этого вопроса теоретическое обсуждение очередного варианта российской национальной идеи обычно сворачивалось. По прошествии какого-то времени предметом дискуссий становился уже другой её вариант. Научная мысль двигалась вперёд. Российская же политическая практика по факту оставалась без руководящей и направляющей идеи.

Чтобы понять причину, по которой российская политика так и не получила нужной ей национальной идеи, достаточно общего экскурса в историю технологий, применявшихся для поисков последней.

Начало этой истории положила попытка реформаторски настроенных политиков, политологов и философов примерить на роль российской национальной идеи хорошо к тому времени известную на либеральном Западе теорию так называемого демократического транзита. В непростой обстановке радикальных рыночных реформ и переформатирования политической системы страны идея выглядела привлекательно, в каком-то смысле даже прагматично. Во многом потому, что подразумевала краткость времени перехода постсоветских государств и общества из-под «гнёта советского тоталитаризма» в лоно «цивилизованной демократии» за счёт простого копирования в России зарубежных практик решения политических, экономических, правовых и культурных задач [11]. Те граждане, которые перетерпят трудности «транзита», смогут насладиться благами жизни в «обществе потребления».

В популяризацию этой идеи включились отечественные СМИ, политические наука и публицистика. Редкий публичный политический дискурс не содержал в себе отсылок к идее «демократического транзита» и как цели, определяющей смысл реформаторских инициатив властной российской элиты, и как инструменту возвращения России на некий магистральный путь развития мировой цивилизации [12].

Русская национальная идея, казалось, была найдена, а её теоретические основы глубоко и научно проработаны. Было сделано максимально возможное для её продвижения в массы, в медиасферу и образование, в моти-

вацию публичной политики. В массовом сознании, тем не менее, эта идея не прижилась и национальной идеей не стала. Почему?

Потому, вероятно, что по ходу научных дискуссий выяснилось – никакого единства мнений по поводу содержания понятий «демократия» и «транзит» у учёных и политиков нет. Ещё меньше ясности было в их практических рекомендациях, как такой «демократический транзит» осуществить в специфических условиях России как осколка СССР [13, 14]. Разнообразие научных мнений по поводу перспектив и смысла «демократического транзита» в нашей стране никак не способствовало единодушию мнений на этот счёт рядовых граждан. Для последних национальной идеей стало по факту выживание в условиях распада экономики и финансовой системы, товарного и денежного дефицита, а также «парада региональных суверенитетов». В таком контексте идея «демократического транзита» стала выглядеть неким философским фэнтези, не способным существенно повлиять на характер отношения рядового гражданина к радикальным либеральным реформам и на возможность гуманитарных наук разобраться в логике этого отношения. Для молодого поколения граждан на практике идея «демократического транзита» означала реализацию двух видов мобильности – образовательной и трудовой. На роль главного мотива молодёжной политики была, таким образом, предложена идея, что жизненный успех молодого гражданина предопределён его готовностью и возможностью стать участником транзитных процессов в культуре и экономике и совершить свой «транзит» за пределы российских общества и государства [15].

Судьбу идеи «демократического транзита» повторила задумка «ускоренной технологической модернизации» России. Идея должна была показать российскому обществу, пострадавшему от радикальных либеральных реформ, теорию «демократического транзита» в несколько другом, более прагматичном развороте. Убедить граждан, что политические жертвы, принесённые на алтарь светлого либерального и рыночного будущего страны, были не напрасны, они создали предпосылки для технологического рывка страны (в политике и экономике одновременно) в упомянутое светлое будущее. И в этот раз редкая публикация на тему преодоления последствий либеральных реформ и выхода России на новый уровень экономической

и геополитической субъектности, редкая научная конференция или публичное выступление чиновника обходились без включения в соответствующие публичные дискурсы понятия «модернизация» [16, 17].

Дискуссия на тему модернизационной стратегии развития страны тоже довольно быстро сошла на нет по причине того, как можно предположить, что у её участников не сложилось какого-то ясного представления о сути модернизационного процесса как феномена именно современной и именно российской демократической политики. Главным аргументом в пользу необходимости модернизировать Россию в начале XXI в. для них были ссылки на успехи модернизаций, осуществлённых в другое время и в другой России Александром II и П. А. Столыпиным. Либо примерами для специалистов, размышлявших о реалистичности стратегии модернизации в условиях распавшейся страны и разрушенной экономики, служил опыт зарубежных стран. Например, стран Восточной Европы, которые и до распада социалистического содружества жили богаче России, а переход от советской государственности к либерально-демократической у них не сопровождался, как в России, «парадом региональных суверенитетов». Итогом теоретической работы специалистов стало доказательство того, что политика модернизации как таковая это неплохая политика. Но в этом доказательстве не содержалось ответа на практический и потому актуальный для рядовых российских граждан вопрос: чем, собственно, новая ускоренная модернизация страны, не ставящая под сомнение либеральные принципы и формы организации национальной экономики и государственной политики, лучше предшествовавшей ей «гайдаровской» модернизации, апеллировавшей к тем же принципам и использовавшей те же «рыночные и конкурентные» управленческие механизмы?

Для молодого поколения граждан призыв активно включиться в реализацию модернизационных инициатив государства и бизнеса означал не какие-то реальные перспективы повышения социального статуса, роста благосостояния и продвижения по карьерной лестнице. От молодого человека политика модернизации требовала проявить личные смекалку и активность в конкуренции с себе подобными за достойное место в жизни и за то, чтобы не оказаться на её обочине. Со стороны государства главным инструментом помощи молодым

людям в этом деле, символом успехов политики модернизации и одной из главных форм участия молодёжи в этой политике была сделана Болонская система организации российского образования. Реализация в образовательном процессе принципа «академической мобильности» (иная формулировка давно известного принципа свободной рыночной конкуренции) должна была убедить российскую молодёжь, что политика модернизации распахивает перед ней любые двери в счастливую жизнь, преимущественно, правда, в направлении западных границ собственного государства. Ориентация на национально-государственные интересы у идеи «ускоренной модернизации», как новой мотивации молодёжной политики, оказалась выражена не на много лучше, чем у идеи «демократического транзита». По сути, пафос этих двух версий российской национальной идеи сводился к одному: молодые люди должны осознать, какие перспективы перед ними открывает включение их страны в процессы глобализации, и потому активно поддержать те меры, которые государственная элита предпринимает для ускорения этого включения. По мере того как отношения дружеского партнёрства между Россией и странами Запада трансформировались в отношения делового партнёрства, а затем и отношения военно-политической и экономической конкуренции, теоретизирование на тему «модернизация как путь России в светлое глобальное будущее» всё более теряло позитивный смысл. Потому, в первую очередь, что не давало ответа на простой, но очень важный для рядовых граждан и государственно мыслящей части элиты вопрос: кто или что сможет гарантировать национально-государственный суверенитет России, когда её экономика и политика станут расходным материалом в проекте, реализуемом западными глобалистами?

Если не дать прямой ответ на этот вопрос, то хотя бы смягчить его остроту и создать дополнительный стимул к продолжению поисков российской национальной идеи попытались участники дискуссии о «русской суверенной демократии», инициированной В. Сурковым в бытность его первым заместителем руководителя Администрации Президента РФ. История обсуждения этой версии национальной идеи закончилась фактически на этапе постановки вопросов, на которые сами учёные и политики не смогли дать ответ себе, не говоря уже о рядовых гражданах [18]. Чем «суверен-

ная» демократия отличается от прочих известных форм демократии? Что именно в политике, экономике, культуре и праве служит маркером этой суверенности? Как должна себя обнаруживать «суверенность» российской демократии в процессе выработки и реализации государственной молодёжной политики? Выходить с такими вопросами без ответов на широкую аудиторию, тем более молодёжную, учёным – участникам дискуссий о «суверенной демократии» – не имело практического смысла.

Неплохая перспектива стать новой российской национальной идеей была в постсоветские годы у неоевразийской идеи [19–21]. На стороне отечественных неоевразийцев был авторитет известных философов, историков, религиозных мыслителей – эмигрантов первой волны. Популярности и реалистичности этой идее добавляли интеграционные экономические и военно-политические процессы в азиатской части постсоветского пространства, инициатором и наиболее активным участником многих из которых была Российская Федерация. Всё это выглядело как возрождение России в качестве геополитического игрока. Неоевразийская идея со всех сторон выглядела подходящим инструментом легитимации этого процесса. Российской национальной идеей, тем не менее, эта идея тоже не стала. По всё той же причине. Участники многочисленных научных публикаций на тему теории и практики евразийской интеграции смогли чётко и понятно объяснить согражданам геополитическую выгоду для российских государства и общества от их участия в евразийских интеграционных процессах. Однако сторонники этой идеи, увлечшись обсуждением выгод и перспектив евразийской интеграции, а также геополитических проблем, не адаптировали неоевразийскую идею к практическим нуждам внутренней российской политики. Рассуждения об исконной «евразийскости» России и вытекающих из этой её цивилизационной специфики геополитических преимуществах и задачах не затрагивали более частный, но практически очень важный вопрос. Это вопрос о том, что поменяется в нашем Отечестве к лучшему для граждан и элит, для государственной социальной политики (важной частью которой является молодёжная политика), если Россия получит второе имя – Евразия? В практическом плане загадкой для российских граждан остался механизм их превращения из граждан России в граждан Евразии, особенно

в контексте усиливающихся на постсоветском пространстве миграционных процессов. В целом, та радикальная ломка российской общественной и государственной жизни, которую предлагали осуществить теоретики неоевразийства [22, 23], сильно напоминала своей «шоковостью» стратегию прежних либеральных реформ в нашей стране.

Ещё две версии российской национальной идеи были предложены российским гражданам и элитам в формате издательских проектов «Русская доктрина» [24] и «Проект Россия» («Проект Россия», «Проект Россия. Выбор пути», «Проект Россия. Третье тысячелетие» и «Проект Россия. Большая идея») [25]. Оба проекта российской национальной идеи отличаются глубокое философское (консервативно-православно-мистическое) содержание, которое представляет собой отдельный предмет для изучения. Для анализа проблемы, заявленной в названии настоящей статьи, важен другой аспект данной инициативы отечественных интеллектуалов. Они, в отличие от предшественников, изначально не стремились сделать свои замыслы по поводу содержания российской национальной идеи понятными для большинства представителей российской нации. Данный идейно-политический продукт изначально был адресован аудитории, которую можно было бы назвать «интеллектуальными сливками» российского общества и его элит, и предназначен для стимулирования патриотических чувств и консервативных настроений этой аудитории. Многие в этих манифестах национальной мысли представляло собой буквальное либо вольное переложение наследия российской имперской политической мысли XIX столетия и начала XX в., преимущественно консервативной и христианско-мистической. Как гражданам всё это использовать в качестве аргумента в пользу совместного с государством решения далёких от религиозной мистики текущих проблем социальной политики вообще и молодёжной политики в частности, этот практически важный вопрос авторы упомянутых доктрин по устоявшейся традиции оставили без ответа.

Ограниченный объем публикации делает невозможным даже краткий анализ всех инициатив по созданию российской национальной идеи, которые были так или иначе реализованы в постсоветский период. В этом нет и большой потребности. Даже те несколько примеров, которые были приведены выше, позволяют заме-

тить, что эксперименты с российской национальной идеей осуществлялись практически по одной схеме. Закономерно одинаковым был и результат.

Начиналось всё с того, что по инициативе кого-либо из интеллектуалов, близких к «верхам» российской государственной власти, в информационное пространство России вбрасывалось некое теоретическое понятие, не слишком известное среди специалистов, не говоря уже о широкой публике. Срабатывал эффект неожиданности, новация привлекала внимание всех, кто интересуется политикой. Специалистам, отслеживающим информационные коммуникации властей с гражданами, было понятно, что состоявшийся вброс не случаен. За ним стоит какой-то конкретный интерес управленческой элиты. В чём этот интерес? Какой смысл, заложенный в актуализированное понятие, в наибольшей степени адекватен этому интересу? Ответы на эти вопросы, предлагаемые политиками, публицистами и учеными становились предметом научных и публичных дискуссий. Расшифровке их глубинного значения посвящались научные мероприятия. По ходу этой творческой работы упомянутое понятие обрастало многочисленными, а нередко и противоречащими друг другу философскими и политологическими, историческими и культурологическими интерпретациями. Всё это разнообразие смыслов оперативно (посредством СМИ, по научным каналам и по каналам среднего и высшего образования) доводилось до сведения широкой публики.

Рядовым гражданам предлагалось, таким образом, самим разбираться в фундаментальных вопросах, каких-то согласованных ответов на которые часто не было даже у специалистов, хорошо подготовленных к решению таких интеллектуальных задач. Обычный российский гражданин (молодой в том числе), не обладающий навыками философской, политологической и прочей научно-гуманитарной рефлексии, должен был во всех упомянутых случаях самостоятельно решать, как из этого буйства философской мысли извлечь простой и убедительный для него аргумент в пользу необходимости сотрудничества с властями, когда те зовут его, например, поучаствовать в избирательной кампании, либо прийти на массовое политическое мероприятие патриотической направленности или же предлагают подключиться к волонтерскому движению, выбрать дефицитную про-

фессию, отправиться осваивать новые территории своей страны, создать крепкую семью и нарожать побольше детей.

Добросовестные разработчики российской национальной идеи до такой её профанации не опускались, а граждане в очередной её философской версии понятных ответов на свои вопросы к политике не находили. В результате три десятка постсоветских лет поиск российской национальной идеи движется по кругу: от периодического появления яркой теоретической формулировки до остающегося без ответа вопроса «что делать?».

По этому кругу до сих пор движется идейная основа молодёжной государственной политики. При отсутствии понятной и близкой молодым людям политической мотивации к сотрудничеству с государством они сотрудничают с ним на почве другой идеи, с политикой связанной лишь косвенно. Её можно назвать идеей государственной благотворительности. Она в своё время определила пафос и функциональность Федерального закона «О молодёжной политике в Российской Федерации». В ряду принципов государственной молодёжной политики, продекларированных в этом законе, наибольшей конкретностью смысла обладают два принципа: открытость и равный доступ молодежи, молодых семей, молодежных общественных объединений к соответствующим мерам государственной поддержки и приоритетность государственной поддержки социально незащищенных молодых граждан, молодых семей [26]. Ту же линию на создание «условий для формирования личности» и для «полноценной самореализации молодежи в социально-экономической и общественно-политической сферах» поддерживает документ под названием «Основы государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [27].

Благотворительность заключается в том, что некоторую часть общественных ресурсов, аккумулированных в казне, институты государственного управления направляют на решение более или менее масштабных проблем молодых людей. И многие из этих проблем действительно решают. Но решают ради достижения какой цели? Цели, подчеркнём, одинаково значимой и для государства, и для его молодых граждан. Самый распространённый вариант ответа, содержащийся в документах, определяющих стратегию молодёжной государствен-

ной политики, и в высказываниях на эту тему политиков и чиновников, подразумевает, что решение государством проблем молодёжи осуществляется с единственной целью – решить проблемы молодёжи. Смысл решения таким образом, заключается в процессе решения, как таковом, а не в получении государством какой-либо практической пользы от этого решения. Интерес молодёжи к продолжению получения государственной поддержки подменяет, таким образом, весь спектр политических и экономических, а также культурных заинтересованностей государства вкладывать свои административные силы и бюджетные в образовательную политику. Единственный государственный интерес, потенциальная возможность реализации которого просматривается за этой игрой смыслов, это создание некоторого более-менее устойчивого уровня лояльных настроений в молодёжной среде: лояльность государству в благодарность за государственную помощь.

Лояльность граждан – вещь государству полезная. Но лояльность гражданина не обязательно предполагает его готовность и способность делать что-то практически полезное, активно работать на благо государства и общества. Гражданин может быть лояльным, но все свои знания и навыки направлять исключительно на собственные нужды. Инвестиции государственных сил и средств в лояльность молодых граждан выглядят в таком случае не слишком надёжными вложениями. Для готовности молодого гражданина перевести лояльность государству в русло практических действий по укреплению его суверенитета и силы нужна цель более высокого порядка – такая, для достижения которой лояльность будет одним из необходимых условий.

В последнее время такая цель вроде бы обозначилась. В роли её маркера выступило понятие «государство-цивилизация». Идея, что Россия в историческом и современном измерениях представляет собой нечто цивилизационно уникальное, была озвучена Президентом РФ [28]. Эта идея, следует заметить, популярна у властных элит и в других странах, особенно там, где политическое руководство занимает в отношениях с внешним миром антиглобалистскую позицию, а во внутренних делах стремится активизировать ресурс сознательного патриотизма своих граждан. В частности, с близким по смыслу предложением видеть в современном Китае некую уникальную цивилизацию,

рождённую на свет государственной политикой модернизации, не так давно обратилось к своим согражданам и всему миру политическое руководство КНР [29]. Вероятно, интерес к этой идее будет расти. Можно предположить, что его проявят элиты и общества других стран, готовых поучаствовать в строительстве многополярного мира. В силу возможности у политиков и учёных предлагать самые разные интерпретации понятий «государство» и «цивилизация» эта идея вполне может сегодня, в XXI в., сыграть в мировой политике и в жизни отдельных стран такую же роль, какую в минувшем столетии играли, например, идеи «неприсоединения» и «социалистической ориентации».

На геополитическую и внутривосточную актуальность идеи «государства-цивилизации» оперативно среагировали публицисты и политологи, философы и историки. Дело не ограничилось дискуссией. Уже предприняты практические шаги по использованию этой идейной новации в качестве методологической основы при разработке учебных курсов по основам российской государственности. Всё это выглядит предложением обществу (в первую очередь его молодым представителям) со стороны власти совместно создавать какие-то новые фундаментальные принципы и формы организации политического и неполитического быта, которые смогут прийти на смену принципам и формам организации так называемых «обществ потребления».

В прежних версиях национальной идеи такое предложение тоже просматривалось. А это заставляет задуматься о риске того, что опыты с новой версией национальной идеи повторят результат предшествующих теоретических и практических экспериментов в этом направлении: национальная идея вновь не состоится. Сложность и разнообразие смыслов, которые современная наука вкладывает в понятия «государство» и «цивилизация», служат залогом неизбежности выхода теоретических дискуссий по этому поводу на уровень больших абстракций и метафизических смыслов. Дискуссии уже начали развиваться в этом направлении. В очередной раз обозначилась перспектива того, что ключевой для будущего национальной идеи вопрос «Как всё это будет работать на практике?» отодвинется на самый дальний план.

И вновь возникнет проблема несовместимости очередной версии национальной идеи с очередными задачами молодёжной политики.

Молодому патриоту, гражданину Российского национального государства, достаточно, например, просто объяснить, что именно и в чьих интересах он должен защищать, в чём состоит его патриотический долг перед своими государством и обществом. А в чём состоит его патриотический долг перед российской цивилизацией, которая то ли расширяет государство до своих границ, то ли государство ограничивает её своими интересами, институтами и функциями? Как новая национальная идея будет работать, наконец, на решение такой важной государственной задачи, как стимулирование выбора молодым человеком определённого места жительства и конкретной профессии? Где в идеале должен жить и чем в плане профессии заниматься молодой гражданин современного национального государства, науке и государственным управленцам, да и самим молодым людям более-менее понятно. Границы оптимального выбора стратегии профессиональной самореализации молодого человека задают интересы национального государства, его суверенное пространство, его наличные ресурсы развития, традиции государствообразующей нации. А где эти границы выбора будут проходить для молодого человека, осознавшего себя гражданином уже не национального государства, а государства-цивилизации? А если эти понятия необходимо будет сделать для него тождественными, то как такой тождественности добиться в теории, чтобы к этой теории могла бы апеллировать практика гражданского воспитания? Не меньше проблем возникает и на таком важном направлении молодёжной государственной политики, как поощрение создания молодыми людьми полноценной семьи. Что есть полноценная и крепкая семья как первичная ячейка нации и опора ныне существующего национального государства, это относительно понятно. А кто и как будет определять на практике полноценность и прочность российской молодой семьи в условиях её существования в пространстве государства-цивилизации? Государства, в котором, можно предположить, будут актуальны совсем иные, чем в национальном государстве, подходы и масштабы для оценки явлений, процессов, институтов. Будет востребовано иное понимание традиционности либо нетрадиционности, место нынешних разнообразных и конкретных интересов национального государства займут некие цивилизационные тенденции его развития.

Если в теоретических дискуссиях эти практические вопросы изначально не будут поставлены, если не они, а обычное стремление теоретиков к созданию изысканных философских формулировок будет определять технологию поисковой работы, то не исключён вариант, что и в этот раз дискуссиями, собственно, поиск российской национальной идеи и ограничится. Молодёжная политика в этом случае продолжит быть политикой государственной благотворительности.

Список литературы

1. *Лутвинов В. И.* Национальная идея и стратегия национальной безопасности России как основа её развития в XXI веке // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2021. № 3 (29). С. 34–37. <https://doi.org/10.21777/2587-9472-2021-3-34-37>
2. Национальная идея России это идея прекрасного будущего нашей страны. URL: <https://нац-идея.рф> (дата обращения: 10.02.2024).
3. Россия снова в поисках национальной идеи. 3 июня 2022. URL: <https://topwar.ru/197084-rossija-snova-v-poiskah-nacionalnoj-idei.html> (дата обращения: 12.02.2024).
4. Путин рассказал о национальной идее России. 10 мая 2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8438743> (дата обращения: 20.03.2024).
5. «Россия – государство-цивилизация». Эксперты ЭИСИ обсудили один из судьбоносных «валдайских» тезисов Путина. URL: <https://life.ru/p/1613794> (дата обращения: 28.03.2024).
6. *Фомина Е. А., Соломонов В. А., Соколовский М. Л.* Типологические особенности взаимосвязи социальной активности и личностных предикторов политических предпочтений у молодежи // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2022. № 2 (89). С. 198–205. <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2022.2.25>, EDN: XLQAWM
7. *Баранов Н. А.* Идеологические установки ведущих российских политических партий в преддверии выборов 2021 года // Социально-политические исследования. 2021. № 1 (10). С. 5–21. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2021-1-10-5-21>, EDN: YUVTEN
8. Парламентские партии в эпоху трансфера 2023–2024. Доклад Фонда прогрессивной политики. URL: <https://progresspolicy.ru/wp-content/uploads/2023/03/Parlamentskie-partii-v-epohu-transfera.pdf> (дата обращения: 10.03.2024).
9. Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории / отв. ред. В. С. Бондарчук. М. : Зерцало-М ; Вече, 2005. 496 с. (Исследования по всемирной истории / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).

10. Буйло Б. И. Национальная идея в философской и социально-политической мысли России // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2. С. 9–18. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-79-2-9-18>, EDN: NSGCPC
11. Гайдар Е. Т. Государство и эволюция / Фонд «Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара», 2022. URL: <https://www.litres.ru/book/egor-gaydar/gosudarstvo-i-evoluciya-67923852/chitat-onlayn/> (дата обращения: 17.03.2024).
12. Наумова Н. Ф. Рецидивирующая модернизация в России как форма развития цивилизации // Социологический журнал. 1996. № 3–4. С. 5–28. EDN: UGARJT
13. Рини И. Б. Характерные черты демократического транзита на постсоветском пространстве // Синергия наук. 2018. № 30. С. 2326–2345. EDN: YTDDBR
14. Величко С. А. Демократический транзит в России // Человек и общество в нестабильном мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Г. И. Тюменцева. Омск : Омская юрид. акад., 2019. С. 26–31. EDN: ZSTOIH
15. Семенова Л. А. Кадровый потенциал постсоветской России: потери, обретения, проблемы. Социологический анализ. Saarbruken, Germany : LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co.KG Dudweiler Landstr, 2011. 97 с. EDN: QBAOVH
16. Моцелков Е. Н. Политическая модернизация в России: современные дискуссии и национальный политический опыт // Модернизация и политика: традиции и перспективы России. Политическая наука: Ежегодник 2011 / гл. ред. А. И. Соловьев. М. : Политическая энциклопедия, 2011. С. 139–155. EDN: XWCXSH
17. Гармаш И. Ю. Этапы политической модернизации России: анализ содержания научных дискуссий // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 1 (18). С. 82–87. EDN: OKMSMX
18. PRO суверенную демократию : сб. / сост. Л. В. Поляков. М. : Европа, 2007. 632 с.
19. Умланд А. Патологические тенденции в русском «неоевразийстве» о значении взлета Александра Дугина для интерпретации общественной жизни современной России // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 74–82. EDN: IPITOP
20. Прудников А. Ю. Демократия и диктатура в «неоевразийстве»: синтез или омонимия? // Вестник Пермского университета. Политология. 2011. № 1 (13). С. 101–113. EDN: NUOWBJ
21. Базавлук С. В. Критика евразийства и неоевразийства // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1, № 8. С. 726–735. EDN: VPRWYQ
22. Дугин А. Г. Проект «Евразия». М. : Эксмо ; Язуза, 2004. 512 с. (Путь России).
23. Гасилин В. Н., Рязанов А. В. Социально-философский анализ и критическая оценка проекта А. Г. Дугина «Евразия» // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 5 (44). С. 80–87.
24. Русская доктрина. Государственная идеология эпохи Путина / под общ. ред. А. Б. Кобякова, В. В. Аверьянова. М. : Ин-т русской цивилизации, 2016. 1056 с. (Русская цивилизация).
25. Проект Россия. Официальный сайт книги. URL: <http://www.proektrussia.ru> (дата обращения: 10.04.2024).
26. О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
27. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года : утв. Распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 02.03.2024).
28. Путин считает емкой формулировку о России как о самобытном государстве-цивилизации // ТАСС. 5 октября 2023. URL: <https://tass.ru/politika/18920563> (дата обращения: 09.04.2024).
29. Си Цзиньпин заявил о создании в Китае новой формы цивилизации человечества // ТАСС. 29 февраля 2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20112283?ysclid=lvxt71rgjs324267021> (дата обращения: 09.04.2024).

Поступила в редакцию 17.04.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 06.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 17.04.2024; approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 06.05.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 315–321
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 315–321
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-315-321>, EDN: PENFWM

Научная статья
УДК 37.014.5

Идеино-ценностные основы государственной политики в сфере общего образования в контексте обеспечения образовательного суверенитета РФ

В. С. Гаврюшина, Ю. Н. Трифонов ✉

Тамбовский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 392001, г. Тамбов, ул. Гастелло, д. 32а, пом. 1

Гаврюшина Вера Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры государственного управления и гуманитарных дисциплин, elagina-v@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0003-2387-5790>

Трифонов Юрий Николаевич, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного управления и гуманитарных дисциплин, liony12345@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9109-6076>

Аннотация. В статье исследуются проблемы выработки идейно-ценностных основ государственной политики в сфере общего образования, являющихся необходимым условием обеспечения образовательного суверенитета Российской Федерации. Осуществлён критический анализ либеральной парадигмы, определявшей образовательную повестку в России в постсоветский период. Аргументируется необходимость качественного преобразования отечественной образовательной системы в рамках классической модели с учетом реалий современной информационно-технологической эпохи. Обосновывается, что при определении контуров национальной отечественной системы общего образования следует четко определить ее миссию и цели. Сделан вывод о том, что для достижения подлинного образовательного суверенитета и формирования национальной образовательной системы необходимо определить российскую цивилизационную модель образования с четко выраженным ценностно-антропологическим основанием. Показано, что актуализированную государственную образовательную политику следует реализовывать в единстве с политикой в сфере семьи, культуры, информации, молодежи, межнациональных отношений, традиционных духовно-нравственных ценностей и др.

Ключевые слова: образование, образовательный суверенитет, идейно-ценностные основы, национальная система образования, государственная образовательная политика, управление образовательным пространством

Для цитирования: Гаврюшина В. С., Трифонов Ю. Н. Идеино-ценностные основы государственной политики в сфере общего образования в контексте обеспечения образовательного суверенитета РФ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 315–321. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-315-321>, EDN: PENFWM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Ideological and value foundations of state policy in the field of general education in the context of ensuring educational sovereignty of the Russian Federation

V. S. Gavryushina, Yu. N. Trifonov ✉

Tambov branch of RANEPa under the President of the Russian Federation, room 1, 32a Gastello St., Tambov 392001, Russia

Vera S. Gavryushina, elagina-v@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0003-2387-5790>

Yuri N. Trifonov, liony12345@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9109-6076>

Abstract. The article explores the problems of developing ideological and value foundations of state policy in the field of general education, which are a necessary condition for ensuring educational sovereignty of the Russian Federation. A critical analysis of the liberal paradigm that defined the educational agenda in Russia in the post-Soviet period is carried out. It argues the need for a qualitative transformation of the domestic educational system within the framework of the classical model, taking into account the realities of the modern information-technological era. It is proved that when defining the contours of the national domestic system of general education, its mission and goals should be clearly defined. It is concluded that in order to achieve genuine educational sovereignty and formation of national educational system, it is necessary to define Russian civilizational model of education with a clearly defined value-anthropological basis. It is shown that the actualized state educational policy should be implemented in unity with the policy in the sphere of family, culture, information, youth, interethnic relations, traditional spiritual and moral values and others.

Keywords: education, educational sovereignty, ideological and value foundations, national education system, state educational policy, educational space management

For citation: Gavryushina V. S., Trifonov Yu. N. Ideological and value foundations of state policy in the field of general education in the context of ensuring educational sovereignty of the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 315–321 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-315-321>, EDN: PENFWM

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Образ будущего страны невозможен без четкого понимания направлений развития ключевых сфер общественной жизни [1, с. 116], включая образовательный компонент. Это обусловлено тем, что образование является одним из основных способов передачи и закрепления опыта поколений и присущей обществу системы ценностей. При этом именно сфера образования выступает в качестве решающего фактора общественного развития, а реализуемая модель образования не только отвечает на потребности общества, но и во многом воспроизводит его тип (уклад общественной жизни). В связи с этим система образования, как краеугольный камень общества и государства, является особым объектом публичного управления и общественно-политического воздействия.

Данные обстоятельства подтверждают актуальность исследования политико-управленческих аспектов национальной системы образования.

Особое место в образовательной системе занимает уровень общего образования (школьная составляющая). Общеизвестно, что именно на данном уровне закладывается фундамент научного мировоззрения, приобретает необходимый багаж знаний, формируются базовые духовно-нравственные качества и основы методологической культуры.

Общее образование – это исторически сложившаяся и развивающаяся система обучения и воспитания подрастающего поколения, включающая в себя организационный, институциональный, духовно-нравственный, кадровый, правовой, информационно-коммуникационный и иные компоненты. Она складывалась и трансформировалась, реагируя на объективные потребности, связанные с необходимостью социализации детей и молодежи, включая передачу знаний и навыков. При этом система общего образования по ходу своего развития расширяла связи с другими сферами общественной жизни, а также с ценностями, присущими социуму.

Институт школьного образования традиционно находится в центре первоочередных интересов общества и государства. Особая значимость системы общего образования связана, прежде всего, с тем, что она представляет собой стартовую площадку для успешного вхожде-

ния во взрослую жизнь. Именно школа обеспечивает социализацию детей в возрасте от 7 до 18 лет, готовя их к получению профессионального образования. От качества данной подготовки во многом зависят будущие успехи нашей молодежи, а следовательно, и всей страны.

Наибольший расцвет системы общего образования наблюдался в советский период. При построении системы использовалась классическая идея о том, что она должна включать три компонента, способствующих формированию всесторонне развитой личности: умственное образование, физическое воспитание и технологическое образование [2, с. 311]. В соответствии с этим была создана школа с классическим всесторонним образованием, ведущим обучаемых к достижению общественных идеалов. Приоритет отдавался интеллектуальному и нравственному развитию личности ребенка, а затем на этой основе осуществлялось овладение умениями и навыками. Целевым ориентиром являлась гармонически развитая личность. Вершиной педагогической мысли стали теории развивающего и проблемного обучения, применяемые, кстати, в настоящее время в элитных школах Запада.

Выделим наиболее значимые достижения отечественного образования в XX в.: Россия стала страной всеобщей грамотности, первой вышла в космос, достигла передовых позиций во всех областях фундаментальной науки, существенно обогатила мировую культуру.

К числу основных недостатков советской школы относят идеологизированный подход к содержанию гуманитарного образования и практике воспитания. В попытке это исправить воспитательная составляющая была фактически выброшена из образовательного процесса вплоть до начала 2000-х гг. Однако вместо идеологического однообразия получили кризис разнообразия современной школы.

Более того, в постсоветский период во всей образовательной системе, включая ее общеобразовательный компонент, наблюдались крайне негативные тенденции. В частности, общее количество школ в стране неизменно сокращалось (с 69,7 тыс. в 1990/1991 уч. г. до 40,5 тыс. в 2019/2020 уч. г.). Причем этот процесс ускорился с введением подушевого финансирования образовательных учреждений [3, с. 76].

Следует обратить внимание на то, что последние два десятилетия управление системой общего образования осуществляется на основе программно-целевого и проектного подходов. Это было обусловлено необходимостью объединения и концентрации ресурсов на решении образовательных проблем, вызванных ошибками и просчетами образовательной политики 90-х гг. прошлого столетия, в результате чего наша страна в тот период утратила лидирующие позиции в сфере образования.

Отметим, что в настоящее время при выработке и реализации государственной образовательной политики школьному образованию уделяется значительное внимание. Так, с принятием в 2018 г. национального проекта «Образование» реализуется новая Государственная программа РФ «Развитие образования», одним из направлений (подпрограмм) которой является «Развитие дошкольного и общего образования». В силу особой общественной значимости профессии учителя в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина 2023 год был объявлен Годом педагога и наставника.

Определено, что к 2030 г. Россия должна войти в десятку ведущих стран мира по качеству общего образования – таков показатель достижения национальной цели развития страны, касающейся возможностей для самореализации и развития талантов.

С началом специальной военной операции на Украине и обострением глобального военно-политического противостояния актуализировались многие вопросы внутривосточной повестки, связанные с определением национальных интересов, целей и приоритетов государственной политики. Особое место среди них, бесспорно, занимают вопросы образования. В обществе сформировался запрос на обеспечение качественного и доступного школьного образования, и государственная власть обязана его должным образом реализовать.

Вместе с тем современная государственная политика и соответствующая управленческая практика в сфере общего образования имеют определенные противоречия, требующие своего разрешения. В частности, сохраняется ряд рисков и проблем, связанных с неопределенностью выбора модели, форм организации и путей совершенствования образовательного процесса, некритичным заимствованием зарубежного опыта, бюрократизацией школьного образования, релятивизмом требований к содержанию образовательных программ, догматизмом и во-

лонтаризмом в управлении образовательным пространством, что приводит к нарушению его целостности и снижению творческих начал и др. Кроме того, уже на уровне средней школы негативно сказываются процессы социальной селекции [4, с. 7].

Наибольшую остроту имеют вопросы, касающиеся ценностно-смысловых оснований и целевых ориентиров образовательного процесса. На этот счет В. Э. Багдасарян отмечает, что в отечественной системе образования не заявлен целевой антропологический ориентир, касающийся вопроса о том, каким должен стать человек в результате обучения. Так, в официальных управленческих документах сделан акцент не на образ человека, а на профессиональные компетенции. Однако отсутствие ценностного целеполагания относительно желаемого образа человека неизбежно порождает функциональные проблемы [5, с. 48].

В одном из своих выступлений патриарх Кирилл подчеркнул, что «школа без идеи – это опасное явление» [6].

Однако в условиях отсутствия ярко выраженной и официально декларируемой национальной идеи в образовании по-прежнему функционируют смыслы и ценности, заимствованные из зарубежных образовательных практик. Как результат, меры по развитию отечественной системы образования до сих пор принимаются и осуществляются в рамках либеральной модели.

В основе либеральной образовательной парадигмы лежат, как известно, идеи об абсолютной свободе обучающегося, максимальной индивидуализации процесса обучения, предоставлении образовательных услуг и др. В центре такой системы – не учитель и не родители, а ученик с его интересами и собственным пониманием личной образовательной траектории.

В качестве иллюстрации приведем нарративы, высказанные на прошедшем в 2022 г. Гайдаровском экономическом форуме, на площадках которого – отнюдь не случайно – пристальное внимание уделялось именно образовательной повестке. Так, утверждалось, что в прошлом веке в отечественном образовании царил школоцентризм, в соответствии с которым особую роль в образовательном процессе играла школа. Система общего образования, формирующая у школьников базу знаний для последующей их подготовки в качестве специалистов, являлась важным звеном в общей «кузнице кадров». Однако школьник при этом

рассматривался в качестве объекта, нуждающегося в определенной доводке. В результате складывался такой специфический подход к образованию, как продуктоцентризм.

В настоящее время, по мнению организаторов Гайдаровского форума, основной задачей системы общего образования является не передача опыта, а подготовка школьника к будущей жизни с учетом его индивидуальных особенностей. В связи с этим на первый план выходит необходимость определения и реализации индивидуальной образовательной траектории.

На основе данных рассуждений делается вывод о том, что ключевым образовательным трендом стал переход от продуктоцентричности к человекоцентричности [7].

Навязываемой целевой установке соответствует и предлагаемая методология образовательного процесса. Взят на вооружение слоган М. Планка о том, что не важно, чему учат в школе, важно, как учат. Так, либеральными экспертами продвигается методология обучения без преподавателя и лекций, которая уделяет внимание развитию навыков общения и творческих качеств учеников. Тем самым выхолащивается содержание образовательного процесса и выбрасывается его воспитательная составляющая.

Как видно, либеральный подход к функционированию системы образования шифруется с помощью внешне привлекательных терминов и установок – «челоцентричность», «клиентоориентированность» и т.п. Это позволяет осуществлять нападки на классическую модель образования посредством ее обвинений в «школоцентричности», «продуктоцентричности» и т.п.

За всем этим стоит основная цель либеральной модели системы образования – подготовка «квалифицированного потребителя» для жизни в глобализованном либеральном мире.

Обоснованную критику в научном и экспертном сообществе вызывает такой законодательно закрепленный принцип государственной политики в сфере образования, как сочетание государственного и договорного регулирования отношений в данной сфере. Именно данный принцип ориентирует систему образования на превращение ее в сферу оказания образовательных услуг. Однако, как справедливо утверждает В. Э. Багдасарян, сервисный подход, рассматривающий сферу образования через призму клиентских отношений обучаю-

щего и обучаемого, противоречит ее ценностно-антропологическому основанию [5, с. 49].

По данному вопросу высказался и Президент РФ В. В. Путин, отмечая, что термин «услуга» многих задевает, так как он обедняет смысл и высокую общественную значимость учительского труда. В связи с этим он предложил, чтобы данный термин использовался только в бюджетно-финансовых документах и никак не был связан с высоким званием учителя [8].

Несмотря на очевидную несовместимость либеральных идеологем с традиционными духовно-нравственными ценностями, в управлении отечественным образованием, тем не менее, по-прежнему активно применяются худшие либеральные лекала. Например, весьма символично, что крушение станции «Луна-25» произошло буквально через год после того, как Министерство просвещения РФ исключило из перечня обязательных школьных предметов астрономию, имеющую важное мировоззренческое значение. Вероятно, это сделано для того, чтобы новые поколения россиян не особо понимали значения исследований космоса. Заметим, что в Китае, приступившем 50 лет тому назад к разработке национальной космической программы, первым делом в школах было введено обязательное преподавание астрономии.

В настоящее время стали очевидными провалы индивидуалистической системы образования, в которой допускается односторонний подход к личности обучаемого, абсолютизирующий его индивидуальные особенности. Для формирования всесторонне и гармонично развитой личности необходимо обеспечение диалектического единства общего, особенного и единичного в образовательном процессе.

Современные реалии свидетельствуют, что заимствованные и искусственно внедряемые в образовательное пространство «соблазны» либеральных концептов показали свое разрушительное воздействие [9, с. 52]. Необходимо принятие политико-управленческих решений, направленных на решительное вытеснение либерального дискурса из отечественного образовательного пространства и обеспечение его замены государственно-патриотическим содержанием. По мнению С. И. Черных, выход нашей страны из Болонской системы, символизирующий отказ от англо-саксонской модели образования, обуславливает необходимость разработки национальной архитектуры образовательного пространства [10, с. 634].

Тем самым значительно возросла необходимость политологического осмысления образовательного пространства в связи с обозначенным курсом на обеспечение образовательного суверенитета Российской Федерации. Впервые на высшем общественно-политическом уровне об этом было заявлено Президентом РФ В. В. Путиным, который подчеркнул необходимость выстраивания и укрепления суверенной, национальной системы образования и воспитания, обеспечения единства образовательного пространства [11]. Таким образом, артикулирована задача по обеспечению образовательного суверенитета, что предполагает выработку принципиально иной парадигмы образования.

Функциональность образовательного суверенитета заключается в том, что он является необходимой предпосылкой для достижения не только технологического и когнитивного суверенитетов, но также и для обеспечения подлинной независимости и самостоятельности страны во всех сферах общественной жизни – экономической, социальной, политической, духовной, военной, информационной и др.

Говоря о концепте образовательного суверенитета, необходимо определиться с его понятием. Чаще всего под образовательным суверенитетом понимается самостоятельность и независимость государства при выработке и реализации образовательной политики [12, с. 11].

Как представляется, образовательный суверенитет не сводится к независимости государственной образовательной политики. В связи с этим согласимся с мнением о том, что требуются специальные исследования, направленные на выявление сущностных характеристик феномена образовательного суверенитета [13, с. 14].

При этом очевидно, что обязательным условием обретения (восстановления) подлинного образовательного суверенитета является наличие и эффективное функционирование национальной системы образования, имеющих фундаментальные теоретико-методологические и ценностно-смысловые основания. В этом направлении и должны приниматься соответствующие управленческие решения.

Отрадно, что одно из такого рода решений принято применительно к системе высшего образования. С 2023–2024 уч. г. введено изучение новой учебной дисциплины – «Основы российской государственности», имеющей ярко выраженный мировоззренческий и аксиологический характер. Данная дисциплина призвана

дать студентам знания и навыки особого рода, связанные со смысложизненными аспектами человеческой жизни. Тем самым, вслед за «Разговорами о важном», появилась возможность начать с вузовской молодежью давно назревшие «Разговоры о смыслах и ценностях», в фокусе внимания которых следующие фундаментальные вопросы: 1) Что есть Россия, ее место и роль в мире? 2) Кто мы, каковы наши взгляды и убеждения? 3) Какую страну мы хотим построить?

В условиях геополитических вызовов и прямого противостояния с коллективным «западным миром» развитие России возможно лишь с опорой на собственные силы в соответствии с принципами автаркии, что в полной мере относится и к сфере образования. Подчеркнем, что в обществе имеется значительный запрос на выработку принципиально иной парадигмы образования. В связи с этим в образовательном, научном и экспертном сообществе осуществляется поиск наиболее оптимальной и приемлемой модели национальной системы образования.

Для достижения подлинного образовательного суверенитета и формирования национальной системы образования необходимо решить ключевую управленческую проблему в этой сфере, выраженную в том, что ценности и цели образования подменяются (заслоняются) средствами и технологиями, используемыми для их достижения. Нами поддерживается мнение В. Э. Багдасаряна о том, что для решения данной проблемы необходимо выработать российскую цивилизационную модель образования с четко выраженным ценностно-антропологическим основанием [5, с. 52]. Дело в том, что экзистенциальные смыслы образования обретают статус целей и ценностей и становятся приоритетными [14, с. 5].

Глубокой научной проработки и широкого общественного обсуждения требуют современные проблемы школьного образования, начиная с целесообразности проведения единого государственного экзамена и заканчивая определением ценностно-смысловых оснований, связанных с формированием гармонично развитой личности, а не квалифицированного потребителя.

Особое значение в данном вопросе имеет стратегическое целеполагание. Действительно, при определении контуров национальной отечественной системы образования необходимо, в первую очередь, определить ее миссию

и цели. Именно цели системы образования определяют содержание и формы обучения и воспитания, а также все иные аспекты образовательной деятельности (разработку учебной литературы, оценку качества и уровня профессионализма педагогических кадров и т.д.).

Примечательно, что в советском законодательстве о народном образовании были четко сформулированы его цели: 1) образовательная – подготовка высокообразованных, гармонично развитых граждан, обладающих глубокими знаниями и творчески мыслящих; 2) воспитательная – формирование таких качеств, как патриотизм, сознательное отношение к труду, ответственность и др. Как видим, данная система органически сочетала в себе образовательный и воспитательный компоненты. Тем самым тогда был артикулирован антропологический ориентир в образовании – формирование и развитие личности.

В современных условиях необходимо, как представляется, в концептуальном плане переориентировать отечественную образовательную систему на классическую (знаниевую) парадигму, в соответствии с которой главная цель образования – формирование гражданина России, имеющего целостное мировоззрение и смысло-жизненные установки, обладающего необходимыми знаниями, умениями и навыками, составляющими основу его дальнейшего развития и социализации.

В современных условиях состояние системы образования превращается в один из ключевых индикаторов конкурентоспособности России, что подчеркивает важность задачи по ее выходу на передовые позиции в этой области общественной жизни. В связи с этим в пп. 12 п. 33 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации качество общего образования определено как задача для достижения целей, касающихся сбережения народа России [15].

Необходимо определить горизонты развития отечественной школы на ближайшее десятилетие. В этом смысле особое значение имеет выработка Стратегии развития отечественной системы образования, предусматривающей ее цели, миссию, принципы, задачи и механизмы реализации. В этом отношении важный ориентир задан Президентом РФ В. В. Путиным, заявившем о необходимости создания целостной сферы просвещения, включающей семью, систему образования, национальную культуру, различные организации и т.д., которые гармонично дополняют друг друга [16].

Перспективой отечественной образовательной системы должно стать ее качественное преобразование в рамках классической модели с учетом реалий и требований современной информационно-технологической эпохи [17, с. 96].

Выработка модели образования, органически сочетающей традиции и новации, использование современных механизмов и инструментов публичного управления образовательным пространством будут способствовать повышению качества и доступности школьного образования.

Таким образом, необходимым условием обеспечения образовательного суверенитета Российской Федерации является наличие и эффективное функционирование национальной системы общего образования.

Список литературы

1. Вилков А. А., Шестов Н. И., Абрамов А. В. Социальный запрос на будущее России в политических проектах и массовом сознании граждан // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 3. С. 108–122. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.10>
2. Добрынина М. В., Огородов Д. А. Формирование советской политики в области физкультуры, спорта и спортивного образования: идеологические основания // Вопросы политологии. 2021. Т. 11, вып. 11 (75). С. 3111–3122. <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.75.11.014>
3. Смолин О. Н. Системные проблемы образования: трехлетний горизонт // Горизонты образования : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 29–30 октября 2020 г.). Омск : Омский гос. пед. ун-т, 2020. С. 75–80. EDN: MSJXPX
4. Филипова А. Г., Высоцкая А. В. Образовательное неравенство в школе: от интерпретации понятия к детерминирующим факторам // Социальные исследования. 2018. № 2. С. 1–17.
5. Багдасарян В. Э. Национальная педагогическая аксиология России и современные трансформации российского образования. Образование как формирование личности // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2019. Т. 14, № 1. С. 44–58.
6. Патриарх Кирилл: «Школа без идеи – опасное явление». URL: https://ruskline.ru/news_rl/2014/09/01/patriarh_kirill_shkola_bez_idei_opasnoe_yavlenie/ (дата обращения: 25.11.2023).
7. Деловая программа Гайдаровского форума-2022. Будущее образование в России. URL: https://gaidarforum.ru/upload/GF2022_10.01_RUS.pdf (дата обращения: 25.11.2023).

8. В. В. Путин провел 25.08.2021 года заседание президиума Государственного Совета по вопросу о задачах субъектов РФ в сфере общего образования. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66451> (дата обращения: 25.11.2023).
9. Черных С. И. Современный «разворот» российского образования: новые возможности или новые потери? // Менеджмент XXI века: экономика, общество и образование в условиях глобального социально-политического шока : материалы XXI Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Колышкина, А. О. Кравцова, М. В. Жаровой, В. В. Тимченко (Санкт-Петербург, 23–24 ноября 2022 г.). СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2023. С. 51–53. EDN: KFXAZO
10. Черных С. И. К вопросу о новой архитектуре российского образовательного пространства // Профессиональное образование в современном мире. 2022. Т. 12, № 4. С. 630–635. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2022-4-2>
11. Встреча Президента РФ В. В. Путина с лауреатами и финалистами конкурса «Учитель года» 05.10.2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69519> (дата обращения: 18.08.2023).
12. Петросян Д. С., Лочан С. А. Социальная безопасность: образование и воспитание. Образовательно-воспитательная система детско-юношеского туризма и краеведения России. М. : КноРус, 2022. 304 с.
13. Семерник С. З., Капальгина И. И., Лана О. В. Образование в условиях трансформации современного социума: возможные сценарии развития // Научное мнение. 2022. № 7–8. С. 11–17. https://doi.org/10.25807/22224378_2022_7-8_11, EDN: UFELMH
14. Сенько Ю. В. Экзистенциальные смыслы современного образования // Человек и образование. 2017. № 3 (52). С. 4–8.
15. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.
16. Пленарное заседание Всемирного русского народного собора 28.11.2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863> (дата обращения: 29.11.2023).
17. Кузьмин А. В., Трифонов Ю. Н. Становление и развитие системы среднего профессионального образования РФ: политико-административный аспект // Ученые записки Тамбовского отделения РoCМУ. 2022. № 26. С. 90–97.

Поступила в редакцию 17.04.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 06.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 17.04.2024; approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 06.05.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 322–330

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 322–330

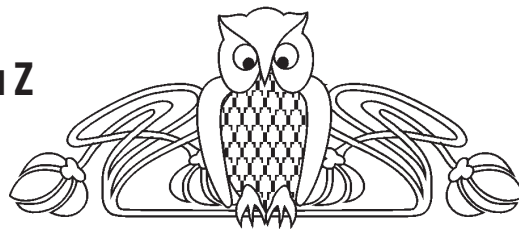
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-322-330>, EDN: UFSYDW

Научная статья

УДК 32.019.3

Особенности восприятия поколением Z эволюции молодежной политики в современной России

А. А. Вилков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования особенностей отношения поколения Z к государственной молодежной политике в современной России. На основе анализа различных трактовок поколения Z, представленных в отечественном общественном знании, сделан вывод о том, что говорить о единых его характеристиках можно лишь с большой долей условности, с учетом общности повсеместных интернет-коммуникаций, влияющих на формирование мировоззрения и образ жизни молодежи. Эмпирическую базу статьи составили материалы фокус-групп и онлайн-опросов молодежи (2021 г. n = 519; 2022 г. n = 2021; 2023 г. n = 852), проведенных кафедрой политических наук Саратовского государственного университета под руководством автора. На основе данных материалов было доказано, что единых типологических характеристик современной российской молодежи не существует, она разнородна и продолжает различаться не только по возрастным и гендерным критериям, но и по мировоззренческим и социокультурным основаниям, идеологическим предпочтениям, месту проживания, уровню образования и материальному положению. В целом, исследование показало, что, несмотря на наличие позитивных тенденций в восприятии государственной молодежной политики в современной России в последние два года (равно как и других направлений государственной политики в различных сферах общественной жизни), важнейшее значение имеет тот факт, что доля оппозиционно настроенных молодых людей остается на достаточно высоком уровне (примерно треть опрошенных). Наибольшая политическая мотивированность оппозиционности характерна для молодых сторонников либерализма. Социально-экономическая мотивация более присуща сторонникам «левых» идеологий.

Ключевые слова: поколение Z, политическая культура, мотивация отношения к государственной молодежной политике, стратификация молодежи в современной России

Благодарности. Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Отношение "цифрового" поколения к молодежной политике в современной России: оценки, риски, варианты оптимизации», поддержанного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Для цитирования: Вилков А. А. Особенности восприятия поколением Z эволюции молодежной политики в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 322–330. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-322-330>, EDN: UFSYDW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Peculiarities of Generation Z's perception of evolution of youth policy in modern Russia

A. A. Vilkov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander A. Vilkov, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Abstract. The article presents results of the study of characteristics of the attitude of generation Z to state youth policy in modern Russia. Based on the analysis of various interpretations of generation Z, presented in domestic social science, it was concluded that it is possible to talk about its uniform characteristics only with a large degree of convention, taking into account the commonality of ubiquitous Internet communications that influence formation of the worldview and lifestyle of young people. The empirical basis of the article consists of materials from focus groups and online surveys of young people (2021 n = 519; 2022 n = 2021; 2023 n = 852) conducted by the faculty of Political Science Department, Saratov State University, under the leadership of the author. Based on these materials, it was proved that there are no uniform typological characteristics of modern Russian youth, which is heterogeneous and continues to differ not only in age and gender criteria, but also in ideological and sociocultural grounds, ideological preferences, place of residence, level of education and financial situation. In general, the study showed that, despite the presence of positive trends in the perception of state youth policy in modern Russia in the last two years (as well as other areas of state policy in various spheres of public life), the most important fact is that the share of

opposition-minded among young people remains at a fairly high level (about a third of respondents). The greatest political motivation for opposition is inherent in young supporters of liberalism. Socio-economic motivation is more characteristic of supporters of “left” ideologies.

Keywords: generation Z, political culture, motivation for attitude towards state youth policy, stratification of youth in modern Russia

Acknowledgments: The article was prepared as part of the research project “The attitude of “digital” generation to youth policy in modern Russia: assessments, risks, optimization options”, supported by the Expert Institute for Social Research (EISR) together with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences.

For citation: Vilkov A. A. Peculiarities of Generation Z's perception of evolution of youth policy in modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 322–330 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-322-330>, EDN: UFSYDW

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблематика политической культуры и политического участия российской молодежи в современной России в последние годы приобрела особое звучание и актуальность. Обусловлено это началом специальной военной операции России на Украине и нарастающей гибридной войной коллективного Запада против нашей страны.

С одной стороны, данные факторы вызвали неоднозначную реакцию со стороны различных групп молодежи. Определенная часть представителей российского поколения Z либо сбежала в ближнее и дальнее зарубежье, либо продемонстрировала свое оппозиционное отношение к происходящему другими способами. Причины этого нуждаются в осмыслении для последующей оптимизации государственной молодежной политики и снижения оппозиционных настроений поколения Z.

С другой стороны, действующая власть в эти два года уже обозначила достаточно серьезные системные изменения в государственной политике в различных сферах общественной жизни. Это касается и государственного регулирования всех механизмов и институтов политической социализации подрастающего поколения, а также всех отраслей, связанных с обучением, воспитанием, трудоустройством и созданием социально-экономических условий для молодых семей, для поддержки материнства, детства и традиционных семейных ценностей. Не все из заявленных преобразований реализуются в полной мере и в рамках обозначенных показателей. Обусловлено это тем, что, например, сфера образования характеризуется серьезным инерционным свойством, которое невозможно изменить одномоментно официальным решением. Эта инерция проявляется на разных уровнях управления данной сферой и создает определенные проблемы в виде ситуационной мимикрии и имитации активной деятельности по реализации новых стратегических установок государственной молодежной политики. А на практике они выхолащивают суть и смысл преобразований и превращают в свою противоположность. Поэтому столь важно выявление мнения самой молодежи и ее оценок о проводимых преобразованиях в данной сфере и их результатах.

Понятие «поколение Z» употребляется нами наряду с другими его синонимичными обозначениями – «цифровая молодежь», «поколение зумеров», «зетов» и ряд других. Главный смысл всех данных понятий состоит в том, что они отражают характеристики поколения, выросшего в эпоху бурного развития интернета и иных цифровых технологий, что не могло не сказаться на особенностях мировоззрения, мышления и социально-политического участия российской молодежи. Это является еще одним фактором, актуализирующим теоретическую и практическую значимость обозначенной темы статьи.

По мнению исследователей особенностей поколения Z, дискуссия по этой проблематике в последние годы заметно активизировалась [1]. Она касается различных сюжетов, в том числе теоретико-методологических аспектов изучения характеристик данного поколения. Например, Т. А. Алексеева проблематику особенностей современного поколения молодежи рассматривает в рамках международной теории конструктивизма: «Концепт поколения представляет собой темпоральную единицу анализа, охватывающую разный опыт группы людей, находящихся в несовпадающем индивидуальном и коллективном времени» [2, с. 7]. Тем самым акцент делается на том, что «постнеклассическая перспектива рассматривает картину мира, как состоящую из множества темпоральных опытов или поколений, которые существуют одновременно, в то же время живя в разное “время”» [2, с. 9]. Для исследования поколенческих характеристик российской молодежи такой методологический посыл возможен для понимания сложностей в осмыслении специфики миропонимания, мироощущения и мировосприятия различными возрастными группами и соответствующих особенностей их политического участия.

О масштабе и глубине погруженности поколения Z в интернет-пространство свидетельствуют материалы исследования 2018 г. Финансового университета при Правительстве РФ «Влияние цифровизации на профессиональную культуру российской молодежи». Его результа-

ты позволили констатировать, что «большинство молодых людей в России являются настоящими аборигенами цифрового пространства, о чем свидетельствует довольно ранний старт в использовании интернет-коммуникации: 25% – в 7–10-летнем возрасте; 45,5% – в 10–13-летнем возрасте; еще четверть – в возрасте старше 13 лет. При этом самая существенная доля молодых россиян проводит треть дня в социальных медиа: 40% – 4–8 ч; 34% – 1–4 ч; 15% – 8–12 ч; 6% – более 12 ч» [3, с. 66].

Очевидно, что на сегодняшний день эти показатели еще более возросли. Соответственно, увеличились ресурсы влияния цифровой среды на формирование мировоззрения российской молодежи. По поводу его противоречивых последствий также продолжается дискуссия среди российских обществоведов [4–6]. По мнению С. Б. Абрамовой и Н. Л. Антоновой, происходит не просто перемещение гражданской активности молодежи в онлайн-пространство, но и преодоление недоверия молодого поколения к государству и его институтам в результате коммуникаций в понятном для молодежи цифровом пространстве [7, с. 47]. Как представляется, это чересчур оптимистичная позиция, с учетом того, что в интернет-пространстве поколение Z активно использует в качестве источника для получения информации не только государственные каналы коммуникации, но и оппозиционные, в том числе самые радикальные и враждебные.

Более взвешенной позиции придерживается Ю. В. Гаврилова, которая в своей статье рассматривает психофизиологические, личностные и психологические характеристики цифрового поколения в современной России [8]. По ее мнению, к объективным условиям формирования особенностей этой социальной группы относится добавление виртуальной реальности к «естественному» и «социальному» основанию структур взаимодействия природы и общества, которое приводит к тому, что «жизнь на стыке двух реальностей (социальной и виртуальной) является для них “естественной”, не вызывающей дискомфорта и неудобств» [8, с. 101]. Автор констатирует, что данному поколению присуще сочетание позитивных и негативных тенденций: «На общем фоне интеллектуального развития страдает эмоциональный интеллект подростков; при появлении молодых, успешных лидеров, одновременно распространён инфантилизм и выученная беспомощность; саморазвитие соседствует со слабыми физическими по-

казателями; умение быть гибким и выходить из ситуаций социальной неопределённости сопровождается беспомощностью в экстремальных ситуациях, требующих физического выживания и сохранения здоровья (например, природные катастрофы, эпидемии, войны)» [8, с. 111]. Как представляется, общий вывод автора о том, что отрицательные последствия цифрового мира не будут разрушительными для этого поколения, на наш взгляд, завышенно оптимистичный. Массовые масштабы приобрел инфантилизм, отсутствие социальной ответственности за последствия переноса игровых виртуальных ситуаций на реальность, стремление добиться признания в виртуальном мире любыми способами, в том числе за счет жестоких сцен и издевательств, которые затем выставляются на всеобщее обозрение в интернет-пространстве.

В 2019 г. Высшая школа экономики выпустила сборник «Мифы о “поколении Z”», авторы которого утверждают, что ряд приписываемых подросткам особенностей (например, снижение способности мыслить критически) не подтверждены данными или результаты исследований противоречивы, отдельные характеристики являются, скорее, реакцией на современную среду (многозадачность), свойственны как взрослым, так и подросткам. Авторы отмечают, что сегодня нельзя с уверенностью делать выводы о поколенческой специфике современных подростков: особенности поведения, установок, ценностей могут быть обусловлены средой или возрастом и измениться по мере взросления [9].

С учетом сложности внешнеполитической ситуации особенно важным является политическое позиционирование цифрового поколения, которое несет в себе высокие социальные риски радикальной оппозиционности. С. Б. Абрамова и Н. Л. Антонова на основе эмпирических данных провели исследование взаимосвязи ответственности и гражданского активизма молодежи Екатеринбурга и Свердловской области [10]. На наш взгляд, многомерное измерение уровня ответственности российской молодежи дает возможность выявить одну из важнейших характеристик политической культуры цифрового поколения. Авторы констатируют, что ответственность молодежи за происходящее в стране находится на среднем уровне и «снижается с увеличением социальной дистанции: молодежь проявляет это чувство в большей степени по отношению к близкому контактному кругу, чем по отношению к стране в целом» [10, с. 89]. Особенно интересной представляется поста-

новка дискуссионных вопросов о целесообразности изучения «степени декларативности» [10, с. 98], в ответах на которые, а также на вопросы о гражданской ответственности у молодежи малых городов авторы выявили определенные расхождения. Как показало наше исследование, эта проблема в еще большей степени касается представителей сельской молодежи, которые в ходе опроса демонстрируют более высокий уровень гражданского патриотизма и ответственности и одновременно в значительной своей части не хотят связывать дальнейшую судьбу с местом своего проживания.

Е. О. Соболева в объяснении оппозиционности современного поколения студенческой молодежи акцент делает на основных фобиях и политических страхах ее представителей [11]. На основе анализа государственной молодежной политики РФ в последние десятилетия автор приходит к выводу о том, что после 2008 г. «массовая работа с молодежью постепенно сворачивается, политически выхолащиваются существовавшие молодежные организации, создаются новые структуры, кадровые резервы и форумы..., которые больше ориентируются не на воспитание молодого поколения в духе патриотизма и традиционных национальных ценностей, а на создание нового управленческого слоя» [11, с. 33]. В результате поколение Z стало постепенно «дрейфовать» в сторону оппозиции. Автор дает такую характеристику причин оппозиционности современной российской молодежи: «Во-первых, молодежь традиционно является протестной средой и любые, даже абсурдные или сомнительные обвинения в адрес власти трактуются ею не критически, более того, воспринимаются как политическая смелость и нонконформизм. Во-вторых, в отличие от предшественников, «поколение Z» не застало потрясений и кризисов 1980–1990-х гг. и практически всю свою сознательную жизнь провело в атмосфере комфорта и безопасности. В-третьих, ... власть сама в последние 8–10 лет сбивала “излишний” патриотический настрой молодежи, демонстрировала приверженность “общечеловеческим ценностям”, через СМИ активно пропагандировала западный стиль жизни» [11, с. 34].

Е. К. Рудакова в объяснении причин оппозиционности российской молодежи в современной России акцент делает на том, что решающую роль играет «насаждаемая “культура отмены”, новая глобальная идеология трансгуманизма, которая обесценивает и раз-

рушает устоявшиеся традиции и нормы» [12, с. 54]. Результатом она видит особенности мировоззрения, которые позволяют характеризовать молодежь как поколение 5G. По мнению Е. К. Рудаковой, эти особенности носят «трансцендентный и транснациональный характер», а процесс его трансформации «режиссируется и направляется с использованием когнитивных технологий управления массовым сознанием и медиаресурсов. Целью является формирование поколений, которые не будут привязаны к национальному государству, этносу, территории, роду, семье, истории, языку, а будут “исповедовать” установки и ценности нового глобального мира» [12, с. 54–55]. Для реализации такой масштабной задачи были использованы самые различные технологии воздействия на подрастающее поколение – от пропаганды IT-профессий будущего, которые не будут привязаны к постоянному месту работы, к жесткому графику, к конкретной стране проживания, до пропаганды «мира без границ», без Родины и национальной принадлежности, с неограниченной свободой действий, передвижений, выбора своей гендерной идентичности и т.д. Подобной позиции придерживается также Т. В. Бугайчук, по мнению которой для современной молодежи «духовный мир как целостная система разрушается, приобретая черты эклектичности и релятивизма» [13, с. 15].

Таким образом, проведенный обзор новейшей литературы показал, что продолжают иметь место различия в понимании теоретических основ и объяснении конкретных особенностей различных поколений молодежи.

Традиционный теоретический концепт поколений X, Y, Z основывался на типичных характеристиках сообществ молодежи, рожденных в конкретно-исторический период в результате воздействия одних и тех же политических, социально-экономических, социокультурных, технологических и иных факторов. Наиболее распространенными в научном дискурсе для поколения Z являются типичные характеристики, связанные с распространением индивидуалистических ценностей, глубокой погруженностью в виртуальное цифровое пространство, как с целью получения информации, так и для удовлетворения своих важнейших потребностей в коммуникации и реализации своих интересов. Результатом этого погружения признается клиповое мышление, отсутствие способности критически оценивать информацию, социальный инфанти-

лизм и ограниченные возможности духовно-нравственного и эмоционального развития.

Часть исследователей подвергают сомнению такую однозначную характеристику и делают акцент на том, что обобщенные социально-психологические и когнитивные особенности, приписываемые поколению Z, противоречивы и нуждаются в эмпирической проверке, что они присущи всем возрастным группам, а не только молодежи.

На наш взгляд, правильнее исходить из того, что во все времена молодежь, имея некие общие половозрастные характеристики, тем не менее, всегда была социально неоднородной, дифференцированной по самым различным основаниям. Эта стратификация зависела от места проживания, уровня образования, доходов, от характера воспитания, социокультурной среды, индивидуальных психофизиологических характеристик и т.д.

Для того чтобы выявить различные мотивы отношения российской молодежи к государству и основным направлениям государственной политики, нами было проведено соответствующее исследование. Его эмпирическую основу составили материалы ежегодных фокус-групп и онлайн-опросов молодежи (2021 г. n = 519; 2022 г. n = 2021; 2023 г. n = 852), проведенных кафедрой политических наук Саратовского государственного университета под руководством автора.

По материалам наших исследований в 2021 г. оппозиционные настроения российской молодежи достигли своего пика. Они проявлялись в отношении существующего политического режима, основных направлений государственной политики, в отношении действующих механизмов взаимодействия власти и общества.

Материалы показывают, что в результате целенаправленных усилий государства в последние два года произошли определенные позитивные сдвиги в представлениях российской молодежи в отношении государства и его функциональности в современной России. В рамках онлайн-опроса респонденты должны были определить свое понимание правильности/неправильности основных направлений государственной политики выставлением оценок от 0 до 5 баллов.

Однозначно положительную оценку **сфере политики** поставили в 2023 г. 39,9% респондентов (в 2022 г. – 22,4%, в 2021 г. – 14,7%).

Однозначно негативное отношение в 2023 г. продемонстрировали 34,8% опрошенных (в 2022 г. – 49,0%, в 2021 г. – 64,6%).

Оценка молодежью правильности развития **социальной сферы** в современной России выглядела следующим образом. Однозначно положительную оценку поставили в 2023 г. 47,6% (в 2022 г. – 27,8%, в 2021 г. – 21,0%). Однозначно негативное отношение в 2023 г. продемонстрировали лишь 28,5% опрошенных (в 2022 г. – 42,7%, в 2021 г. – 55,1%).

Однозначно положительные оценки **оборонной политике** в 2023 г. дали 50,8% респондентов (в 2022 г. – 41,1, в 2021 г. – 44,0%). Негативное восприятие правильности оборонной политики отметили в 2023 г. лишь 26,9% опрошенных (в 2022 г. – 38,9%, в 2021 г. – 35,9%).

Негативную оценку правильности **образовательной политики** в современной России в 2023 г. дали 36,5% опрошенных (в 2022 г. 50,1%). Это больше, чем в отношении каждого из рассмотренных выше направлений государственной политики. Позитивные (4–5 баллов) оценки в 2023 г. поставили 40,7% опрошенных (в 2022 г. – только 24,9%).

В рамках данной статьи мы не можем охватить весь спектр мотивов отношений различных возрастных групп российской молодежи к действующей власти и к основным направлениям государственной политики в ключевых сферах общественной жизни. Остановимся более подробно на таком стратегическом векторе государственной деятельности, как молодежная политика, которая воспринимается молодым поколением как сфера деятельности, напрямую касающаяся их непосредственных интересов.

От 0 до 2 баллов данному направлению в 2023 г. поставили 29,4% опрошенных (в 2022 г. – 41,7%, в 2021 г. – 53,2%). Положительные оценки (4 и 5 баллов) в 2023 г. поставили 44,7% (в 2022 г. – 33,2%, в 2021 г. – 24,3%) (табл. 1).

Участники фокус групп 2023 г. в качестве ключевых причин улучшения восприятия данного направления государственной политики отмечали усиление внимания официальных структур к проблемам молодежи и активизацию различных форм работы с этой группой в области спорта, волонтерской деятельности, культурно-развлекательных мероприятий и т.д.

Примечательна позиция различных возрастных групп по данному вопросу (табл. 2).

Таблица 1

Оценка молодежью правильности молодежной политики в современной России

Оценка, баллы	Количество ответов респондентов (%)		
	ноябрь 2021	ноябрь 2022	ноябрь 2023
0 (совершенно неправильное)	74 (14,3)	258 (12,8)	64 (7,5)
1	96 (18,5)	270 (13,4)	78 (9,2)
2	106 (20,4)	313 (15,5)	108 (12,7)
3	117 (22,5)	510 (25,2)	221 (25,9)
4	82 (15,8)	390 (19,3)	191 (22,4)
5 (совершенно правильное)	44 (8,5)	280 (13,9)	190 (22,3)
Всего	519 (100,0)	2021 (100,0)	852 (100,0)

Таблица 2

Оценка различными возрастными группами молодежи правильности молодежной политики в современной России

Оценка, баллы	Возраст респондентов (%)				Всего
	14–17	18–25	26–30	31–35	
0 (совершенно неправильное)	32 (7,2)	26 (7,0)	0	6 (27,3)	64 (7,5)
1	44 (10,0)	32 (8,6)	2 (12,5)	0	78 (9,2)
2	57 (12,9)	45 (12,1)	3 (18,8)	3 (13,6)	108 (12,7)
3	100 (22,6)	110 (29,6)	6 (37,5)	5 (22,7)	221 (25,9)
4	106 (24,0)	75 (20,2)	3 (18,8)	7 (31,8)	191 (22,4)
5 (совершенно правильное)	103 (23,3)	84 (22,6)	2 (12,5)	1 (4,5)	190 (22,3)
Всего	442 (100,0)	372 (100,0)	16 (100,0)	22 (100,0)	852 (100,0)

В младшей группе от 0 до 2 баллов ответ выбрали 30,1% опрошенных, в группе «студентов» – 27,7%, в группе 26–30 лет – 31,3%, 31–35 лет – 40,9%. Однозначно позитивные оценки (4–5 баллов) в группе «школьников» дали 47,3% респондентов, в группе «студентов» – 42,8%, в группе 26–30 лет – 31,3%, в группе 31–35 лет – 36,3%. По сравнению с исследованием 2021 и 2022 гг. уровень положительных оценок государственной молодежной политики вырос во всех возрастных группах.

Интересно объяснение причин различий в отношении к молодежной политике представителей выделенных возрастных групп. Среди факторов, определяющих позитивное восприятие данной сферы государственной деятельности, участники фокус-групп выделяли официальные установки последних двух лет на усиление поддержки молодежи со стороны государства (выделение льготной ипотеки, выплату материнского капитала, другие формы социальных льгот и поддержки). Тем самым объяснение мотивации отношения молодежи к молодежной

политике неразрывно связано с общим пониманием социально-экономической политики в современной России. С этим же общим социально-экономическим контекстом связано и объяснение продолжающегося недовольства со стороны молодежи – недостаточный размер стипендии, на которую нельзя прожить без помощи родителей и без подработки; недостаточный уровень льгот на проезд и на жилье; проблемы с трудоустройством по специальности после окончания вуза или другого учебного заведения; невысокие зарплаты в регионе.

Кроме того, фокус-группы 2023 г. выявили еще одну причину недовольства молодежной политикой – недостаточный уровень представленности молодежи в различных органах власти, в политических партиях и общественных организациях.

При этом «провинциальная» составляющая негативного социально-экономического контекста выступает более выпукло по мере удаления места проживания опрошенных от областного центра к провинциальной периферии (табл. 3).

Как показывают данные табл. 3, негативные оценки от 0 до 2 баллов поставили 29,6% респондентов из областных центров, 29,3% – из райцентров, 29,9% – из сельской местности, на

4 и 5 баллов оценили правильность молодежной политики соответственно 43,8, 45,4 и 47,3%, на троечку оценили 26,8, 25,4 и 23,7% опрошенных соответственно

Таблица 3

Оценка молодежью правильности молодежной политики в современной России в зависимости от места проживания респондентов

Оценка, баллы	Тип населенного пункта – места проживания респондента (%)			Всего
	областной центр	районный центр	сельская местность	
0 баллов (совершенно неправильное)	36 (8,2)	24 (7,2)	4 (5,3)	64 (7,5)
1	43 (9,8)	25 (7,5)	10 (13,2)	78 (9,2)
2	51 (11,6)	49 (14,6)	8 (10,5)	108 (12,7)
3	118 (26,8)	85 (25,4)	18 (23,7)	221 (25,9)
4	93 (21,1)	83 (24,8)	15 (19,7)	191 (22,4)
5 (совершенно правильное)	100 (22,7)	69 (20,6)	21 (27,6)	190 (22,3)
Всего	441 (100,0)	335 (100,0)	76 (100,0)	852 (100,0)

Несмотря на близость данных показателей, выступающих важнейшим маркером оппозиционности/лояльности различных групп российской молодежи в отношении государственной молодежной политики, мотивация неудовлетворенности существенно различается. Материалы фокус-групп показывают, что для представителей молодежи из областных центров среди ключевых причин недовольства государственной политикой в данной сфере первые позиции занимают социально-политические мотивы. К ним относится недовольство государственными ограничениями прав и свобод в условиях проведения СВО, в отношении деятельности либеральной оппозиции, недовольство частичной мобилизацией, конфронтацией России с западноевропейскими странами и т.д. Для представителей молодежи из райцентров и сельских

населенных пунктов на первый план выступают социально-экономические мотивы – низкие зарплаты, недостаточный уровень развития социальной инфраструктуры, проблемы трудоустройства и т.д.

Как показывают материалы табл. 4, негативные оценки от 0 до 2 баллов поставили 24,9% респондентов женского пола, 34,6% – мужского пола. На 4 и 5 баллов оценили правильность молодежной политики соответственно 49,5 и 39,0% представителей данных гендерных групп молодежи, на троечку – 25,5 и 26,4% опрошенных соответственно. Материалы фокус-групп показали, что более высокий уровень лояльности к действующей власти респондентов женского пола обусловлен, прежде всего, меньшими личными опасениями и страхами перед возможностью мобилизации на СВО.

Таблица 4

Оценка правильности молодежной политики в современной России в зависимости от пола респондентов

Оценка, баллы	Пол респондента (%)		Всего
	женский	мужской	
0 баллов (совершенно неправильное)	32 (6,9)	32 (8,2)	64 (7,5)
1	42 (9,1)	36 (9,2)	78 (9,2)
2	41 (8,9)	67 (17,2)	108 (12,7)
3	118 (25,5)	103 (26,4)	221 (25,9)
4	118 (25,5)	73 (18,7)	191 (22,4)
5 (совершенно правильное)	111 (24,0)	79 (20,3)	190 (22,3)
Всего	462 (100,0)	390 (100,0)	852 (100)

Исследование показало, что среди приверженцев различных идеологий наибольшую значимость в мотивации оппозиционности имеют анархизм и либерализм. Среди приверженцев анархизма однозначно негативно (0–2 балла) государственную молодежную политику оценили 54,5%, на 4 и 5 баллов – 18,0% на 3 балла – 27,3%. Фокус-группы показали, что сторонники анархизма наиболее последовательно и осознанно критично воспринимают деятельность Российского государства и его институтов. Однако данная группа малочисленна (2,6% от всех опрошенных) и поэтому не представляет высокую социальную опасность. В отличие от них сторонники либерализма гораздо более многочисленны (17,3% от всех респондентов), и среди них однозначно негативно (0–2 балла) оценили государственную молодежную политику 31,9% опрошенных, на 4 и 5 баллов – 41,5%, на 3 балла – 26,6%

В целом, исследование показало, что, несмотря на наличие позитивных тенденций в восприятии государственной молодежной политики в современной России (равно как и других направлений политики в различных сферах общественной жизни), важнейшее значение имеет тот факт, что доля оппозиционно настроенных молодых людей продолжает оставаться на уровне трети опрошенных.

Эмпирически было доказано, что единых типологических характеристик современной российской молодежи не существует, она разнородна и продолжает различаться не только по возрастным и гендерным критериям, но и по мировоззренческим и социокультурным основаниям, по идеологическим предпочтениям, месту проживания, уровню образования и материальному положению.

Для поколения Z данная дифференциация подверглась определенному нивелированию за счет повсеместного распространения возможностей погружения в виртуальную реальность и получения разнородной информации и каналов коммуникации в интернет-пространстве. Да, цифровые ресурсы и технологии стали серьезным фактором формирования мировоззрения и нравственных основ подрастающего поколения. Но семья, школа, вуз, СМИ, искусство и другие социальные институты продолжают оставаться ключевыми агентами социализации. Именно поэтому важно рассматривать и оценивать поколение молодежи не как единую однородную массу, а в рамках конкретных характеристик ее различных социальных сегментов.

Такой подход особенно важен для определения уровня и характера оппозиционности различных групп российской молодежи и выявления соответствующих социальных рисков ее возможной радикальной реализации.

Значительная часть молодежи вступает во взрослую жизнь с уже сформированным либеральным мировоззрением (во многом благодаря школьному образованию и воспитанию, которые на протяжении постсоветских десятилетий осуществлялись на основе либеральной парадигмы). Именно данный идеологически мотивированный сегмент российской молодежи действительно становится идеальным расходным материалом для управляемых протестных движений и цветных революций. Борьба государства за сохранение традиционных ценностей рассматривается такими представителями цифрового поколения как отстаивание архаизма и косности. Борьба за отстаивание национальных интересов рассматривается как политика изоляционизма от столбовой дороги «цивилизационного развития», от «прогрессивных» мировых трендов. Государственные запреты и ограничения деятельности иностранных агентов оцениваются этой частью молодежи как покушение на свободу выбора получения информации и каналов коммуникаций.

Оппозиционность молодежи «левой» идеологической ориентации в большей степени мотивирована социально-экономическими факторами и недовольством состоянием дел в данной сфере. Отношение к внешней политике России, к СВО, к конфронтации с США и их союзниками по НАТО у данной группы более лояльно. Уровень патриотизма и позитивного отношения к официальной политике сохранения традиционных ценностей в современной России у данной группы фактически близок к показателям лояльно настроенных респондентов в отношении действующего политического режима.

Тем не менее продолжает оставаться высоким социальный риск того, что в случае спровоцированной конфликтной внутривнутриполитической ситуации часть молодежи сможет быть втянута в антиправительственные и антигосударственные акции не столько в силу своих идеологических и политических предпочтений, сколько в силу возрастных психофизиологических характеристик, выступающих в качестве факторов конформистского поведения и возрастной солидарности. Отсутствие рациональной осознанности разрушительных последствий радикальной борьбы, стремление к демонстрации своего

молодечества и бесстрашия, максимализм в оценках действия властей вполне смогут стать доминирующими мотивами поведения молодежи в условиях обострения ситуации.

Список литературы

1. Зинурова Р. И., Никитина Т. Н., Фатхуллина Л. З. Социальные практики и социально-психологические характеристики поколения Z (по результатам фокус-группового исследования) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 146–158. <https://doi.org/10.17223/15617793/476/16>
2. Алексеева Т. А. «Третье поколение» конструктивизма: что нового? // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8, № 1 (29). С. 6–21.
3. Бродовская Е. В. Цифровые граждане, цифровое общество и цифровая гражданственность // Власть. 2019. Т. 27, № 4. С. 65–69. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6587>
4. Казаков А. А. Отношение российской молодежи к СВО: роль медийного сопровождения государственной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 460–467. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-460-467>, EDN: VRKDZI
5. Труханов В. А. Ценностные ориентации молодежи и региональная безопасность // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 180–189. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-180-189>, EDN: AHDZCU
6. Шестов Н. И. Научный взгляд на ценностные установки современной российской молодежи: почему не складывается целостная картина? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 66–70. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-66-70>, EDN: TEGCAK
7. Абрамова С. Б., Антонова Н. Л. Гражданский неполитический активизм молодежи: поворот к цифровым локальным практикам // Caucasian Science Bridge. 2022. Т. 5, № 3 (17). С. 46–55. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.4>
8. Гаврилова Ю. В. Цифровое поколение: тенденции становления и особенности развития // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2022. № 13. С. 99–114. EDN: YUQNZY
9. Богачева Н. В., Сивак Е. В. Мифы о «поколении Z». М. : НИУ ВШЭ, 2019. 64 с
10. Абрамова С. Б., Антонова Н. Л. Ответственность как фактор гражданского активизма молодежи // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17, № 4. С. 89–101. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-4-89-101>, EDN: YCSHKF
11. Соболева Е. О. Политические страхи современной студенческой молодежи в контексте молодежной политики Российской Федерации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, № 5. С. 31–35. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-5-31-35>, EDN: PWAOMQ
12. Рудакова Е. К. Поколение 5G: глобальный взгляд на проблему доверия молодежи к традиционным политическим и общественным институтам // Технологии социально-гуманитарных исследований. 2023. № 4 (4). С. 53–59. EDN: AHMVEI
13. Бугайчук Т. В. Политологический аспект становления гражданской идентичности и особенности социокультурной трансформации в современной России // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 1 (11). С. 5–22. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2022-11-5-22>

Поступила в редакцию 17.04.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 06.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 17.04.2024; approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 06.05.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 331–335
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 331–335
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-331-335>, EDN: UIHZQU

Научная статья
УДК 32.019.3

Влияние социально-экономической дифференциации молодежи на ее политическую идентичность

В. А. Труханов

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Труханов Виктор Александрович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры гражданской обороны и специальной подготовки, truhanov_viktor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2728-5953>

Аннотация. В данной статье рассмотрены особенности политической идентичности провинциальной молодежи на основе социально-экономической дифференциации. Отмечается, что молодежная среда не однородна по своему социально-экономическому положению, и такая дифференциация в условиях проведения специальной военной операции, нестабильной политической ситуации, социальной напряженности предполагает различную политическую идентичность. В свою очередь, это ведет к деструктивной активности молодежи в отношении субъектов власти, а также к межгрупповым конфликтам. Данное предположение легло в основу авторского анализа в рассмотрении возможной зависимости идеологической идентификации молодых людей от места в социальной структуре общества. Научными задачами, на решение которых направлен анализ, является осмысление и концептуализация политико-идеологических ориентаций современной молодежи в контексте социально-экономической дифференциации. Рабочей гипотезой было то, что наименее защищенные в материальном плане группы молодежи являются наиболее радикальными по отношению к власти. Поэтому автор условно выделяет две группы молодежи. Первая группа – это те, кто имеют низкий жизненный уровень, страдают от отсутствия социальных лифтов и социальной несправедливости, не имеют возможности получить хорошее образование и готовы к изменению своего положения в обществе в ходе протестных действий. Вторая группа молодежи – то поколение, которое выросло как «квалифицированные потребители», увидевшие риски в снижении уровня своего потребления и поэтому готовые к протестным действиям с целью отстаивания своих прав как потребителей. Однако исследование данной проблемы выявило, что современная молодежь достаточно аполитична, это показали ответы на вопрос о выборе идеологии, ценности которой наиболее близки респонденту, а также довольно низкий процент радикально настроенной молодежи, независимо от материального положения, что не влияет существенно на политический процесс. Вместе с тем в условиях политической нестабильности, конфликта элит эти группы молодежи могут стать деструктивным ресурсом политического конфликта.

Ключевые слова: политический регион, молодежь, протестные настроения, социальная группа, политическая идентификация, социальная и экономическая дифференциация, политический конфликт

Благодарности. Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Отношение "цифрового" поколения к молодежной политике в современной России: оценки, риски, варианты оптимизации», поддержанного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Для цитирования: Труханов В. А. Влияние социально-экономической дифференциации молодежи на ее политическую идентичность // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 331–335. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-331-335>, EDN: UIHZQU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Influence of socio-economic differentiation of youth on its political identity

V. A. Trukhanov

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Viktor A. Trukhanov, truhanov_viktor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2728-5953>

Abstract. This article examines the features of the political identity of provincial youth based on socio-economic differentiation. It is noted that the youth environment is not homogeneous in its socio-economic status and such differentiation in the context of a Special Military Operation, an unstable political situation, and social tension presupposes a different political identity. In turn, this leads to destructive activity of young people in relation to government officials, as well as to intergroup conflicts. This assumption formed the basis of the author's analysis in considering the possible dependence of the ideological identification of young people on their place in the social structure of society. The scientific tasks to be solved by the analysis are the understanding and conceptualization of the political and ideological orientations of modern youth in the context of socio-economic differentiation. The working hypothesis was that the least financially protected groups of young people are the most radical

in relation to the authorities. Therefore, the author conditionally distinguishes two groups of young people. The first group of young people are those who have a low standard of living, suffer from a lack of social elevators and social injustice, do not have the opportunity to get a good education and are ready to change their position in society during protest actions. The second group of young people is the generation that grew up as “qualified consumers”, who saw risks in reducing their consumption levels and are therefore ready for protest actions in order to defend their rights as consumers. However, the study of this problem revealed that modern youth are quite apolitical, this was shown by answers to the question about choosing an ideology whose values are closest to the respondent, as well as a rather low percentage of radically minded youth, regardless of financial situation, which does not significantly affect the political process. At the same time, in conditions of political instability and elite conflict, these groups of youth can become a destructive resource for political actors in the conflict.

Keywords: political region, youth, protest sentiments, social group, political identification, social and economic differentiation, political conflict

Acknowledgements: The article was prepared as part of the research project “The attitude of “digital” generation to youth policy in modern Russia: assessments, risks, optimization options”, supported by the Expert Institute for Social Research (EISR) together with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences.

For citation: Trukhanov V. A. Influence of socio-economic differentiation of youth on its political identity. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 331–335 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-331-335>, EDN: UIHZQU

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Молодежные проблемы сегодня стоят в ряду приоритетных политических, социальных задач, решение которых способно коренным образом повлиять на будущее российского социума и в целом государства. Одной из таких проблем является отчетливая дифференция молодежи по социально-экономическим основаниям и, соответственно, дифференциация молодежи по политическим взглядам.

Цель данной статьи – рассмотреть возможную зависимость идеологической идентификации молодых людей от места в социальной структуре общества.

Научными задачами, на решение которых направлен авторский анализ, являются осмысление и концептуализация политико-идеологических ориентаций современной молодежи в контексте социально-экономической дифференциации.

Социальная и экономическая дифференциация социума возникает в процессе эволюции общества. Теоретиком эволюции был английский философ и социолог, идеолог либерализма Герберт Спенсер. Проблемам социальной дифференциации уделяли внимание такие социологи, основоположники структурно-функционального подхода в науке, как Толкотт Парсонс и Роберт Мертон. Дифференциация в обществе анализируется ими как неизбежное и даже необходимое явление конкретного состояния общества, в результате чего возникают различные социальные группы, функционирование которых приводит к развитию и эволюции социума. По всей видимости, здесь имеется в виду роль конфликта как социального феномена общественной жизни, неизбежно возникающего между различными по уровню дохода социальными группами, который предотвращает застой в общественно-политической жизни. Разрешение конфликта всегда способствует дальнейшему развитию общества.

Как отмечают саратовские ученые А. А. Казаков, Н. И. Шестов, в настоящее время, в результате углубления процесса неравенства между различными группами молодежи и повышения социальной напряженности, возникает научная и политическая потребность в дальнейшем изучении молодежной групповой идентификации, их политической радикализации и возможного деструктивного политического поведения по отношению к власти, что особенно актуально для провинциальной молодежи на региональном уровне [1, 2].

Ряд исследователей выделяют различные основания, по которым происходит дифференциация среди молодежи на социальные группы. К таким основаниям относят социально-стратификационные, образовательно-профессиональные, культурные, ценностные, потребностно-мотивационные, конфессиональные, а также дифференцируют по этническим, религиозным, региональным и локальным особенностям [3, 4].

Например, О. В. Назарой в своей кандидатской диссертации описывает четыре группы факторов, указывающих на социальную дифференциацию различных социальных групп: антропологические, связанные с разделением этих групп на этносы, нации, национальности; демографические, дифференцирующие группы по половозрастным признакам; профессионально-технологические, указывающие на специализированное разделение труда в обществе; социально-экономические факторы, стратифицирующие группы по статусным позициям, уровню дохода и профессионального престижа, а также по досуговому неравенству как инновационной формы социокультурной дифференциации [5, с. 51–52].

В нашей работе мы будем опираться на ценностные факторы, на основе которых происходит социальная и политическая дифферен-

циация провинциальной молодежи (что становится исключительно актуальным в условиях проведения специальной военной операции).

В предыдущих работах мы сделали попытку концептуализации идеологии патриотизма как ценностной ориентации и важного индикатора в структуре политико-правового сознания современной молодежи в условиях СВО [6], а также готовности молодежи к радикальным политическим действиям. На основе социологического исследования, проведенного на кафедре политических наук Саратовского государственного университета в октябре 2022 г., автор пришел к выводу о готовности части провинциальной молодежи к деструктивной активности, которая существует у двух противоположных по социальному статусу и идеологическим предпочтениям групп молодежи.

Первая группа молодежи – это те, кто имеют низкий жизненный уровень, страдают от отсутствия социальных лифтов и социальной несправедливости, не имеют возможности получить хорошее образование и готовы к изменению своего положения в обществе в ходе протестных действий. По мнению И. Л. Морозова и А. Э. Абрамова, нарастание социального и экономического неравенства, сокращение социальных лифтов могут быть причинами для протестных действий и даже экстремизма. Их отрицание может привести к печальным для государства последствиям, поэтому нужен некий «общественный договор» между элитой и простыми гражданами с целью не допустить повторения событий столетней давности [7]. Такую группу молодежи условно можно назвать «левые».

Вторая группа молодежи – то поколение, которое выросло как «квалифицированные потребители», увидевшие риски в снижении уровня своего потребления и поэтому готовые к протестным действиям с целью отстаивания своих прав как потребителей. Условно их можно назвать «правые» или «навальнисты».

Такая социально-экономическая дифференциация предполагает не только деструктивную активность молодежи в отношении субъектов власти, но и межгрупповые конфликты. Объединяет эти группы то, что желание на перемены в обществе снижает запрос на стабильность, а значит, правовое сознание данной категории молодых людей склонно к нарушению законов, к радикальным действиям в отношении власти.

В связи с этим возникла необходимость в анализе этих социальных групп и выработке современных подходов и стратегических приоритетов молодежной политики.

Данные проблемы были исследованы коллективом кафедры политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского в октябре 2023 г. Онлайн-анкетирование стало эмпирической базой работы. Было опрошено 852 человека в возрасте от 14 до 35 лет, гендерный состав – 45,8% мужчин и 54,2% женщин. В основном это студенты вузов (45,3%) и учащиеся средних школ (39,6%), а кроме того, работники наемного труда (2,9%), предприниматели (1,1%) и учащиеся средних специальных учебных заведений (7,4%). По типу населенного пункта, в котором проживают респонденты, это были областной центр – 51,8%, районный центр – 39,3% и сельская местность – 8,9%. Среди регионов по количеству респондентов лидирует Саратовская область – 72,7%.

В итоге исследования получены результаты, дающие представление о зависимости идеологических предпочтений провинциальной молодежи от места в социальной стратификации общества.

Так, на вопрос к респондентам о желаемом будущем политическом устройстве России 58,3% ответили, что согласны с сохранением сегодняшнего политического устройства. О характере личного участия в политике 48,5% опрошенных ответили, что не имеют никакого отношения к политике, и только 4,6% заявили, что являются членами одной из зарегистрированных партий современной России. Это позволяет нам предположить, что около половины участников опроса являются аполитичными молодыми людьми, не интересующимися вопросами политики.

На вопрос о желаемом будущем социально-экономическом устройстве России почти 40,0% ответили, что сохранили бы сегодняшнее социально-экономическое устройство. Это свидетельствует о согласии молодежи с тем социально-экономическим курсом, который проводит политическая власть современной России и который она формирует в регионах. Но вместе с тем интересны полученные результаты о миграционных настроениях респондентов. Так, готовы однозначно уехать в другой, более привлекательный регион 30,8% респондентов, а скорее всего уедут в другой населенный пункт своего региона 27,5% молодых людей. Налицо противоречие, заключающееся в том, что, с одной стороны, большинство опрошенных в той или иной степени поддерживают социально-экономический курс

властей, но, с другой, опять же большинство молодых людей готовы покинуть родные места в поисках лучшей жизни.

Также, по результатам исследования, выявлено противоречие по идентификации своего социального статуса с доходами респондентов. Присутствует тенденция к завышению персонального социального статуса респондентов, проявляющееся в том, что на вопрос, к какой социальной группе вы себя относите, ответили: к элите – 8,0%, к среднему классу – 69,9%. Однако на вопрос о среднемесячном доходе семьи свыше 100 тыс. руб. ответили положительно – 6,3%, а среднемесячный доход от 60 до 100 тыс. руб. имеют 12,0%. Ясно, что элиты общества, в том смысле, в котором ставился вопрос в анкете, с такими доходами быть не может. То же самое касается и среднего класса.

Здесь нужно отметить, что доход семьи до 15 тыс. руб. указали 18,7% респондентов, что вызывает определенное беспокойство, так как федеральный прожиточный минимум в 2023 г. на одного человека составляет 14 375 руб. [8]. Таким образом, можно предположить, что почти 19% опрошенных молодых людей живут в условиях бедности.

Можно сделать вывод о том, что большинство опрошенных молодых людей имеют низкие семейные доходы: до 15 тыс. руб. – 18,7% и до 40 тыс. руб. – 41,9%. Однозначно заявили

о намерении уехать в другой, более привлекательный регион 30,8% молодых людей и скорее всего уедут в другой населенный пункт своего региона 27,5%.

Вместе с тем большинство респондентов не видят перспектив изменения социально-экономического положения путем личного радикального участия в политическом процессе. Так, на вопрос о характере личного участия в политике только 2,3% ответили, что принимали участие в несанкционированных протестных акциях (шествиях, митингах и т.д.), а 4,8% участвовали в санкционированных акциях. Также не видят своего легитимного участия в изменении политического устройства и большинство молодых людей. Данный вывод можно сделать, анализируя ответы на вопросы участия в политических и общественных организациях. На вопрос, являетесь ли вы членом молодежной организации, ответили положительно только 10,4% опрошенных, а на вопрос о членстве в одной из зарегистрированных партий современной России – лишь 4,6%. Голосовать на выборы ходили 14,8% респондентов, участвовали в предвыборной кампании (в качестве агитатора, сборщика подписей и т.д.) 4,2% участников опроса.

Кроме этого, исходя из темы данной работы, мы посчитали интересным рассмотреть корреляцию групп респондентов по доходам с ответами респондентов в зависимости от их идеологических предпочтений (таблица).

Идеология, ценности которой наиболее близки респонденту, в соотношении со среднемесячным доходом его семьи (комбинационная таблица)

Идеология, ценности которой наиболее близки респонденту	Среднемесячный доход семьи респондента					
	до 15 тыс. руб.	до 40 тыс. руб.	до 60 тыс. руб.	до 100 тыс. руб.	свыше 100 тыс. руб.	Всего
	Количество респондентов / Среднемесячный доход семьи, %					
Консерватизм	15 / 9,4	30 / 8,6	22 / 12,3	12 / 11,9	10 / 19,2	89 / 10,6
Либерализм	24 / 15,1	71 / 20,3	26 / 14,5	16 / 15,8	10 / 19,2	147 / 17,5
Коммунизм	16 / 10,1	24 / 6,9	11 / 6,1	14 / 13,9	1 / 1,9	66 / 7,8
Социал-демократия	58 / 36,5	100 / 28,6	44 / 24,6	21 / 20,8	10 / 19,2	233 / 27,7
Национализм	7 / 4,4	13 / 3,7	4 / 2,2	8 / 7,9	3 / 5,8	35 / 4,2
Анархизм	6 / 3,8	8 / 2,3	2 / 1,1	2 / 2,0	4 / 7,7	22 / 2,6
Национал-социализм	–	1 / 0,3	1 / 0,6	–	–	2 / 0,2
Ни одна из перечисленных идеологий	32 / 20,1	102 / 29,1	67 / 37,4	28 / 27,7	14 / 26,9	243 / 28,9

Как видно из данных, представленных в таблице, в группе респондентов с самыми низкими доходами (среднемесячный доход семьи составляет до 15 тыс. руб.) наибольший процент получила социал-демократическая идеология – 36,5%, на втором месте – «ни одна из перечисленных идеологий» – 20,1%. В группе с наивысшей суммой доходов (свыше 100 тыс. руб.) на первом месте «ни одна из перечисленных идеологий» – 26,9%, а также консерватизм, либерализм и социал-демократия – по 19,2%. Подводя итог идеологическим предпочтениям молодых людей, можно сделать вывод, что наибольший процент респондентов поддерживают социал-демократическую идеологию – 27,7%, на первом же месте – «ни одна из перечисленных идеологий» (28,9%).

Таким образом, нами было выявлено, что многие представления о том, что малообеспеченные социальные группы готовы на радикальные действия в отношении власти, мягко говоря, не соответствуют современной действительности.

Во-первых, современная молодежь достаточно аполитична, что показали ответы на вопрос о выборе идеологии, ценности которой наиболее близки респонденту. Кроме того, прослеживается отсутствие интереса личного участия в политике и стремление делегировать свои полномочия избранным органам власти. Почти половина опрошенных ответили, что не имеют никакого отношения к политике.

Во-вторых, политическая радикальность малообеспеченной молодежи довольно незначительная. Так, приверженцами идеологии национализма являются 4,4%, анархизма – 3,8% опрошенных, коммунистов (если только можно причислить современных коммунистов России к радикалам) – 10,1%.

Что касается групп молодежи с высоким доходом, то здесь выявлены даже более высокие радикальные настроения, чем в группе малообеспеченных: приверженцами радикальной идеологии национализма являются 5,8%, анархизма – 7,7%, коммунистов – 1,9% респондентов.

Результаты проведенного нами исследования в основном подтвердили предположение, что в группах как малообеспеченных молодых людей, так и молодежи с высоким уровнем дохода существуют радикальные настроения и протестная активность, хотя и незначительно

выраженная. Оказать существенное влияние на политический процесс данные группы не способны. С другой стороны, возможный раскол политической элиты, а также подогрев протестных настроений в условиях региональных особенностей социально-экономической и политической дифференциации способны деструктивно повлиять на политическую ситуацию.

Список литературы

1. Казаков А. А. Ценность справедливости в представлениях современной молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 114–120. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-114-120>
2. Шестов Н. И. Представление молодежи о будущем России: провинциальное измерение // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 108–113. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-108-113>
3. Мазур Е. Ю., Матвеева И. Н. Психологические аспекты социальной мобильности современной молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 5 (73). С. 102–106. <http://dx.doi.org/10.24158/spp.2020.5.16>
4. Ковров В. В., Вакула И. М., Гафиатулина Н. Х. Социокультурная дифференциация российской молодежи: теоретико-методологические основания // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 240–245. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-240-245>
5. Назарой О. В. Социокультурная дифференциация молодежи в сфере досуга как основа создания современных молодежных центров (на примере г. Пскова) : дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2014. 213 с.
6. Труханов В. А. Ценностные ориентации молодежи и региональная безопасность // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 180–189. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-180-189>, EDN: ANDZCU
7. Морозов И. Л., Абрамов А. Э. Государственная стратегия противодействия экстремизму в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 8 (85). С. 1–5. <https://dx.doi.org/10.24158/rep.2020.8.2>
8. Установлена величина прожиточного минимума в целом по России на 2023 год. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Поступила в редакцию 16.04.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 06.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 16.04.2024; approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 06.05.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 336–342

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 336–342

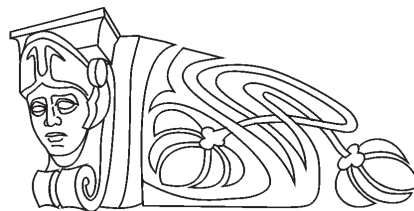
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-336-342>, EDN: RYYTDV

Научная статья

УДК 32.019.5:32.019.51

Репрезентация политических идей в современных западных кинокомиксах

И. И. Кузнецов, А. А. Атаманенко ✉

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Кузнецов Игорь Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры истории и теории политики, politbum@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0274-8728>

Атаманенко Артемий Андреевич, магистрант кафедры истории и теории политики, atamanenko@polit.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4433-7847>

Аннотация. В статье предложен взгляд на современный западный кинокомикс как элемент массовой политической коммуникации. При помощи методологии изучения политических языков и социальных полей рассмотрены художественные особенности кинокомикса, позволяющие в данном жанре доносить политически нагруженные сообщения. Выявлены основные форматы, в рамках которых кинокомикс становится проводником политических взглядов его авторов и спонсоров. В ходе исследования определены два основных подхода к политизации кинокомикса: при помощи включения непосредственно в сюжет политических метафор и через реализацию «производственного манифеста» в ходе создания и продвижения кинокомикса как творческого продукта. На примере наиболее кассовых картин жанра 2017–2022 гг. выявлены магистральные темы и интенции, затрагивающие вопросы политического в современном западном кинокомиксе. Систематизированы нарративные и выразительные инструменты, используемые для формирования оценок и установок относительно политических идей, процессов и явлений через метафоры и иносказания в репертуаре кинокомиксов.

Ключевые слова: кинокомикс, политический язык, политическая репрезентация, поля стратегического действия, комиксное мышление, политическая метафора

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в рамках научного проекта «Отражение политических взглядов в современных западных кинокомиксах (на примере фильмов 2017–2022 гг.)».

Для цитирования: Кузнецов И. И., Атаманенко А. А. Репрезентация политических идей в современных западных кинокомиксах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 336–342. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-336-342>, EDN: RYYTDV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Representation of political ideas in modern western comics-movies

I. I. Kuznetsov, A. A. Atamanenko ✉

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Igor I. Kuznetsov, politbum@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0274-8728>

Artemiy A. Atamanenko, atamanenko@polit.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4433-7847>

Abstract. The article offers a view at modern Western comics-based movies as an element of mass political communication. Using the methodology of studying political languages and social fields, artistic features of the comic book film are examined, allowing politically charged messages to be conveyed in this genre. The main formats within which a comic book film becomes a conductor of political views of its authors and sponsors are identified. The study identified two main approaches to the politicization of the comic book film: by including political metaphors directly into the plot and through the implementation of a “production manifesto” during the creation and promotion of the comic book film as a creative product. Using the example of the highest-grossing films of the genre from 2017–2022, the main themes and intentions that touch upon political issues in modern Western comics films have been identified. The narrative and expressive tools used to form assessments and attitudes regarding political ideas, processes and phenomena through metaphors and allegories in the repertoire of comic book films are systematized.

Keywords: comics-movie, political language, political representation, fields of strategic action, comics mind, political metaphor

Acknowledgements: This research was carried out with the financial support of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University within the framework of the scientific project “Reflection of political views in modern Western film comics (using the example of films from 2017–2022)”.

For citation: Kuznetsov I. I., Atamanenko A. A. Representation of political ideas in modern western comics-movies. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 336–342 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-336-342>, EDN: RYITDV
This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Методология изучения кинокомикса как политического языка

Современная популярная культура выступает в роли системы художественных произведений, выполняющих эстетические, коммерческие и репрезентационные запросы различных социальных и политических групп. Превращение культуры в индустрию (например, кинематограф и видеоигры) определяется как концентрированным и постоянным потоком контента, так и реализацией определенных трендов в рамках выпускаемых произведений. В этой связи одним из главных направлений массовой культуры первой четверти XXI в. являются кинокомиксы как поджанр кинематографа в рамках комикс-культуры. Мы полагаем, что современный западный кинокомикс не только содержит в себе сюжетные аспекты нарратива, но и отражает и переосмысливает политические идеи.

Отметим, что для полного ответа на вопрос о том, в какой мере и какие политические идеи репрезентируются в кинокомиксах, необходимо определить методологические аспекты рассуждения и дать четкую дефиницию обсуждаемому феномену.

Для того чтобы сформулировать операциональное определение кинокомикса, необходимо установить границы комикс-культуры. Наиболее классическое определение комикса, данное Скоттом Макклаудом в базовой работе «Понимание комикса» вслед за Уиллом Айснером, предлагает считать комикс «последовательным искусством». Более подробное определение звучит следующим образом: «Иллюстративные и другие изображения, сопоставленные рядом в продуманной последовательности для передачи информации и/или получения эстетического отклика от зрителя» [1, с. 9]. В этом смысле комикс важен нам как визуальная история, чья композиция позволяет донести запланированный автором смысл и вызвать эмоционально-эстетическую реакцию. В контексте именно политического изучения комикса и комикс-культуры важно понимать как проектируемые в процессе создания политические аспекты сюжета, так и вызываемую обратную связь политического содержания.

Кинокомикс и супергеройский комикс, часто выступающий основой для массовых

кинокомиксов, уже давно изучаются исследователями визуальной культуры, в том числе в политическом измерении. Традиции изучения позволяют рассматривать этот формат массовой культуры как формат современной мифологии, как способ «усиления через упрощение» в обсуждении актуальных для данного общества вопросов и как инструмент компенсации общественно-политической нестабильности при помощи персонификации политических надежд [2, р. 12–18]. Н. Цыркун в своем фундаментальном исследовании феномена американского кинокомикса выделяет так называемое «комиксное мышление» – набор тропов, практик и метафор, используемых для формирования нарратива, изначально присущих структуре печатного комикса и позже кинокомикса. К элементам комиксного мышления относятся саморефлексивность, амбивалентность, смешение художественных языков и гибридность. Саморефлексивность предполагает, что кинокомикс формирует условия для переноса предлагаемых зрителю образов на его собственный социальный опыт. Персонаж становится носителем переживаний и символических действий, мотивирующих аудиторию ассоциировать себя с предлагаемым сюжетом. Амбивалентность кинокомикса исходит из его иносказательности, активного формирования вымышленных условий, которые, тем не менее, нередко имеют аналогию в реальном мире. Смешение художественных языков и гибридность определяют выразительное и жанровое разнообразие кинокомикса, который сознательно нарушает классические каноны и правила, формируя собственный язык донесения сообщений [3, с. 188–205]. Данные элементы определяют основание для изучения кинокомикса как языка социального общения.

Методологическая оптика требует от нас наличия инструментов, которые позволяют идентифицировать текст как канал реализации политического действия. Такой подход является основой Кембриджской школой изучения политических языков. Изначально к любому тексту мы задаем вопрос: «Какого эффекта хотел добиться автор, когда писал и публиковал данный текст?». То есть мы стремимся оценить не только сам текст и его смысловые особенности, но также и интенции, заложенные в него, и контекст его принятия, если такие данные нам доступны [4]. Нашей задачей становится

понимание того эффекта, который был запланирован автором при создании своего материала – будь то обсуждение текста или действие как реакция на него. В такой конфигурации тексты становятся частью общего процесса политической коммуникации, выступая медиаторами смыслов. В этой связи мы понимаем идею как устойчивое зафиксированное представление в целом о политике или ее части, сопряженное с оценкой. Такое определение позволит нам ориентироваться на конкретные текстовые и визуальные высказывания, сосредоточиваясь на их значении.

Для формирования более широкого контекста мы будем рассматривать семантические области, в которые включены тексты, как социальные поля. Критерием выделения такого поля станет конкретная проблема, обсуждение и решение которой является целью задействованных в поле акторов. То есть в него будут включены политические и социальные институты, отдельные люди, социокультурные медиаторы и воспринимающая аудитория как отдельная категория акторов. Таким образом, выстраивается линия трансляции проблемы и ее дискурсивного изменения [5, с. 48–75]. В нашем случае наиболее пристальное внимание в выделенных полях мы обратим непосредственно на кинокомиксы как социокультурные медиаторы смыслов [6, р. 20–22].

Рассматривая коммуникативные грани кинокомикса, мы можем выделить две основные стратегии, при помощи которых можно дифференцировать конкретные случаи обретения произведением политической значимости. Первая стратегия предполагает, что сам по себе сюжет произведения включает политический элемент. Таким элементом может становиться взаимодействие персонажей с реальными и вымышленными политическими структурами, вокализация ими политических позиций. Вторая стратегия оказывается более сложной к выделению, однако является не менее важным форматом политизации кинокомикса. В этом случае кинокомикс и его выпуск становятся политическим действием, в которое авторы вкладывают потенциал манифеста. В таком кинокомиксе могут напрямую не затрагиваться традиционные вопросы и проблемы политики, однако отдельные детали превращаются в способ внести вклад в общественную дискуссию по актуальным вопросам. Это может быть, к примеру, акцентирование внимания на персонажах, чьи

роли исполняют женщины или актеры неевропейского происхождения для феминистского и деколониального дискурсов соответственно. Учитывая, что кинокомиксы, как правило, рассчитаны на широкую аудиторию, интеграция таких элементов становится одним из каналов массовой политической коммуникации.

Для анализа репрезентации политических взглядов при помощи кинокомиксов была сформирована выборка, в которую вошли по три наиболее кассовых кинокомикса за 2017–2022 годы¹. Критерий кассовости выбран за счет того, что он через количественный показатель отражает качественную заинтересованность аудитории в фильме. Чем больше людей посмотрели кинокомикс, тем более широко смогли разойтись заложенные в нем политические мотивы. В рамках данного исследования мы не ставим перед собой задачу изучить, насколько эти послы были считаны и усвоены аудиторией, однако предполагаем, что масштаб охвата коррелирует с политической эффективностью кинокомикса. Далее мы разделили фильмы из выборки на две описанные выше группы: те, где политические взгляды отражены в самом сюжете, и те, где сам кинокомикс является политическим манифестом. Некоторые фильмы попали в обе группы.

Политическое внутри кинокомикса: конструирование метафор

В фильме 2017 года *«Чудо-Женщина»*², основанного на комиксах DC, сюжет использует феминистскую и антивоенную повестку. Главная героиня – Диана (Принс), представительница амазонок, которая в годы Первой мировой войны помогает британскому летчику в поиске и уничтожении немецкой технологии производства химического оружия. Антагонист ленты, бог войны Арес, большую часть сюжета выступает под личиной британского штабного офицера, однако в дальнейшем выясняется, что именно он подсказал немцам, как создать химическое оружие. Посыл фильма в этой перспективе предполагает, что любая война – это итог негативного воздействия тайных манипулятивных сил, а в военном конфликте всегда виноваты обе стороны. Это дополняется вну-

¹ Domestic Box Office // Box Office Mojo by IMDbPro. URL: https://www.boxofficemojo.com/year/?ref_=bo_nb_hm_secondarytab (дата обращения: 14.06.2023).

² Wonder Woman // IMDB. URL: https://www.imdb.com/title/tt0451279/?ref_=fn_al_tt_1 (дата обращения: 15.06.2023).

тренним обоснованием изолированной жизни амазонок: в их системе ценностей мужчины постоянно развязывают войны, а потому жить в их обществе небезопасно. Фильм использует классический троп оригинального персонажа из комиксов, заостряя на нем внимание в связи с актуальностью феминизма как комплекса идеологических течений в XXI в. В сиквеле «**Чудо-Женщина 1984**» (2020)³ феминистский дискурс перестал быть столь явным, однако на первый план вышел политический комментарий в адрес финансовых элит и медиакорпораций. Антагонист Максвелл Лорд использует древний артефакт для достижения бессмертия и обретения абсолютной власти. В его поведении мы угадываем метафорическую критику поведения глобальных финансовых элит, под предлогом исполнения чужих желаний (именно это позволяет сделать артефакт) на самом деле лишь укрепляя зависимость людей от своих услуг. Развязку сюжета, по итогу которой Лорд отказывается от своих стремлений под влиянием эмоций своего сына-ребенка (в чем мы можем также угадать метафору общественного мнения), можно рассматривать как акт политического искупления. В данном случае фильм предлагает назидательный рассказ о том, как лучше распоряжаться большими ресурсами в антураже супергеройского противостояния.

Диалогия «**Мстители: Война бесконечности**» (2018)⁴ и «**Мстители: Финал**» (2019)⁵, завершающая важную фазу сюжетного развития кинематографической вселенной Marvel (MCU), предлагает картину противостояния, внутри которого четко угадывается креативное осмысление политических дискуссий, характерных для реального мира. Наибольший интерес вызывает фигура главного антагониста Таноса, согласно плану которого одна половина всех живых существ во вселенной должна быть уничтожена, чтобы другая «могла процветать». Данная концепция послужила основой для запуска дискуссий о мальтузианских политических стратегиях и их применимости в реальной жизни. Американский политиче-

ский сектор также обратился к фигуре Таноса как потенциальному социалисту, чьи «уравнительно-коллективистские» программы формировали аналогические модели мышления⁶. Необходимо отметить, что, помещая данную стратегию поведения в контекст негативного персонажа, создатели и сами дают негативную оценку таким политическим воззрениям. Протагонисты фильмов, с которыми себя должен ассоциировать зритель, ставят перед собой задачу всеми силами противостоять стремлению Таноса «ополовинить» вселенную. Герои по факту исповедуют гуманистический подход, подразумевающий максимальное внимание к жизни как самоценности, а потому ее защита от угроз определяется как непререкаемая максима. В своей диалогии авторы фильма предлагают четкое разделение добра и зла на основании отношения к свободе развития жизни.

Фильм «**Бэтмен**» (2022)⁷, предлагающий зрителю очередное переосмысление популярного супергероя в костюме летучей мыши, ставит в центр сюжета вопросы общественной безопасности и политической коррупции. Традиционный для историй о Бэтмене вымышленный город Готэм представлен как симбиоз городской власти чиновников и криминальных структур, фактически поделивших между собой зоны ответственности. Одновременно в диспозицию введен анонимный на первых порах преступник Загадочник, террорист, использующий в своих акциях различные головоломки. Противостояние ему и его подпольной организации, желающим разрушить относительной мирный образ жизни города, превращает Бэтмена в продолжение государственной правоохранительной системы «на общественных началах». Лента поднимает вопрос о том, откуда в целом берется терроризм и каковы предельные меры, которые могут быть применены в борьбе с ним. Подобные же идеи высказаны в

³ Wonder Woman 1984 // IMDB. URL: https://www.imdb.com/title/tt7126948/?ref_=fn_al_tt_3 (дата обращения: 15.06.2023).

⁴ Avengers: Infinity War // IMDB. URL: https://www.imdb.com/title/tt4154756/?ref_=nv_sr_srsrg_6_tt_8_nm_0_q_avengers (дата обращения: 15.06.2023).

⁵ Avengers: Endgame // IMDB. URL: https://www.imdb.com/title/tt4154796/?ref_=nv_sr_srsrg_0_tt_8_nm_0_q_endg (дата обращения: 15.06.2023).

⁶ Is the anti-God communist Thanos actually a capitalist? // Kothappet Updates. URL: <https://kothappetupdates.com/2018/05/03/is-the-anti-god-communist-thanos-actually-a-capitalist/> (дата обращения: 20.06.2023); “Avengers: Infinity War” And The Politics of Growth – Democratic Socialists of America // Democratic Socialists of America. URL: https://www.dsusa.org/democratic-left/infinity_war_and_the_politics_of_growth/ (дата обращения: 20.06.2023); In “Endgame”, Thanos Pivots from Malthusian to Revolutionary // FEE Stories. URL: <https://fee.org/articles/in-endgame-thanos-pivots-from-malthusian-to-revolutionary/> (дата обращения: 20.06.2023).

⁷ The Batman // IMDB. URL: https://www.imdb.com/title/tt1877830/?ref_=nv_sr_srsrg_1_tt_7_nm_0_q_the%2520ba (дата обращения: 15.06.2023).

фильме «Джокер» (2019)⁸, который использует предысторию одного из главных противников Бэтмена для комментирования общественной повестки. И «Бэтмен», и «Джокер» во главу угла ставят вину общества, которое отталкивает и травит отличающихся от среднего людей, что в итоге толкает их на путь преступности. В обеих лентах за фигурами Загадочника и Джокера следуют люди, которым близки причиненные обществом травмы персонажей. Сюжеты лент раскрывают проблему социальной стратификации и маргинализации через недостаток коллективной эмпатии. По мнению авторов, чем больше в обществе барьеров и стереотипов, тем более вероятно появление в таком обществе социопатов. Тема секьюритизации присутствует также в фильме «Доктор Стрэндж и мультивселенная безумия» (2022)⁹. К темам, указанным выше, добавляется также мотив чрезмерной настороженности, приводящий к конфликту между персонажами и оценивающийся негативно. Фигура Ванды Максимофф, пытающейся получить доступ к способам перемещения между мирами, представлена одновременно как антагонист и как жертва, что вновь открывает перед зрителем дискуссию о том, каковы «нормальные» предельные меры в поддержании безопасности общества и отдельных его членов.

Несколько более позитивные коннотации в описании общества присутствуют в лентах «Стражи галактики 2» (2017)¹⁰ и «Тор: Рагнарёк» (2017)¹¹. Оба фильма содержат в себе интенции, связанные с позитивной оценкой практик толерантности и инклюзивности. Как правило, чем более разнообразна команда героев, тем более успешными оказываются их действия. Развитие сюжета предполагает принятие героями своих отличий друг от друга и обретение в этом силы. В таких посылах мы можем обнаружить недвусмысленные параллели с идеями мультикультурализма, которые приобретают позитивную коннотацию как источник политической силы.

⁸ Joker // IMDB. URL: https://www.imdb.com/title/tt7286456/?ref_=nv_sr_srsrg_0_tt_8_nm_0_q_joker (дата обращения: 15.06.2023).

⁹ Doctor Strange in the Multiverse of Madness // IMDB. URL: https://www.imdb.com/title/tt9419884/?ref_=nv_sr_srsrg_1_tt_7_nm_0_q_multiver (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁰ Guardians of the Galaxy: Vol. 2 // IMDB. URL: https://www.imdb.com/title/tt3896198/?ref_=nv_sr_srsrg_6_tt_8_nm_0_q_guardians%2520 (дата обращения: 15.06.2023).

¹¹ Thor: Ragnarok // IMDB. URL: https://www.imdb.com/title/tt3501632/?ref_=nv_sr_srsrg_5_tt_4_nm_4_q_thor (дата обращения: 15.06.2023).

Рассматривая сюжеты кинокомиксов, формирующих собственные политические линии, мы увидим, что такие фильмы за очень редкими исключениями не используют прямые политические контексты. Представители власти, политики, военные, общественные деятели могут фигурировать в истории, как и сами герои, включаться в решение общественных проблем. Однако в большинстве случаев мы обнаружим упор на моральной стороне вопроса. Внутренние политические построения современного западного кинокомикса имеют легитимирующий характер, транслируя позитивные оценки идей борьбы за свободу на основании демократической законности и расширительной трактовки инклюзивности. При этом важным структурным элементом также будет поддержание достаточного, но не чрезмерного уровня безопасности для сохранения главенства указанных выше ценностных ориентиров.

Кинокомикс как политический манифест: внешние интенции

Довольно ярким видится и спектр картин, которые внутри себя либо содержат тривиальную политическую диспозицию, либо не формируют никаких политических аналогий. Тем не менее данные фильмы включены в массовую политическую коммуникацию с производственной точки зрения. Участие в картине актеров определенных половозрастных характеристик, этнического происхождения, а также отдельные производственные детали становятся фактором, сочетающим как коммерческие, так и политические интересы создателей продукта.

Например, фильм «Хищные птицы» (2020)¹² поднимает проблему феминизма, помещая в центр историю одноименной женской команды персонажей комиксов DC. Антагонистом выступает персонаж Черная Маска (Роман Сионис), криминальный авторитет. В фильме акцентируется внимание также и на том, что персонаж занимается дистрибуцией женских сексуальных услуг. Таким образом, противостояние ему предлагается не только как конкретный сюжет фильма, но и как внетекстовое высказывание авторов для зрителя, направленное на критику видимой ими дискриминации женщин. Стоит отметить, что этот фактор вы-

¹² Birds of Prey // IMDB. URL: https://www.imdb.com/title/tt7713068/?ref_=nv_sr_srsrg_0_tt_8_nm_0_q_birds%2520 (дата обращения: 15.06.2023).

звал в сети гораздо большие споры, нежели сам сюжет ленты. В данном случае мы видим, что символический месседж оказывается более мощным поводом, нежели сам предлагаемый сюжет. Подобные же мотивы проявляются в фильме «**Капитан Марвел**» (2019)¹³, однако упор сделан не столько на мужских привилегиях, сколько на силе женщин. В ходе промокампании по продвижению фильма исполнительница главной роли актриса Бри Ларсон довольно агрессивно продвигала идею фильма как феминистского высказывания, чем в том числе спровоцировала негативное отношение к себе со стороны фанатов MCU.

Еще одним примером внетекстовой политизации кинокомикса могут стать вопросы этнической инклюзивности. «**Шан-Чи и легенда десяти колец**» (2021)¹⁴ вводит в киновселенную Marvel персонажа азиатского происхождения и одновременно локализует сюжет в Китае. С одной стороны, здесь можно увидеть реализацию тренда на этническое разнообразие, равно как и понятный коммерческий эксперимент по привлечению китайской аудитории [7, с. 267–290]. Более ярко обозначенный тренд отмечен в фильме «**Черная Пантера: Ваканда навеки**» (2022)¹⁵. Создатели в интервью не раз говорили о том, что оформление ленты, от костюмов и до возможных аналогий, основано на логике деколонизации и проработке наследия рабского прошлого отдельных народов. Главные роли в фильме играют актеры африканского и афроамериканского происхождения, что также вписывается в характерную для США логику расширения присутствия чернокожего населения в публичной сфере.

Особняком стоит кинокомикс «**Дэдпул 2**» (2018)¹⁶, который во многом иронизирует над современными трендами в сфере политической корректности. Дэдпул выступает в роли классического трикстера, регулярно разрушающего четвертую стену. Создаваемый контекст от лица персонажа формирует дискурс «киноко-

микса здорового фаната»: в процессе герои регулярно шутят как над клише жанра, так и над общими трендами, указанными выше. В данном случае мы говорим о том, что внутри сети формируются свои диалоги и перехлесты тропов, обуславливающие конкуренцию за право интерпретировать «норму» кинокомикса.

Итак, мы видим, что кинокомикс как продукт на символическом уровне может быть элементом поля политической коммуникации. Политическое в таком случае обретает себя не в самом сюжете, но в его оформлении, деталях, а также через коллектив, работающий над производением. Массовый и популярный характер жанра позволяет охарактеризовать такие дискурсивные элементы рассчитанными на максимально широкую аудиторию и отражающими стремление авторов или заказчиков нормализовать отдельные элементы политического дискурса. Магистральными направлениями таких манифестов в западном кинокомиксе в обозначенный период становятся этническая толерантность, феминистская критика и преодоление колониального прошлого.

Проанализировав интенциональные аспекты отражения политических идей в современных западных кинокомиксах, мы предлагаем рассматривать их как инструмент, легитимирующий в общественном сознании продвигаемые в данном обществе политические тренды и идеи при помощи языка политических метафор. Данные метафоры могут быть реализованы как внутри сюжетной канвы произведения, так и при помощи производственных деталей в виде политического манифеста авторов и исполнителей ролей. Основные идеи, которые мы видим в современных наиболее кассовых западных кинокомиксах, включают в себя позитивную оценку идей свободы, расширительной толерантности и декларируемого антирасизма и антиколониализма. Особую сквозную роль занимает поддержка достаточного уровня общественной безопасности, необходимого для реализации указанных ценностей. В ряду наиболее кассовых фильмов исключением становится «Дэдпул 2», предлагающий ироническое восприятие обозначенных трендов.

Это позволяет нам сказать о том, что наиболее кассовые кинокомиксы с точки зрения политико-идейной нагруженности становятся инструментом легитимации текущего социального порядка. Метафоры используются как способ проведения параллелей с актуальной

¹³ Captain Marvel // IMDB. URL: https://www.imdb.com/title/tt4154664/?ref_=nv_sr_srsg_0_tt_8_nm_0_q_captai (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁴ Shang-Chi and the Legend of Ten Rings // IMDB. URL: https://www.imdb.com/title/tt9376612/?ref_=nv_sr_srsg_0_tt_8_nm_0_q_shang (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁵ Black Panther: Wakanda Forever // IMDB. URL: https://www.imdb.com/title/tt9114286/?ref_=nv_sr_srsg_3_tt_7_nm_1_q_black%2520panther (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁶ Deadpool 2 // IMDB. URL: https://www.imdb.com/title/tt5463162/?ref_=nv_sr_srsg_6_tt_7_nm_1_q_deadpool (дата обращения: 15.06.2023).

для западного (в первую очередь американского) общества ценностной системой. Герой – это персонаж, который способен защитить существующие ценности, не преобразуя систему в целом. Мотив конструктивного преобразования в целом отсутствует. Радикальные изменения и альтернативы представляются как угрозы, такие мотивы поведения свойственны антагонистам (например, тому же Таносу). Назидательные образы также нехарактерны для таких произведений. Персонажи скорее выступают референтными образами для аудитории, чем авторитетными фигурами. Эти ассоциативные ряды позволяют затрагивать как когнитивный аспект восприятия, так и аффективный. Яркие образы сочетаются со смысловыми линиями, воздействуя на человека комплексно. В данной конфигурации проявляется возможная роль кинокомикса как одного из элементов политического дискурсивного управления и инструмента конкуренции на рынке идей.

Отметим также, что в выборке оказались и те кинокомиксы, которые имеют сугубо рекреационный характер. Они не содержат ни явных политических аналогий, ни производственных манифестов. К ним относятся «Веном» (2018)¹⁷, «Новые мутанты» (2020)¹⁸, «Человек-Паук: нет пути домой» (2021)¹⁹, «Веном 2» (2021)²⁰, что составляет 22% выборки. Таким образом, мы можем говорить о преимущественном присутствии политических аналогий и высказываний в социальном поле кинокомиксов как артефактов популярной культуры.

¹⁷ Venom // IMDB. URL: https://www.imdb.com/title/tt1270797/?ref_=nv_sr_srsrg_0_tt_8_nm_0_q_venom (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁸ The New Mutants // IMDB. URL: https://www.imdb.com/title/tt4682266/?ref_=nv_sr_srsrg_0_tt_8_nm_0_q_new%2520mu (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁹ Spider-Man: No Way Home // IMDB. URL: https://www.imdb.com/title/tt10872600/?ref_=nv_sr_srsrg_0_tt_8_nm_0_q_no%2520way%2520h (дата обращения: 15.06.2023).

²⁰ Venom: Let There Be Carnage // IMDB. URL: https://www.imdb.com/title/tt7097896/?ref_=nv_sr_srsrg_3_tt_5_nm_3_q_venom%2520 (дата обращения: 15.06.2023).

Подводя итог, можно сказать, что современный кинокомикс ввиду своей массовости и ярких образов однозначно оформился как один из языков политической рефлексии. Репертуар его средств выразительности позволяет ему быть как платформой прямого высказывания, так и поводом для оформления внутреннего манифеста. Сформулированные нами выводы позволяют включить кинокомикс в систему политической коммуникации в качестве канала работы с общественным мнением и одновременно сферы креативного переосмысления политических процессов. Обнаруживается также и управленческий элемент – массовый кинокомикс становится дискурсивным артефактом, фиксирующим идею «правильности» той общечеловеческой системы (свобода, демократия, толерантность), которая характерна для большинства стран западного мира.

Список литературы

1. Макклауд С. Понимание комикса. М. : Белое яблоко, 2016. 216 с.
2. DiPaolo M. War, Politics and Superheroes. Ethics and Propaganda in Comics and Film. Jefferson, NC ; London : McFarland & Company, Inc. Publishers, 2011. 342 p.
3. Цыркун Н. Вселенная супергероев. Американский кинокомикс: история и мифология. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2020. 320 с.
4. Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа. Теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М. : Новое литературное обозрение, 2023. С. 53–122.
5. Макадам Д., Флигстин Н. Теория полей / пер. с англ. Е. Б. Головляницыной ; под науч. ред. В. В. Радаева. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 464 с. (Социальная теория).
6. Wandtke T. R. The Meaning of Superhero Comic Books. Jefferson, NC. ; London : McFarland & Company, Inc. Publishers, 2012. 270 p.
7. Фритуц Б. Битва за прокат. Как легендарные франшизы убивают оригинальность в Голливуде. М. : Бомбора, 2021. 336 с.

Поступила в редакцию 29.03.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 06.05.2024; опубликована 30.08.2024

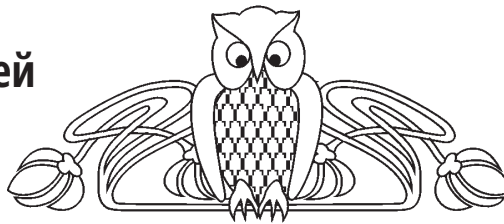
The article was submitted 29.03.2024; approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 06.05.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 343–351
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 343–351
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-343-351>, EDN: UZUGJV

Научная статья
УДК 353.2.327

Цифровизация международных связей российских регионов (на примере Республики Татарстан)

И. Р. Насыров

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Насыров Ильдар Рустамбекович, доктор политических наук, профессор кафедры регионоведения и цифровой гуманитаристики, Ildar.Nasyrov@tatar.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7117-3636>

Аннотация. Включаясь в сложные процессы мировой политики, субнациональные акторы сталкиваются с множеством вызовов, включая нарастающее влияние глобальной цифровизации на международные отношения. Совокупность вопросов, связанных с внедрением информационных технологий в практику парадипломатии и поиском адекватного ответа региональных органов власти на цифровую трансформацию международных отношений, составляет предмет настоящего исследования. Изучение кейса Республики Татарстан, системно использующей цифровые технологии в сфере международных связей, способствовало определению приоритетных направлений цифровизации парадипломатии. В исследовании использовались нормативно-правовые акты и документы государственного происхождения федерального и регионального уровня, материалы международных организаций. К приоритетным направлениям цифровизации парадипломатии были отнесены вопросы разработки и реализации управленческих решений на основе взаимодействия удаленных партнеров, а также информационное сопровождение международного сотрудничества. В работе рассмотрены основные виды используемых цифровых технологий, статус участников коммуникативного поля парадипломатии и форматы информационного взаимодействия. Обосновывается важность интеграции межведомственного электронного документооборота с информационными системами поддержки управленческих решений. Рассмотрены вопросы создания специализированных информационных сервисов для участников внешнеэкономической деятельности и культурно-гуманитарных связей. Опыт Республики Татарстан свидетельствует о необходимости нормативно-правового регулирования регионального уровня для обеспечения эффективного использования информационных технологий органами власти. К числу актуальных направлений цифровизации отнесены развитие форм обратной связи с участниками внешних связей и создание систем компьютерной обработки массивов данных для обоснования принимаемых решений.
Ключевые слова: международные связи регионов, парадипломатия, цифровизация, цифровая трансформация международных отношений

Для цитирования: Насыров И. Р. Цифровизация международных связей российских регионов (на примере Республики Татарстан) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 343–351. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-343-351>, EDN: UZUGJV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Digitalization of international relations of Russian regions (the case of the Republic of Tatarstan)

I. R. Nasyrov

Kazan (Volga region) Federal University, 18 Kremlyovskaya St., Kazan 420008, Russia
[Ildar R. Nasyrov, Ildar.Nasyrov@tatar.ru](mailto:Ildar.Nasyrov@tatar.ru), <https://orcid.org/0000-0001-7117-3636>

Abstract. Being involved in complex processes of global politics, subnational actors face a lot of challenges, including the growing impact of global digitalization of international relations. The subject of this study are issues of practical use of information technologies in paradiplomacy and adequate response by regional authorities to digital transformation of international relations. Studying the case of the Republic of Tatarstan which systematically applies digital technologies in the field of international relations contributed to identifying priority areas for digitalization of paradiplomacy. The study used regulations and state origin documents of federal and regional levels, and materials produced by international organizations. Basic trends of digitalization of paradiplomacy include issues of development and implementation of management decisions based on the interaction of remote partners together with information support for international cooperation. The work considers the variety of implementation of digital technologies, identifies status of communication members in paradiplomacy, and different forms of communication. The importance of integrating electronic document management with information systems to support decision making is substantiated. The issues of creating special purpose information services for participants in foreign economic activity, cultural and humanitarian relations

are considered. The experience of the Republic of Tatarstan testifies the need of legal regulation at the regional level to provide efficient use of information technologies by government authorities. Actual areas of digitalization include development of feedback forms with participants in external relations and creating computer systems of processing data sets to substantiate decision-making.

Keywords: international relations of regions, paradiplomacy, digitalization, digital transformation of international relations

For citation: Nasyrov I. R. Digitalization of international relations of Russian regions (the case of the Republic of Tatarstan). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 343–351 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-343-351>, EDN: UZUGJV

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Международные и внешнеэкономические связи субъектов Российской Федерации начали развиваться в процессе становления новой российской государственности. К 2020-м гг. многие субъекты Федерации успешно интегрировались в систему мировых хозяйственных связей, стали активными участниками международного культурно-гуманитарного сотрудничества [1]. Для трансграничных связей регионов субнационального уровня был введен термин «парадипломатия», который широко используется в настоящее время [2, с. 84].

В условиях кардинальной перестройки всей системы международных отношений [3] динамично изменяются форматы и направления парадипломатии российских регионов. В число новых вызовов мировой политической системы вошли проблемы неопределенности и углубления неравенства, связанные с фрагментацией мирового информационного пространства. Для снижения этой категории рисков по линии Организации Объединенных Наций предлагается внедрять глобальное управление цифровыми технологиями и данными [4, п. 69].

Процессы цифровой трансформации международных отношений [5, с. 177–178; 6, р. 471] проецируются и на их субнациональных участников. Для региональных правительств повышается значение эффективного использования современных информационно-коммуникационных технологий [7, с. 2022], ставших в свое время одним из драйверов развития парадипломатии [8, с. 87–88].

Перечень актуальных проблем международной деятельности субнациональных акторов, традиционно включавших вопросы их полномочий и статуса, эволюции взаимоотношений с федеральным центром, координации и поддержки международного сотрудничества регионов, дополняется необходимостью исследования феномена цифровой трансформации парадипломатии.

Совокупность вопросов, связанных с внедрением информационных технологий в практику парадипломатии и поиском адекватного ответа региональных органов власти на цифро-

вую трансформацию международных отношений, составляет предмет настоящего исследования.

Республика Татарстан входит в число наиболее экономически развитых субъектов Федерации, успешно интегрируется в международные кооперационные связи [9]. Неотъемлемым элементом плодотворного развития различных форм международного сотрудничества Республики Татарстан стало использование информационно-коммуникационных технологий. Изучение кейса Республики Татарстан способствует определению приоритетных направлений цифровизации парадипломатии российских регионов. Анализ подходов, использованных органами власти республики, позволил выделить наиболее успешные практики внедрения информационных технологий в сферу международных и внешнеэкономических связей субъектов Федерации.

В настоящем исследовании использовались нормативно-правовые акты и документы государственного происхождения федерального и регионального уровня, материалы международных организаций, а также Департамента внешних связей Главы (Раиса) Республики Татарстан в части разработки подходов к организации информационно-аналитического обеспечения международной деятельности регионального уровня.

Поддержка управленческой деятельности и взаимодействия с партнерами

Разработка, принятие и реализация управленческих решений относится к приоритетным сферам использования информационно-коммуникационных технологий в процессе международных и внешнеэкономических связей субъектов Федерации. Проработка управленческих решений в парадипломатии основана на взаимодействии с удаленными партнерами при реализации внешнеэкономических и культурно-гуманитарных проектов, организации визитов официальных и деловых делегаций, подготовке и проведении международных мероприятий.

При разработке и реализации управленческих решений в парадипломатии востребован широкий спектр технологий:

- инструменты, обеспечивающие сбор информации и асинхронную связь (веб-сайты, электронная почта, межведомственный электронный документооборот, обмен сообщениями в мессенджерах и др.), синхронные коммуникации (совещания и форумы в режиме видеоподключения или аудиоконференцсвязи, чаты в мессенджерах, совместное использование иных коммуникационных программ);

- организация облачных хранилищ данных (информационные компоненты электронного документооборота, ресурсы удаленного доступа);

- публичное обсуждение/краудсорсинг в ходе разработки общественно значимых решений;

- обеспечение обратной связи и мониторинга для оценки эффективности принятых решений и хода их реализации, своевременной коррекции осуществляемых программ и проектов;

- работа с массивами статистических и иных данных для обоснования принимаемых решений.

Российские регионы получили возможность развития международного сотрудничества в процессе становления современной российской государственности. Это совпало с началом широкого распространения цифровых коммуникационных сервисов. Высокая востребованность инновационных технологий взаимодействия для субнациональных участников внешних связей была обусловлена двумя факторами. Во-первых, к ним относится территориальная разобщенность партнеров. Во-вторых, формирование информационно-коммуникационного потенциала субнациональных акторов происходило в ходе фрагментации государственно ориентированных международных отношений. Цифровые технологии обеспечили субнациональным участникам внешних связей доступ к глобальным информационным ресурсам по проблематике международных и внешнеэкономических связей, практически безлимитную коммуникацию, предоставили инструменты эффективного сетевого взаимодействия.

Особенности применения цифровых технологий в парадипломатии рассмотрим на кейсе Республики Татарстан. Республика Татарстан включилась в процессы международной интеграции с начала 1990-х гг. [9, с. 8]. В течение нескольких лет сформировались принципы вза-

имодействия со структурами власти, обеспечивающими координацию и поддержку международного сотрудничества субнационального уровня, его зарубежными и российскими участниками. При этом основные подходы к развитию парадипломатии субъектов Российской Федерации, сложившиеся в этот период, остаются неизменными. Международные и внешнеэкономические связи российских регионов развиваются в русле единой внешней политики государства при их общей координации со стороны МИД России.

В Татарстане введены регламенты согласования с администрацией Главы (Раиса) РТ вопросов осуществления контактов с официальными лицами иностранных государств и проведения международных мероприятий [10], подготовки к подписанию соглашений в сфере международного сотрудничества [11].

Состав участников информационно-коммуникативного поля, сложившегося в процессе развития внешних связей субнационального уровня, можно классифицировать по следующим категориям:

- федеральные органы власти;
- органы власти и организации регионального уровня, участвующие в поддержке и координации парадипломатии;
- федеральные структуры, обеспечивающие поддержку внешних связей регионов (Россоотрудничество, АО «Российский экспортный центр» (РЭЦ), Агентство стратегических инициатив, финансовые и иные структуры);
- посольства и консульские учреждения зарубежных стран;
- заграничные учреждения МИД России, российские торгпредства за рубежом, российские центры науки и культуры («русские дома») Россоотрудничества, зарубежная сеть РЭЦ;
- представительства российских регионов за рубежом;
- органы власти зарубежных стран и регионов в их составе;
- российские и зарубежные участники проектов международного сотрудничества различного статуса;
- российские соотечественники за рубежом и объединяющие их организации.

Электронная почта и взаимодействие на базе корпоративных компьютерных сетей стали первыми инструментами цифровой коммуникации региональных участников международного сотрудничества.

Важным этапом цифровой перестройки управленческих процессов стало внедрение

электронного документооборота органов власти. В базовую архитектуру внутреннего контура электронного правительства Татарстана в связке с межведомственным электронным документооборотом (МЭДО) была изначально включена информационно-аналитическая система, содержащая комплекс баз данных по направлениям деятельности органов исполнительной власти [12, с. 8]. Этот подход существенно повысил эффективность работы органов власти, поскольку сформировалась база данных и база знаний для обеспечения управленческой деятельности, включая ресурсы по тематике международного сотрудничества.

Подключение к МЭДО представительств Республики Татарстан за рубежом, региональных структур поддержки внешнеэкономической и международной деятельности, ведущих товаропроизводителей способствовало организации оперативного межведомственного взаимодействия. Электронный документооборот также обеспечил возможности для сетевого взаимодействия удаленных команд, например, в ходе реализации «дорожных карт» сотрудничества или протоколов поручений по итогам переговоров группами ответственных исполнителей по направлениям работы.

В то же время ряд категорий участников коммуникационного взаимодействия в сфере внешних связей субъектов Федерации не интегрирован в общую систему электронного документооборота. Среди них – международные организации, органы власти иностранных государств, а также преобладающая часть российских и зарубежных участников экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества. Соответственно, сохраняется востребованность разнообразных форматов коммуникаций.

Например, «для обеспечения постоянного оперативного контроля деятельности представительств Республики Татарстан за рубежом и в субъектах Российской Федерации с 2012 г. введена практика еженедельных совещаний с ними в режиме видеоконференцсвязи» [13, с. 145]. В настоящее время на площадке Министерства промышленности и торговли Республики Татарстан проводятся еженедельные совещания в гибридном формате с участием руководителей представительств за пределами Республики, органов власти и ведомств по профилю обсуждаемых направлений сотрудничества (поддержка экспорта, привлечение инвестиций, работа с соотечественниками, сотрудничество в сфере культуры, образования и др.). Широкое внедрение аналогичного формата в практику

взаимодействия Исполкома Всемирного конгресса татар с татарскими общественными организациями за рубежом было осуществлено на фоне ограничений, связанных с пандемией COVID-19.

Основные сервисы обратной связи с органами власти на базе официального портала Республики Татарстан представлены сайтом государственных услуг (uslugi.tatarstan.ru), сервисами «Народный контроль» и общественного обсуждения проектов законов Республики Татарстан (open.tatarstan.ru/expertise), которые ориентированы преимущественно на внутренние проблемы регионального развития. Это свидетельствует о необходимости развития цифровых сервисов, предоставляющих более широкие возможности двусторонней коммуникации органов власти с участниками международного и межрегионального сотрудничества. Определенные возможности по данному направлению предоставляют официальные сайты органов и аккаунты в соцсетях.

Основные объемы статистики по внешнеэкономическому сотрудничеству, иные оцифрованные показатели реализации совместных проектов и развития отдельных направлений внешних связей, включая культурно-гуманитарную сферу, обрабатываются на уровне профильных органов власти и организаций, курирующих данную работу. В частности, первичная обработка внешнеторговой статистики осуществляется таможенными органами, показатели инвестиционной деятельности в Татарстане оценивает Агентство инвестиционного развития Республики. По гуманитарной линии, например, в работе с соотечественниками возникает необходимость оценки численности татарских диаспор за рубежом, круга их интересов, уровня вовлеченности в коммуникативное взаимодействие. Это направление курирует Исполком Всемирного конгресса татар во взаимодействии с академическим и экспертным сообществом.

Информационное сопровождение международного сотрудничества субъектов Федерации

Информационные технологии широко используются при продвижении информации о регионе, сопровождении приоритетных направлений международного сотрудничества [8, с. 92–94; 14, с. 157–158].

В контексте настоящего исследования формирование позитивного имиджа региона в

мире, его узнаваемости и деловой репутации будем интерпретировать как важный элемент поддержки внешних связей субнационального уровня. Заметим, что продвижение имиджа территории также трактуется как «мягкий инструмент» парадипломатии [15, р. 6].

Информационное сопровождение внешних связей субъектов Российской Федерации средствами цифровых технологий развивалось параллельно с аналогичными процессами в публичной дипломатии. Соответственно, цифровизация данной сферы прошла два основных технологических этапа – web 1.0 и web 2.0 (по терминологии Н. Кулла [16, р. 2–3]). Переход к полноценному взаимодействию с интернет-пользователями в формате кибердипломатии 2.0 связывают с массовой цифровизацией и взрывным ростом пользовательского интернет-контента к середине 2010-х гг. В этот же период происходит серьезная трансформация подходов региональных органов власти к формированию официальных ресурсов в сети Интернет. Проиллюстрируем это кейсом Республики Татарстан.

Первый официальный сайт Республики Татарстан (<https://1997-2011.tatarstan.ru/>) был создан для решения задач продвижения информации о регионе в сети Интернет, формирования позитивного образа Татарстана, содействия установлению деловых связей [17]. Сайт, имевший полномасштабную англоязычную версию, в основном поддерживался Департаментом внешних связей Главы (Раиса) Республики Татарстан. Вскоре и другие региональные органы власти, используя собственные ресурсы, начинают создавать официальные сайты по профилю своей деятельности. Сложившееся разнообразие официальных сайтов органов власти, отличающихся дизайном и информационной структурой, не способствовало их эффективному использованию, развитию и поддержке.

С 2005 г. в рамках проекта «Электронное Правительство Республики Татарстан» начал формироваться внешний контур этой комплексной системы, который в формате единого официального портала Республики Татарстан (tatarstan.ru) объединил официальные сайты региональных органов власти и подведомственных им организаций, субпорталы и электронные сервисы взаимодействия органов власти с населением и бизнесом. Преимуществом этого подхода стали унификация информационной структуры, инструментов поддержки сайтов и публикации веб-контента. Тиражирование стандартных решений существенно упростило внедрение современных технологий.

Одновременно для интернет-пользователей облегчались задачи поиска информации на совокупности официальных информационных ресурсов. В регламентирующих документах было сразу заложено требование поддержки сайтов в составе официального портала Татарстана не только на государственных для Республики русском и татарском языках, но и на английском языке [18].

Для стимулирования деятельности региональных органов власти по интеграции в глобальное информационное пространство было организовано проведение ежегодных конкурсов сайтов в составе официального портала Республики Татарстан. В настоящее время востребованность создаваемых ресурсов оценивается на основе статистики их посещаемости. Таким образом, на уровне региона не только предоставлялись универсальные и единообразные технологические и иные ресурсы для продвижения информации органов власти в сети Интернет, но и был организован мониторинг и контроль осуществляемой работы.

Учитывая, что официальный портал Татарстана объединяет множество официальных сайтов органов власти и подведомственных организаций, возникают сложности с обеспечением эффективного анализа публикуемой информации. К актуальным задачам развития интегрированного регионального официального портала можно отнести совершенствование механизмов поиска по информационному массиву, интегрирующему сотни сайтов. Представляется целесообразным предоставление пользователям инструментария расширенного поиска с использованием ключевых слов, тематических рубрик и других полей.

Работа по поддержке аккаунтов органов исполнительной власти Республики Татарстан в социальных сетях была начата задолго до принятия федерального закона, обязавшего государственные органы и муниципальные власти поддерживать официальные аккаунты в соцсетях [19]. В настоящее время для удобства интернет-пользователей ссылки на госпаблики в соцсетях размещаются на главных страницах официальных сайтов органов власти.

Для продвижения приоритетных направлений внешних связей в Татарстане создаются специализированные сайты. Например, это инвестиционный портал (invest.tatar.ru) и портал о промышленном потенциале РТ (madeintatarstan.ru), созданный для продвижения продукции

предприятий республики на внешних рынках. Особо следует отметить инвестиционный портал Республики Татарстан, имеющий современный, регулярно обновляемый дизайн, обширную и содержательную информационную структуру, предлагающий различные формы обратной связи для инвесторов, удобные справочники, в том числе по мерам поддержки бизнеса. В настоящее время создание инвестиционных порталов российскими субъектами Федерации осуществляется на основе регионального инвестиционного стандарта Минэкономразвития России [20].

Среди интернет-ресурсов, направленных на поддержку международного гуманитарного сотрудничества, необходимо выделить сайт Всемирного конгресса татар – международного союза, объединяющего татарские общественные организации в России и за рубежом (tatarcongress.org). Это полноценный портал, который предоставляет широкий спектр справочной и новостной информации на татарском, русском и английском языках по вопросам работы с соотечественниками, ссылки на соцсети и формы обратной связи, интегрирован с электронными татароязычными СМИ. Содержательная новостная лента структурирована по тематическим рубрикам и направлениям работы татарских организаций. Сайт Всемирного конгресса татар, отсчитывающий свою историю с 1998 г. [21, с. 38], имеет ключевое значение для информационного сопровождения работы с татарами, проживающими за пределами Республики.

В связи с тем, что в Интернете появилось разнообразие информационных ресурсов как на татарском, так и на русском языках, связанных с татарами и Татарстаном, это информационное пространство получило общее название Татнет. В 2014 г. был зарегистрирован домен первого уровня .tatar, который стал еще одним инструментом продвижения информационных ресурсов, ассоциируемых с Республикой Татарстан, развития идентичности татарского сообщества в мире (domain.tatar).

Электронные площадки домена .tatar используются, в частности, для взаимодействия с гражданами при реализации отдельных программ территориального развития, например программы комплексного благоустройства дворовых территорий Главы (Раиса) Татарстана (dvor.tatar) или программы развития общественных пространств (park.tatar). Представляется целесообразным распространить этот

опыт взаимодействия органов власти с гражданами на работу с соотечественниками, например, в процессе реализации программы добровольного переселения в Республику Татарстан соотечественников [22].

В Республике Татарстан накоплен успешный опыт использования разнообразия информационных поводов для продвижения информации о регионе. В республике проводится большое количество значимых мероприятий различной направленности, многие из которых сопровождаются целенаправленными информационными кампаниями в сети, что способствует формированию позитивного имиджа региона и его узнаваемости в мире. Среди них – летняя Универсиада 2013 г., чемпионат мира по водным видам спорта 2015 г., чемпионат мира 2019 г. по профессиональному мастерству по стандартам WorldSkills, работа Группы стратегического видения «Россия – Исламский мир», возглавляемая Главой (Раисом) Республики Татарстан Р. Н. Миннихановым, мероприятия, приуроченные к празднованию 1100-летия принятия ислама Волжской Булгарией в 2022 г. и многие другие.

Проиллюстрируем масштабность подобных информационных кампаний на примере программы празднования 100-летия образования Татарской АССР, проводившегося в 2020 г. на фоне пандемии COVID-19. Среди крупных интернет-проектов, реализованных при поддержке республики, – создание содержательного сайта к празднованию данного события (100tatarstan.100tatarstan.ru). Кроме того, в год 100-летия образования Татарской АССР была запущена цифровая платформа «100% Татарстан», которая позиционируется сейчас как цифровой банк коллективных знаний региона (100tatarstan.com). На этой площадке ежегодно проводятся масштабные онлайн-мероприятия, объединяющие граждан, представителей бизнеса, органов власти и экспертного сообщества, общественных деятелей.

Также с осени 2020 г. в гибридном формате начал ежегодно проводиться форум Kazan Digital Week (Казанская цифровая неделя), объединяющий разработчиков и пользователей цифровых технологий по направлениям государственного управления и территориального развития (kazandigitalweek.com). В 2023 г. в ходе Казанской цифровой недели было проведено 66 секций, более 40 круглых столов и мастер-классов, в которых было зарегистрировано более 23,5 тыс. участников.

Вопросы правового регулирования цифровизации парадипломатии

Базовые принципы осуществления внешних связей российских регионов определены федеральным законодательством [23]. Задачи развития цифрового государственного управления, формирования правового поля для реализации проектов цифровизации централизованно решаются в ходе выполнения национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [24].

Развивая международное сотрудничество в пределах своих компетенций, субъекты Федерации осуществляют соответствующее нормативное правовое регулирование. Как было отмечено выше, в Республике Татарстан детально регламентируются вопросы создания и функционирования региональных информационных систем, используемых для координации и поддержки внешних связей. Для этого широко используются нормативные правовые акты главы и правительства субъекта РФ.

В Татарстане также принят закон [25], закрепивший принцип централизованного создания общей унифицированной информационно-технологической инфраструктуры органов государственной власти на базе типовых решений. Значимость внешних связей для республики подчеркнута включением в число приоритетных направлений политики информатизации вопросов повышения инвестиционной привлекательности высокотехнологичных отраслей экономики и наращивания объемов иностранных инвестиций. Отдельным пунктом оговорены вопросы информационной безопасности. Для обеспечения скоординированной реализации поставленных задач создан республиканский совет по информатизации во главе с премьер-министром Татарстана.

К числу приоритетных направлений государственной политики региона в сфере информатизации отнесено обеспечение оценки эффективности использования цифровых технологий, экономического и социального эффекта их внедрения в деятельность органов власти. Для этого используется набор показателей результативности программы «Цифровой Татарстан», которые, в частности, оценивают степень интеграции в международное информационное пространство [26].

Нормативно-правовое регулирование федерального и регионального уровня обеспечивает организацию системной работы по эффективному использованию информационных техно-

логий субъектами Федерации в сфере международного сотрудничества, непосредственно затрагивающей национальные интересы государства.

Подводя итоги, отметим, что международные и внешнеэкономические связи российских регионов развиваются в русле единой внешней политики государства при координации со стороны МИД России. Разработка региональных программ цифровой трансформации, охватывающих в том числе и парадипломатию, должна учитывать современные тенденции развития международного сотрудничества, фактор глобальной цифровизации и территориальную специфику. В число основных направлений цифровизации парадипломатии субъектов Российской Федерации входят разработка и реализация управленческих решений на основе взаимодействия удаленных партнеров, а также информационное сопровождение международного сотрудничества субъектов РФ.

Практика цифровизации управленческих процессов Республики Татарстан подтверждает необходимость ее регулирования на региональном уровне. Детальная регламентация работы в сочетании с внедрением системы показателей результативности способствует решению поставленных задач. Тиражирование типовых решений для создания и поддержки информационных систем, используемых региональными органами власти, позволяет оперативно формировать адекватный ответ на вызовы, возникающие в глобальном информационном пространстве. Одновременно решается задача снижения бюджетных расходов.

Широкий спектр участников взаимодействия в сфере внешних связей субъектов Федерации определяет востребованность разнообразных форматов цифровых коммуникаций в парадипломатии. Среди них особое место занимают системы межведомственного электронного документооборота, интегрированные с информационно-аналитическими ресурсами для органов власти. Подключение к МЭДО зарубежных представительств субъектов РФ, крупных предприятий и организаций, задействованных в развитии международных связей, существенно повышает оперативность и качество управленческой деятельности, способствует организации работы удаленных команд.

Онлайн- и гибридный формат как отдельных мероприятий, так и регулярного проведения рабочих совещаний стал незаменимым для взаимодействия территориально разобщенных участников международных связей.

Информационное сопровождение международного сотрудничества регионов осуществляется с учетом специфики парадипломатии и ограниченной компетенции субнациональных акторов. Формирование имиджа территории является составляющей региональной информационной политики и стало важным инструментом содействия международной деятельности.

К востребованным видам информационной поддержки парадипломатии относятся специализированные информационные сервисы содействия внешнеэкономической деятельности и культурно-гуманитарным связям, расширения взаимоотношений с партнерами различного статуса. Моделью координации подобной работы в общенациональных масштабах может послужить создание инвестиционных порталов субъектов Федерации на базе единого регионального инвестиционного стандарта Минэкономразвития России.

Регистрацию субъектами РФ доменов первого уровня можно рассматривать как дополнительный аспект цифровизации, больше ориентированный на формирование региональной идентичности.

Среди актуальных направлений внедрения цифровых технологий в парадипломатию – развитие форм обратной связи и контроля, расширение возможностей применения компьютерной обработки массивов данных для обоснования принимаемых решений, ориентация на использование отечественных программно-технологических решений.

Современные цифровые технологии обеспечивают эффективность и скоординированность международного сотрудничества субъектов Российской Федерации, способствуют открытости региональных органов власти, восприимчивости к изменениям, которые стали характерной чертой современных международных отношений и парадипломатии.

Список литературы

1. *Комлева В. В.* Международное сотрудничество регионов России: институциональные основы и характерные модели // *Россия: общество, политика, история.* 2022. № 1 (1). С. 10–34. EDN: JGKLGВ
2. *Еремينا Н. В.* Международная деятельность Шотландии: взгляд шотландских националистов // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения.* 2023. Т. 16, № 1. С. 83–97. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.105>
3. *Винокуров В. И.* От однополярного к многополярному миру: теоретическое обоснование неизбежности трансформации мирового порядка // *Дипломатическая служба.* 2023. № 1. С. 43–52. <https://doi.org/10.33920/vne-01-2301-04>
4. Восстановление после COVID-19 в условиях растущей цифровизации экономики: последствия для устойчивого развития // *Записка секретариата ЮНКТАД.* URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdb_ede5d2_ru.pdf (дата обращения: 20.02.2024).
5. *Цветкова Н. А., Сытник А. Н., Гришанина Т. А.* Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения.* 2022. Т. 15, № 2. С. 174–196. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.204>
6. *Bjola C., Manor I.* The rise of hybrid diplomacy: from digital adaptation to digital adoption // *International Affairs.* 2022. Vol. 98, № 2. P. 471–491. <https://doi.org/10.1093/ia/iia005>
7. *Холодов В. А., Рудаков В. Р.* Цифровая парадипломатия Российской Федерации: понятие и акторы на примере Свердловской области // *Вопросы политологии.* 2019. Т. 9, вып. 9 (49). С. 2020–2026.
8. *Насыров И. Р.* Информационно-аналитическая работа в структуре международной деятельности регионов // *Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки.* 2007. Т. 149, кн. 3. С. 85–99.
9. *Международные и внешнеэкономические связи регионов России: опыт Республики Татарстан / редкол. : И. Р. Гафуров, Р. Р. Гиматдинова (отв. ред.) [и др.].* Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2017. 472 с.
10. О мерах по совершенствованию деятельности республиканских органов исполнительной власти при установлении и развитии международных и внешнеэкономических связей : указ Президента Республики Татарстан от 28.06.2013 № УП-581. URL: <https://docs.cntd.ru/document/463303445> (дата обращения: 20.02.2024).
11. О порядке подготовки проектов договоров, соглашений и иных актов, подписываемых от имени Республики Татарстан или Правительства Республики Татарстан : указ Президента Республики Татарстан от 05.09.2008 № УП-445. URL: <https://docs.cntd.ru/document/917030190> (дата обращения: 20.02.2024).
12. *Юртаев А. Н.* Создание «Электронного правительства» на региональном уровне как комплексная управленческая инновация // *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество).* 2009. № 3. С. 3–16. EDN: KXOOUN
13. *Гиматдинов Р. Р., Насыров И. Р.* Институт зарубежных представительств Республики Татарстан // *Международная жизнь.* 2015. № 3. С. 136–149. EDN: UNDQRF
14. *Лашова С. Н., Ключко К. А.* Основные каналы формирования имиджа региона в Интернете // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2015. Т. 7, № 6, ч. 1. С. 157–159. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-157-159>

15. Karim M. F., Mursitama T. N., Riyadi S. F., Affandi R. A., Muzdalifa F. Informality, Paradiplomacy, and Cross-Border Cooperation: The Development of Tourism on Bintan Island, Indonesia // *Asian Studies Review*. 2023. Vol. 48, iss. 2. P. 1–19. <https://doi.org/10.1080/10357823.2023.2259080>
16. Cull N. J. WikiLeaks, public diplomacy 2.0 and the state of digital public diplomacy // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2011. № 7. P. 1–8. <https://doi.org/10.1057/pb.2011.2>
17. Об официальном сервере Республики Татарстан в сети Интернет : указ Президента Республики Татарстан от 26.02.2003 № УП-165. URL: <https://docs.cntd.ru/document/917011194> (дата обращения: 20.02.2024).
18. О государственной информационной системе Республики Татарстан «Официальный портал Республики Татарстан» : указ Президента Республики Татарстан от 27.05.2011 № УП-295. URL: <https://docs.cntd.ru/document/917044320> (дата обращения: 20.02.2024).
19. О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» : федер. закон от 14.07.2022 № 270-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/351175807> (дата обращения: 20.02.2024).
20. О системе поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации («Региональный инвестиционный стандарт») : приказ Минэкономразвития РФ от 30.09.2021 № 591. URL: <https://docs.cntd.ru/document/608913625> (дата обращения: 20.02.2024).
21. Абзалов А. Р., Тумбинская М. В, Трегубов В. М. О применении информационных технологий в обучении национальным языкам народов России на примере татарского языка // *Информатизация образования и науки*. 2020. № 4 (48). С. 37–46. EDN: SJHWFM
22. Об утверждении государственной программы Республики Татарстан «Оказание содействия добровольному переселению в Республику Татарстан соотечественников, проживающих за рубежом, на 2019–2025 годы» : постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 26.04.2019 № 344. URL: <https://docs.cntd.ru/document/553253245> (дата обращения: 20.02.2024).
23. О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации : федер. закон от 04.01.1999 № 4-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901723799> (дата обращения: 20.02.2024).
24. Цифровая экономика РФ // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 20.02.2024).
25. Об информационных системах и информатизации Республики Татарстан : закон Республики Татарстан от 13.11.2007 № 58-ЗРТ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/917026509> (дата обращения: 20.02.2024).
26. Об утверждении государственной программы Республики Татарстан «Цифровой Татарстан» : постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 18.10.2021 № 980. URL: <https://docs.cntd.ru/document/577916303> (дата обращения: 20.02.2024).

Поступила в редакцию 29.03.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024;
принята к публикации 06.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 29.03.2024; approved after reviewing 26.04.2024;
accepted for publication 06.05.2024; published 30.08.2024

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 352–357

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 352–357

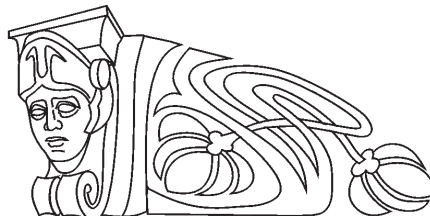
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-352-357>, EDN: VNTUWC

Научная статья

УДК 323

Особенности политики по развитию государственного контроля за фармацевтическим производством в современной России

И. А. Миловацкий

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Миловацкий Иван Александрович, аспирант кафедры политических наук, Ivanmilovatskii@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-4638-9028>

Аннотация. В статье рассматривается политика развития государственного контроля за фармацевтическим производством в Российской Федерации на современном этапе. Исследуются понятия контрольной и надзорной деятельности и определяется как тождественные, исходя из поставленных данными понятиями целей и методов их достижения. Обозначаются принципы, лежащие в основе контрольно-надзорной деятельности, которые разделяются на общие и специальные по признаку принадлежности к одной или нескольким отраслям. Осуществляется декомпозиция совокупности правовых актов, регулирующих отрасль деятельности, до отдельного нормативного требования, которое определяется как измеряемая единица соответствия правовым нормам. Рассматриваются основные угрозы, существующие на данном этапе в фармацевтической отрасли, а также механизмы, направленные на противодействие данным угрозам. Исследуются опыт и проблемы внедрения в России контрольно-учетной маркировки лекарственных средств в период пандемии COVID-19. Анализируется опыт ежегодной операции Rängea XIV, проводимой совместно органами здравоохранения и правоохранительными органами ряда стран и направленной на борьбу с производством и оборотом фальсифицированных лекарственных средств и медицинских изделий во всем мире, а также проводится обзор правоприменения по статьям, связанным с правонарушениями в сфере производства и реализации фармацевтических средств. По итогам отмечается рост числа правонарушений в фармацевтической отрасли, а также усиление роли информационных технологий в производстве и реализации контрафактной фармацевтической продукции. В заключение перечислены ключевые направления совершенствования контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации на современном этапе. Основным средством развития контрольно-надзорной деятельности определяется цифровизация отрасли, главными инструментами которой являются развитие соответствующих реестров нормативных требований и контрольно-учетной маркировки лекарственных средств.

Ключевые слова: контроль, надзор, фармацевтическая деятельность, нормативные требования, реестры требований, маркировка лекарственных средств

Для цитирования: Миловацкий И. А. Особенности политики по развитию государственного контроля за фармацевтическим производством в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 352–357. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-352-357>, EDN: VNTUWC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Features of the policy for the development of state control over pharmaceutical production in modern Russia

I. A. Milovatskiy

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ivan A. Milovatskiy, Ivanmilovatskii@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-4638-9028>

Abstract. The article reveals the policy of development of state control over pharmaceutical production in the Russian Federation at the present stage. The author reveals the concept of control and supervisory activities and defines them as identical based on the goals set for these concepts and methods for achieving them. The principles underlying control and supervisory activities are identified, which are divided into general and

special based on belonging to one or more industries. Decomposition of the totality of legal acts regulating the industry of activity is carried out to a separate regulatory requirement, which is defined as a measured unit of compliance with legal norms. The main threats existing at this stage in the pharmaceutical industry, as well as mechanisms aimed at countering these threats, are considered. The experience and problems of introducing control and accounting labeling of medicines in Russia during the COVID-19 pandemic are considered. The author analyzes experience of the annual operation Pangea XIV, carried out jointly by health authorities and law enforcement agencies of several countries and aimed at combating the production and trafficking of counterfeit medicines and medical devices around the world, and also reviews law enforcement under articles related to offenses in the field of production and sales of pharmaceuticals. As a result, there is an increase in the number of offenses in the pharmaceutical industry, and there is an increasing role of information technology in the production and sale of counterfeit pharmaceutical products. At the end of the article, a conclusion is formulated, which lists the main directions for improving control and supervisory activities in the Russian Federation at the present stage. The main means of developing control and supervisory activities is the digitalization of the industry, the main tools of which are development of relevant registers of regulatory requirements and control and accounting labeling of medicines.

Keywords: control, supervision, pharmaceutical activities, regulatory requirements, registers of requirements, labeling of medicines

For citation: Milovatskiy I. A. Features of the policy for the development of state control over pharmaceutical production in modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 352–357 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-352-357>, EDN: VNTUWC

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Российская Федерация, как и любое другое современное государство, направляет свою деятельность в первую очередь на повышение уровня жизни, благосостояния и безопасности своих граждан. Для этого оно имеет определенную систему государственного контроля, затрагивающую значительную часть сфер жизнедеятельности общества. Государственный контроль имеет различные формы и методы в зависимости от контролируемой области деятельности. Все виды и формы государственного контроля основываются на правовых нормах, которые в том числе определяют деятельность уполномоченных органов, осуществляющих государственный контроль. Во многообразии понятий государственного контроля встречаются его определения и как государственной функции, и как части управленческого процесса, а также как процедуры, проводимой контролирующим органом. Одним из наиболее важных с точки зрения охраны здоровья граждан Российской Федерации видов государственного контроля является госконтроль за фармацевтической деятельностью [1].

В первую очередь, чтобы избежать двойственности в понятиях, необходимо определить значения таких понятий, как «контроль» и «надзор» в рамках описания контрольно-надзорной деятельности за фармацевтическим производством. В рамках данной работы можно согласиться с предложенной А. Б. Яблонской дифференциацией понятий «контроль» и «надзор», в которой функция контроля представлена в виде соотношения контролирующими органами деятельности подконтрольных органов с заданными целями, параметрами и действующими правовыми нормами, а функ-

ция надзора заключается в обеспечении законности и правопорядка путем выявления, предупреждения и устранения нарушений закона [2]. Данная дифференциация находит свое отражение в сформировавшейся практике контрольных органов в сфере фармацевтической деятельности. Эти органы, с одной стороны, осуществляют контроль за соблюдением законодательства «легальными» субъектами фармацевтической деятельности, с другой стороны, выполняют надзор в области незаконного производства, хранения, сбыта «нелегально» ввезенных, произведенных или распространяемых лекарственных средств. Иными словами, одна часть деятельности контролирующих органов направлена на контроль за определенными субъектами, участвующими в фармацевтической деятельности, другая часть – на надзор за сферой обращения лекарственных средств. При этом задачами как государственного контроля, так и надзора являются предупреждение, выявление, пресечение нарушений требований законодательства Российской Федерации в сфере обращения лекарственных средств при осуществлении деятельности субъектов обращения лекарственных средств [3]. Для решения данных задач используются методы, направленные в первую очередь на совершенствование и контрольной, и надзорной деятельности, а также на приведение их в соответствие с принципами, лежащими в их основе. Таким образом, понятия «контроль» и «надзор» с точки зрения решения задач определяемых ими видов деятельности могут использоваться как равнозначные для описания деятельности контрольно-надзорных органов.

Государственный контроль за фармацевтическим производством, как и любой другой вид государственного контроля, основывается на принципах, которые принято классифицировать на общие и специальные. В российском правовом поле данные принципы зачастую классифицируются по критерию универсальности, который позволяет относить к специальным принципам только те из них, которые принадлежат исключительно контрольной деятельности уполномоченных органов, при этом общие принципы могут иметь отношение и к иной деятельности [4].

С точки зрения описания современного положения государственного контроля за фармацевтическим производством наиболее важным является принцип законности, поскольку его отсутствие делает невозможным применение других принципов контроля – прозрачности, единообразия контроля и др. [5]. Принцип законности оказывает влияние как на контролирующий орган, так и на субъект контроля. Он выражается в строгом и неуклонном выполнении всеми субъектами действующих на территории Российской Федерации правовых предписаний. Под правовыми предписаниями понимаются нормативные правовые документы.

На официальном сайте Росздравнадзора, который является основным контролирующим органом за фармацевтической деятельностью, включающей в себя фармацевтическое производство, содержится перечень документов, обязательных к исполнению субъектами фармацевтической деятельности. Всего документов, содержащихся в этом перечне, 430, и каждый из них содержит в себе правовые нормы, в которых, в свою очередь, указываются и нормативные требования к производству, хранению, транспортировке и другим аспектам фармацевтической деятельности.

Таким образом, соблюдение субъектом фармацевтической деятельности требований правовых документов можно представить как атомарный объект, рассматриваемый посредством контрольной деятельности в данной сфере. Учитывая тот факт, что фармацевтическое производство должно соответствовать не только нормативно-правовым, но и нормативно-техническим требованиям, общее количество требований, которые должен соблюсти субъект фармацевтической деятельности, чрезвычайно велико. На данный момент одним из приори-

тетных направлений развития отрасли информационных технологий является выделение требований из электронных копий нормативно-правовых и нормативно-технических документов в существующие автоматизированные бизнес-процессы [6].

Выделение требований из различных нормативных документов, регулирующих отрасль, в определенный реестр и организация работы с отдельными требованиями упрощают механизм как самого производства, так и контроля за производством. Подобные реестры являются основой для создания единой структуры управления производством, в которой весь процесс производства от принятия решения до реализации продукта имеет максимальную прозрачность и недоступные ранее возможности для организации деятельности. Для контрольной деятельности данная технология также может стать перспективным инструментом. Это связано с тем, что нормативные требования являются той самой единицей, контроль исполнения которой при должной технической инфраструктуре может осуществляться дистанционно в огромных масштабах, значительно сокращая необходимость имеющихся способов контроля соответствия требованиям нормативно-правовых и нормативно-технических документов. На сегодняшний день реестр обязательных нормативных требований действует в качестве интернет-сайта, позволяющего выделять требования из нормативных документов различных отраслей деятельности [7].

Учитывая тот факт, что в современной экономике любая крупная отрасль промышленности подпадает под контроль множества контрольно-надзорных органов одновременно, развитие реестра, позволяющего выделять требования из нормативных актов различных сфер, является более перспективным инструментом для развития производства, по сравнению с отдельным реестром определенной отрасли. С точки зрения контролирующих органов это создает предпосылки для создания как межведомственного ресурса, с помощью которого каждое ведомство осуществляет контроль за применением требований из реестра в отношении подведомственной отрасли деятельности, расширяя область контроля до области каждой отдельной отрасли, так и единого органа, осуществляющего контроль за соблюдением требований из различных отраслей.

Как было отмечено, основной целью государственного надзора за фармацевтической деятельностью является противодействие незаконному обороту лекарственных средств. При этом данная проблема также рассматривается другими правовыми дисциплинами [8, 9]. Одной из причин подобного внимания может выступать усиление угрозы от незаконного оборота лекарственных средств. О росте данной угрозы также свидетельствуют последствия пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, которая в том числе обострила необходимость эффективной системы защиты от оборота некачественных и незарегистрированных лекарственных средств [10].

Российская Федерация учувствует в ежегодной международной операции Pangea (Пангея) XIV, направленной на борьбу с производством и оборотом фальсифицированных лекарственных средств и медицинских изделий во всем мире. Операция проводится совместно органами здравоохранения, таможенными органами и органами полиции. По итогам проведения данной операции выяснилось, что с усилением спроса на препараты и средства защиты резко вырос и уровень производства поддельных и некачественных лекарственных средств [11]. По данным МВД, в Российской Федерации было выявлено 842 нарушения, из незаконного оборота изъяты медикаменты на 300 млн руб., возбуждено 124 уголовных дела. Для сравнения, в «доковидном» 2018 г. в рамках аналогичной операции было выявлено и изъято потенциально опасных лекарственных препаратов и изделий на сумму свыше 39 млн руб. Важной особенностью является тот факт, что большая часть правонарушений связана с реализацией не соответствующих нормам государственного контроля лекарственных средств через интернет. Так, в 2023 г. было выявлено более пяти тысяч интернет-ресурсов, содержащих запрещенную информацию, наиболее частые нарушения – реализация незарегистрированных лекарственных средств, отсутствие лицензий на медицинскую и фармацевтическую деятельность, оказание медицинских и косметологических услуг с применением недоброкачественных медикаментозных средств [12].

Реализация потенциально опасных лекарственных средств посредством онлайн-продаж закономерно снижает эффективность используемых ранее мер государственного контроля за фармацевтической деятельностью и требует

разработки и применения новых форм контроля и надзора в данной сфере [13]. Для решения данной проблемы ст. 238.1 УК РФ была дополнена новой ч. 11, согласно которой за производство, сбыт или ввоз на территорию РФ фальсифицированных лекарственных средств, либо сбыт или ввоз на территорию РФ недоброкачественных лекарственных средств, либо незаконное производство, сбыт или ввоз на территорию РФ в целях сбыта незарегистрированных лекарственных средств, совершенные в крупном размере, с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, в 2020 г. была повышена ответственность вплоть до лишения свободы на срок от 4 до 6 лет со штрафом в размере от 700 тыс. до 2,5 млн руб., или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 1 года до 2 лет, или без такового и с лишением права занимать определенные должности, или заниматься определенной деятельностью на срок до 4 лет [14].

При этом анализ правоприменения по статьям, связанным с незаконным оборотом лекарственных средств, показывает, что по ст. 237 и 238 УК РФ обвинительные приговоры выносятся крайне редко. Согласно статистике Судебного департамента ВС РФ, за период 2018–2019 гг. по данным статьям УК РФ при нарушениях, которые были связаны с отсутствием у медицинской организации лицензии на осуществление определенного вида медицинской деятельности, отсутствием разрешения на оказание конкретной медицинской услуги или применением медицинскими работниками незарегистрированных лекарственных средств, были осуждены 86 чел., при этом количество осужденных в 2019 г. снизилось по сравнению с 2018 г. [15]. На фоне ежегодного роста объемов поддельных и некачественных лекарственных средств данное обстоятельство позволяет говорить о том, что одно лишь усиление строгости наказания не является достаточной мерой противодействия этой угрозе.

Одним из эффективных решений в области государственного контроля в фармацевтической деятельности, направленным на противодействие распространению некачественных и опасных лекарственных средств, было использование обязательной контрольно-учетной маркировки лекарственных средств. Однако, несмотря на то что ее эксперимен-

тальное использование было начато в 2017 г., при введении обязательной маркировки 1 июля 2020 г., в разгар колоссального спроса на лекарственные препараты, связанного с пандемией COVID-19, возникла угроза дефицита лекарственных средств. О возникновении данной угрозы сообщил Центр развития перспективных технологий (ЦРПТ), который является оператором системы мониторинга движения лекарственных препаратов (МДЛП). Несмотря на то что маркированная продукция составляла всего 15%, система была переведена на уведомительный порядок. Тем не менее маркировка лекарственных средств остается важным и перспективным инструментом государственного контроля за фармацевтической деятельностью. На данный момент этот инструмент нуждается как в совершенствовании технической реализации, так и в доработке теоретических основ, определяющих практику его применения [16].

Таким образом, в нормативно-правовом смысле развитие контрольно-надзорных органов заключается в увеличении соответствия этой деятельности по отношению к лежащим в ее основе принципам.

Правовая политика контрольно-надзорной деятельности в фармацевтической области нуждается в усовершенствовании, дабы противостоять вызовам, возникающим в данной сфере с развитием современных технологий. Опыт международной операции Rangea и данные МВД показывают, что на современном этапе в Российской Федерации одной из самой большой угроз в фармацевтической сфере является рост некачественной фармацевтической продукции, как ввезенной, так и произведенной на территории РФ. При этом нарушения в отрасли все чаще связаны с развитием информационных технологий и использованием сферы интернет-услуг. Повышение данной угрозы создает необходимость развития политики контрольно-надзорной деятельности в фармацевтической отрасли, в том числе с привлечением современных методов контроля производства и учета продукции. Совершенствование механизмов контрольно-надзорной деятельности осуществляется посредством как цифровизации самого производства, так и контроля за фармацевтическим производством. Одними из наиболее перспективных направлений цифровизации контрольно-надзорной деятельности, являются:

– развитие реестров нормативных требований, которые создают предпосылки к формированию эффективной системы дистанционного контроля за всеми этапами существования лекарственных средств, от производства до реализации;

– развитие инструмента контрольно-учетной маркировки лекарственных средств, позволяющего значительно ограничить возможность реализации контрафактных лекарственных средств на российском рынке.

Развитие и использование данных инструментов позволит не только достигнуть целей в области повышения безопасности здоровья граждан, но также способствовать улучшению экономических показателей отрасли и содействовать переходу фармацевтического производства на более высокий технологический уровень.

Список литературы

1. Тарасов А. М. Государственный контроль в России. М. : Континент, 2008. 672 с.
2. Яблонская А. Б. Контрольно-надзорная функция государственной власти в Российской Федерации (теоретико-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 175 с.
3. Чекашкин Г. Ф. Правовая основа контрольно-надзорной деятельности полиции на современном этапе // Проблемы правоохранительной деятельности. 2019. № 3. С. 6–13.
4. Курбанов Р. А., Спектор А. А. Принципы государственного контроля в сфере предпринимательства // Пробелы в российском законодательстве. 2021. № 6. С. 59–62. EDN: ONNDBF
5. Виды государственного контроля в Российской Федерации / авт.-сост. А. А. Спиридонов. М. : Изд-е Государственной Думы (электронное), 2013. 96 с.
6. Миронов А. Н., Миронова Ю. П. Обязательные требования при осуществлении государственного контроля (надзора) // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 4 (61). С. 69–73. EDN: SFXLIS
7. Реестр обязательных требований : [сайт]. URL: <https://ot.gov.ru/> (дата обращения: 12.03.2024).
8. Алехин А. В. Пост-релиз по итогам конференции «Локализация производства в фармацевтической отрасли» // Ведомости. Практика. URL: https://praktika.vedomosti.ru/events/LocalPharma17/pages/postreliz_pharma (дата обращения: 15.03.2024).
9. Мохов А. А. Лекарственные средства как объекты гражданских прав // Юрист. 2004. № 4. С. 53–57. EDN: OISZIV
10. Егоров А. В. Противодействие незаконному обороту лекарственных средств в России в условиях

- пандемии COVID-19: ключевые проблемы и пути их решения // Российское конкурентное право и экономика. 2021. № 1 (25). С. 52–59. <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2021-1-25-52-59>
11. Газета «Щит и Меч». 2023. Вып. 43. URL: https://мвд.рф/journal_list/journal/item/43983203/ (дата обращения: 20.03.2024).
  12. Доклад Росздравнадзора об осуществлении государственного контроля (надзора) в сфере охраны здоровья граждан и об эффективности такого контроля (надзора) за 2023 год. URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/about/plans> (дата обращения: 21.03.2024).
  13. Варламова А. Н. Конкурентное право и отраслевые товарные рынки: рынок лекарственных средств // Конкурентное право. 2018. № 4. С. 3–7. EDN: СКАРКН
  14. Шандра М. Ю. Правовое регулирование оборота лекарственных средств на потребительском рынке Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2018. 21 с.
  15. Колесников С. И., Дындиков И. Н. Прогноз последствий принятия законопроекта № 912246-7 о внесении изменений в законодательство об обращении лекарственных средств и о здравоохранении для российского фармрынка // Российское конкурентное право и экономика. 2020. № 2 (22). С. 72–81. <https://doi.org/10.32686/2542-0259-2020-2-72-81>
  16. Вронская М. В. Правовое регулирование фармацевтической деятельности в РФ: тенденции и перспективы «модернизационной» политики // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. Т. 10, № 4 (43). С. 90–98. <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2018-4/090-098>, EDN: ZBAIDB

Поступила в редакцию 17.04.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 06.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 17.04.2024; approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 06.05.2024; published 30.08.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 358–363

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 358–363

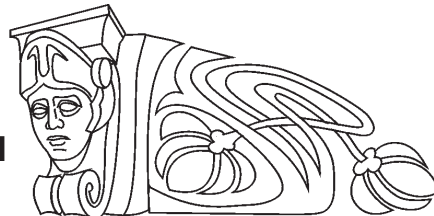
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-358-363>, EDN: VXGTSU

Научная статья

УДК 32.323.2

Внешние и внутренние угрозы как фактор риска для ведения эффективной политической коммуникации органов местного самоуправления

Р. А. Купин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Купин Роман Александрович, соискатель кафедры политических наук, 1101911@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0843-6711>

Аннотация. В статье обозначаются особенности политической коммуникации органов местного самоуправления в условиях новых информационных вызовов и угроз. Определяется роль муниципальных администраций в формировании информационного поля на примере Саратовской области. Анализируются задачи, стоящие перед главами местных администраций в процессе информационно-коммуникационного сопровождения своей профессиональной деятельности в социальных сетях. Выявляются факторы риска для информационного сопровождения деятельности органов местного самоуправления в современном информационном пространстве. В статье также рассматриваются информационные угрозы, связанные как с внутренними процессами, так и с внешними факторами влияния, с которыми местным администрациям и крупным, и небольшим муниципалитетам приходится работать в информационном пространстве. Также определен ряд критериев и рекомендаций, способствующих снижению информационных рисков и угроз, позволяющих в значительной степени повысить эффективность политической коммуникации органов местного самоуправления.

Ключевые слова: политическая коммуникация, местная власть, информационные угрозы, административные органы местного самоуправления, социальные сети

Для цитирования: Купин Р. А. Внешние и внутренние угрозы как фактор риска для ведения эффективной политической коммуникации органов местного самоуправления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 358–363. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-358-363>, EDN: VXGTSU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

External and internal threats as a risk factor for effective political communication of local governments

R. A. Kupin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Roman A. Kupin, 1101911@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0843-6711>

Abstract. The article outlines the features of political communication of local governments in the context of new information challenges and threats. The role of municipal administrations in the formation of the information field is determined by the example of the Saratov region. The tasks facing the heads of local administrations in the process of information and communication support of their professional activities in social networks are analyzed. The risk factors for information support of the activities of local governments in the modern information space are identified. The article also examines information threats related to both internal processes and external factors of influence that local administrations of both large and small municipalities have to work with in the information space. The author also defines a number of criteria and recommendations that contribute to reducing information risks and threats, which significantly improve the effectiveness of political communication of local governments.

Keywords: political communication, local government, information threats, local government administrative bodies, social networks

For citation: Kupin R. A. External and internal threats as a risk factor for effective political communication of local governments. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 358–363 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-358-363>, EDN: VXGTSU

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Муниципальный уровень власти – самый близкий к населению: именно здесь реализуются на первом этапе все политические инициативы граждан. Именно поэтому муниципальный уровень так подвержен рискам в области распределения информации [1]. Риск как понятие представляет собой ситуацию, где возможен неопределенный результат, который может привести к неблагоприятным последствиям.

В настоящее время не существует общепринятого определения информационного риска. Некоторые эксперты рассматривают его как «событие, которое может негативно сказаться на информации, например, привести к ее удалению, искажению, нарушению конфиденциальности или доступности» [2, с. 3/8]. Другие определяют его как «определенные и осознанные действия субъекта в информационной сфере, предполагающие возникновение возможных негативных последствий» [3, с. 124]. Однако, как показывает практика, риски не всегда вызваны осознанным действием, зачастую это абсолютно случайная информация.

В целом, информационный риск или угроза – это любые сведения, распространяющиеся в информационном поле и представляющие опасность для интересов общества, государства и отдельной территории, которые впоследствии могут привести к неблагоприятным результатам.

Различные группы информационных рисков можно классифицировать на основе нескольких критериев:

1) в зависимости от источника информации риски могут быть внутренними или внешними;

2) характер рисков может быть преднамеренным или непреднамеренным;

3) по виду риски могут быть прямыми или косвенными;

4) по результату риски можно разделить на нарушение достоверности информации, нарушение актуальности информации, нарушение полноты информации, нарушение конфиденциальности и др.;

5) риски могут быть связаны со стихийными бедствиями, авариями, ошибками специалистов и другими механизмами воздействия [2, с. 3/9].

Большую роль в работе с информационными рисками и угрозами может играть именно глава муниципального образования, который способен бороться с негативом посредством нескольких ролей:

– стать первоисточником и самому сообщить о ситуации, предотвратив со своей стороны распространение угрозы из других источников с недостоверными данными;

– представиться участником событий. Например, он может провести встречу с ответственными непосредственно на месте проведения работ по благоустройству территории. В этом случае происходит оперативное информирование населения о ситуации в районе;

– глава – представитель власти, поэтому он может проявить вовлеченность в разрешение проблем, возникших вследствие чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий, граждан;

– глава-хроникёр, который принимает участие в координации служб на месте, проверке выполнения поручений и демонстрации результата.

В Саратовской области угрозы зачастую связаны с внешними механизмами воздействия (например, информационные риски, связанные с началом сезонного паводка в муниципальных районах, лесными пожарами и иными чрезвычайными ситуациями). Многие главы весной 2023 г. во время паводка стали «хроникёрами» и «представителями власти» и информировали людей о текущей ситуации. Так, глава Воскресенского муниципального района Д. В. Павлов сделал серию постов о паводке и текущей ситуации с подробным фототчетом [4], чем нивелировал внешние риски; также А. А. Гречиго информировал о текущей обстановке [5], оказывал помощь жителям, пострадавшим в результате весеннего паводка, и рассказывал о возможности получить поддержку через социальные сети [6]. Главы работали с информационными потоками и в других общественно-резонансных случаях; например, глава Энгельсского района через свои личные сети опроверг слухи, которые появились на фоне трагедии с девочкой, пострадавшей из-за падения ворот [7].

Информационные риски и угрозы иногда носят фейковый характер, т. е. являются заведомо ложными. Фейковые новости (fake news) – это сфабрикованные новостные материалы, ложь в которых распознаваема и проверяема, хотя и способна ввести аудиторию в заблуждение [8, с. 50].

В декабре 2022 г. в регионе также произошла ситуация, связанная с международными политическими отношениями – были предприняты попытки атаки беспилотниками стратегической авиационной базы в городе

Энгельсе [9]. Такая ситуация в принципе является крупнейшей угрозой, однако впоследствии появившиеся информационные риски усугубили ситуацию. В социальных сетях и СМИ стали сообщать об эвакуации населения муниципалитета и выбросах вредных веществ в атмосферу, однако заведомо ложную информацию опроверг губернатор региона, эту информацию затем транслировал в свои социальные сети глава района Д. П. Плеханов. Учитывая масштаб риска, логично, что с этой информацией должно работать высшее должностное лицо региона, но в данной ситуации многие первоначально обращались именно к главе района и ждали именно его реакции. Ситуация показала, что глава муниципалитета – это лицо, от которого жители всегда ждут оперативной и достоверной информации, лицо, которое вызывает доверие и должно отвечать за территорию, которую представляет. Однако в этой ситуации органы местного самоуправления проявили закрытость – вместе с попытками атаки беспилотными летательными аппаратами аэродрома в Энгельсе, которая впоследствии сопровождалась информационной атакой ботов, на медиаресурсах главы и администрации в Telegram ограничили возможность комментирования, отчего у людей не было возможности задать интересующий вопрос.

Негативные последствия информационных угроз и фейков могут быть различного характера:

1) дестабилизация социально-политической ситуации на местном и региональном уровне;

2) формирование негативного имиджа органа местного самоуправления, местного политика, института местного самоуправления, региона и государства в целом;

3) дезинформация пользователей и др.

Для минимизации негативного эффекта информационных рисков необходимо вовремя их выявлять, анализировать и проводить отработку в медиапространстве. К сожалению, на данный момент у специалистов администраций недостаточно ресурсов и навыков для грамотной работы с таким неоднозначным явлением, как информационный риск.

Обращая внимание на возрастающую роль социальных сетей как канала политической коммуникации, органы власти разных уровней, политики и государственные служащие начинают вести активную работу в социальных медиа. «Этот канал стал эффективным инструментом обратной связи с населением для

муниципальных администраций и местных политиков. Он используется для информирования жителей муниципальных образований о деятельности органов местного самоуправления и произошедших изменениях и обеспечения диалога между главой муниципального образования, местной администраций, органами власти и населением. Кроме того, с помощью работы в социальных сетях можно обеспечить доступ к необходимым для населения сведениям, транслировать государственную повестку, формировать доверительные отношения между чиновниками и населением, создать позитивный имидж органов местного самоуправления и побудить людей к определенным действиям» [10, с. 185]. Регулярное взаимодействие и общение с пользователями позволяет власти выявлять проблемные вопросы, предлагать эффективные решения и помогать людям. «Обратная связь также помогает в принятии управленческих решений, контроле эффективности работы местной администрации и муниципальных учреждений. При этом коммуникацию органов местного самоуправления можно рассмотреть как некую систему, где информация поступает на “входе” и на “выходе” представляется в виде управленческих решений.

Из-за пандемии и ограничений, вызванных коронавирусом, социальные сети стали играть важную роль в публичной деятельности местных органов самоуправления, так как проведение встреч, приемов, слушаний и выездных собраний с жителями стало невозможным» [11, с. 424].

Как правило, активнее участвуют в процессе коммуникации с населением глава муниципального образования и местная администрация.

В марте 2022 г. местные политики и органы власти, включая органы муниципального самоуправления (ОМСУ), столкнулись с вызовом после блокировки социальной сети Instagram, принадлежащей экстремистской организации Meta. Запрет этой популярной социальной сети привел к потере аудитории в десятки тысяч подписчиков органами местного самоуправления в Саратовской области.

Одним из основных участников политической коммуникации на местном уровне является местная администрация, поскольку именно от нее исходят главные общественно-политические меседжи в муниципальном образовании. Однако в процессе коммуникации администраций муниципалитетов Саратовской области в социальных сетях можно заметить ряд нега-

тивных тенденций. В частности, неправильно расставлены приоритеты, когда задачей для администраций является не вовлечение целевой аудитории в транслируемую информацию, а выполнение поручений руководства и заполнение требуемых отчетов. При этом муниципалитеты недостаточно обеспечивают открытость информации: в ответ на запросы и обращения граждан часто приходят стандартные ответы, а информация на официальных страницах не всегда отражает наиболее актуальные вопросы населения. На страницах присутствуют стандартизация информации, шаблонность выпускаемых новостей и низкое качество контента, что делает информацию ОМСУ в социальных сетях неконкурентоспособной.

После блокировки Instagram многим администраторам пришлось пересмотреть подходы к работе, учиться заново взаимодействовать с людьми в незнакомой среде других, ранее менее популярных социальных сетей – это «ВКонтакте», «Одноклассники» и Telegram. За год официальные страницы администраций так и не смогли вернуть потерянную аудиторию полностью, лишь 96,2%. Также суммарно паблики администраций имеют крайне низкий охват населения в социальных сетях – по состоянию на май 2023 г. на страницы администраций было подписано всего 12,2% совершеннолетнего населения региона.

Администрация муниципалитета должна быть главным источником информации о жизни в этом районе, однако анализ показывает, что этот процесс не работает на должном уровне из-за того, что специалисты сталкиваются с новыми вызовами и не обладают достаточными компетенциями для создания качественного контента. Тем не менее именно высокое качество контента является ключевым фактором в эффективной политической коммуникации и трансляции необходимых сообщений.

Большую популярность, однако, стали приобретать, личные страницы местных политиков, т. е. глав муниципалитетов. Люди охотнее доверяют личности, реальному человеку, а потому пользователи социальных сетей активнее подписываются на аккаунты глав, чем на официальные страницы органов власти или органов местного самоуправления. Главам районов, в свою очередь, не только удалось вернуть потерянную аудиторию, но и значительно приумножить ее, даже учитывая, что многие главы за это время сменились и некоторым районам пришлось с нуля привлекать аудиторию на страницы глав. Суммарное количество под-

писчиков увеличилось на 20 035 чел. и составило 216 876 чел. – это 11,8% жителей региона старше 18 лет. В лидерах по числу подписчиков к численности населения оказались главы небольших МО, на последних местах, напротив, – крупные территории. Это обусловлено сложным процессом продвижения страниц в условиях городов и обилием информационных источников. Учитывая возрастающее количество фейковой информации в социальных сетях, официальные источники сильно уступают неофициальным ресурсам.

У многих глав при этом отсутствует стратегия позиционирования, зачастую мнение самого главы не афишируется, публикации носят обезличенный характер, а информация не воспринимается пользователями, о чем говорит низкий показатель вовлеченности. В некоторых случаях страница ведется ради рейтинга, отчета, но не для реальной коммуникации с жителями. Технология «Новой искренности» также практически не работает, только несколько глав регулярно проявляют эмпатию к жителям.

Угрозой и препятствием для развития являются недостаточно качественное ведение муниципальных ресурсов и многочисленные недочеты в публикуемом контенте, которые могут не только повлиять на стагнацию в продвижении аккаунта или отток подписчиков, но и стать серьезным репутационным и имиджевым риском для органов местного самоуправления.

Вместе с тем в эпоху неопределенности у населения растет спрос на региональную и местную инициативу, так как источником страха и тревоги становится федеральная и международная политика. В это время политики и проекты на местном уровне могут помочь разрешить эти проблемы и уменьшить тревожность людей. Люди будут более заинтересованы в местных проблемах и инициативах, поэтому важно, чтобы местные власти активно общались с населением и доказывали свою компетентность. Тренд на «Новую искренность» сменяется на «циничную откровенность» или «сверхновую честность». От политиков ждут полной открытости и максимальной честности, поэтому им нужно научиться говорить доступным языком и прозрачно объяснять ситуацию, а также быть готовыми к диалогу и критике. Главная задача местных властей в этот период – уменьшить тревогу людей и внушить им уверенность в завтрашнем дне.

Муниципальный уровень власти – самый близкий к населению, потому он особо подвер-

жен информационным рискам и распространению фейковой информации. Риском может стать любое происшествие, чрезвычайная ситуация или информация, которая негативно сказывается на местной власти. ОМСУ в Саратовской области регулярно сталкиваются с рисками, но не всегда эти риски сглаживаются оперативно – многим специалистам в администрации не хватает должного опыта и навыков для работы с таким сложным явлением.

Однако для повышения эффективности политической коммуникации и адаптации к запросам общества все еще требуются большие материально-технические, финансовые, человеческие и иные ресурсы, которыми на данный момент многие органы местного самоуправления не обеспечены. Специалисты по медиакоммуникациям в администрациях часто загружены другими направлениями деятельности, а главы в основном не имеют возможности уделить должное внимание этому направлению из-за высокой занятости, отсутствия финансирования или проявления определенного нигилизма по отношению к информационной работе. Количество задач, связанных с ведением коммуникации, возрастает в связи с принятием законов и других нормативных актов, которые определяют правила ведения социальных сетей, и общественно-политической обстановкой в стране. Однако органы местного самоуправления не готовы к такому объему задач, и пока не будут решены организационные вопросы на местном уровне, достижение эффективной коммуникации невозможно.

Для решения выделенных проблем необходим комплексный и системный подход. Так, можно выделить несколько уровней.

1. *Нормативный уровень.* На этом уровне необходимо приведение нормативно-правовых актов, касающихся ведения коммуникации органов местного самоуправления, к единому стандарту. На федеральном уровне на данный момент закреплены требования к созданию и ведению пабликов органов местного самоуправления, обязательные социальные сети для ведения на их платформе официальных страниц, а также определен координатор создания и ведения госпабликов в лице АНО «Диалог Регионы». Однако на уровне Саратовской области отсутствуют рекомендации к принятию органами местного самоуправления нормативных актов, регулирующих коммуникационную деятельность. Поэтому в большей части муниципальных образований Саратовской области отсутствует документ, устанавливающий требо-

вания к ведению аккаунтов ОМСУ и подведомственных им учреждений. Стоит отметить, что без необходимой нормативной базы становится проблематичным выделение финансирования, которое покрывает возникающие потребности при ведении коммуникации.

2. *Материально-финансовый уровень,* подразумевающий обеспечение процесса ведения коммуникации на муниципальном уровне. Главная проблема заключается в том, что федеральный закон обязывает ОМСУ и бюджетные учреждения вести страницы в социальных сетях, однако никаких дополнительных источников финансирования на это не выделяется. В частности, возможно включение расходов на информационное освещение и сопровождение деятельности администрации муниципального образования по социально-экономическому развитию в социальных сетях в бюджет МО по аналогии с тем, как выделяют финансирование на СМИ и печатные издания.

3. *Структурный уровень* – включение специалистов по работе с медиаресурсами в общую структуру администрации МО. Так, в больших муниципалитетах возможно создание специализированных медиаотделов. Также крайне важно разделение полномочий при работе с интернет-ресурсами. Например, сейчас многие сотрудники администраций совмещают такие направления работы, как PR, работа со СМИ, работа с системой «Инцидент-Менеджмент» и т.д. При этом ведением официальных аккаунтов в социальных сетях и работой с обращениями в интернете должны заниматься разные люди. Также на этом уровне необходимо закрепление должностных инструкций по каждому направлению работы.

4. До сих пор большой проблемой остается *кадровый вопрос* – на муниципальном уровне не хватает специалистов с профильными навыками по ведению эффективной коммуникации в интернете. Кроме того, условия работы на местном уровне для многих специалистов в сфере медиакоммуникаций не являются привлекательными: так, в числе вызывающих недовольство факторов – низкие заработные платы и зачастую ненормированный график работы. Поэтому, прежде всего, необходимо начать с создания благоприятных для работы условий.

Кроме того, необходимо внедрять в образовательные программы блоки о специфике политической коммуникации в социальных сетях, например, на базе высшего образования с профильными направлениями: «Политология», «Государственное и муниципальное

управление» и т.д. Также рекомендуется организовать специализированные программы на базе дополнительного образования.

5. *Методический уровень*, подразумевающий постоянную работу по совершенствованию и повышению качества навыков специалистов по медиакоммуникациям в ОМСУ. На данный момент этот процесс организован на базе ЦУР Саратовской области, который также является центром цифровых компетенций в соцмедиа. Тем не менее у специалистов остро ощущается недостаток в мероприятиях по обмену опытом в сфере коммуникаций и практико-ориентированных семинаров.

6. *Мотивационный уровень*, в рамках которого можно создать целый спектр мероприятия по повышению интереса к ведению соцмедиа. Во-первых, это регулярное рейтингование муниципальных образований по ведению социальных сетей. Эта работа проводится, но нерегулярно. Кроме того, рейтингование и оценку проводят разные организации, чьи методики могут отличаться, а потому приведение их к единому стандарту тоже необходимо. Во-вторых, проведение мероприятий по награждению специалистов и администраций, которые показали себя лучшим образом или предложили эффективные практики в сфере коммуникаций.

7. *Координационный уровень*. Необходимо создание координационного центра или передача таких полномочий одной из структур, которая поможет сбалансировать поступающие на местный уровень задачи в сфере коммуникаций.

Стоит отметить, что без многостороннего подхода к организации политической коммуникации на местном уровне со стороны федеральной и региональной власти, органов местного самоуправления эффективность работы в медиа останется на текущем уровне, а проблемы будут только усугубляться.

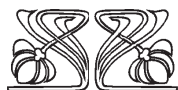
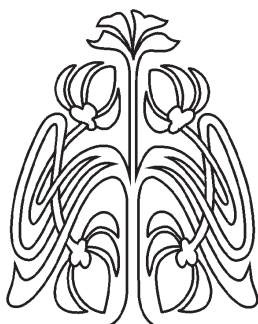
Список литературы

1. *Балынская Н. Р., Ибрагимова О. В., Чуприн В. В., Волков С. Ю.* Специфика информационных рисков в системе муниципального управления современной России // Вопросы управления. 2019. № 6 (61). С. 15–24. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2019-6-15-24>, EDN: ZUONCT
2. *Киселева И. А., Искаджян С. О.* Информационные риски: методы оценки и анализа // ИТпортал, 2017. № 2 (14). URL: <http://itportal.ru/science/economy/informatsionnye-riski-metody-otsenk/> (дата обращения: 27.03.2024).
3. *Марков А. А.* Понятие и характеристика информационных рисков, опасностей и угроз в современном постиндустриальном обществе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. 2010. № 1 (11). С. 123–129.
4. Паводок 2023 // Глава Воскресенского района 64. URL: https://t.me/denisipavlov_vmr/2081 (дата обращения: март 2024 г.).
5. Продолжаю контролировать ситуацию с паводком в Петровске // Александр Гречихо. URL: https://t.me/petrovsk64_glava/10342 (дата обращения: 27.03.2024).
6. В администрации Петровского района идёт приём документов для оказания единовременной материальной помощи жителям // Александр Гречихо. URL: https://t.me/petrovsk64_glava/10385 (дата обращения: 27.03.2024).
7. Сегодня произошёл несчастный случай в селе Титоренко // Дмитрий Плеханов. URL: <https://t.me/plehanovdp/788> (дата обращения: 28.02.2024).
8. *Распопова С. С., Богдан Е. Н.* Фейковые новости: природа происхождения // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 11 (407). С. 48–53. EDN: YLQNIIF
9. В Энгельсе сбит украинский беспилотник: Как БПЛА долетел и где их клепали // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27490/4700495/> (дата обращения: 28.02.2024).
10. *Захарова А. Д.* Публичная деятельность глав муниципальных образований в социальных сетях // Современные технологии управленческого образования (к 100-летию Саратовского Комвуза) : сб. науч. ст. Саратов : Поволжский ин-т управления им. П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС, 2023. С. 182–188.
11. *Захарова А. Д.* Особенности политической коммуникации органов местного самоуправления в социальных сетях // Молодой ученый. 2023. № 23 (470). С. 423–425. <https://moluch.ru/archive/470/103935/?ysclid=lvvxb8e19p758130469> (дата обращения: 28.02.2024).

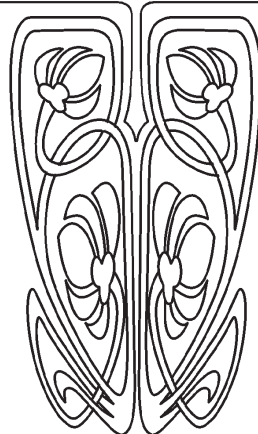
Поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 06.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 10.04.2024; approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 06.05.2024; published 30.08.2024

ПОДПИСКА

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36016

Оформить подписку на печатную версию

можно в интернет-каталоге

ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Электронная версия журнала находится

в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7 (845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского,

социологический факультет

Тел./факс: +7(845-2) 21-36-60, 51-81-26

E-mail: timur_temaev@mail.ru, vil57@yandex.ru

Website: <https://soziopolit.sgu.ru>

ISSN 1818-9601

24003

9 771818 960107

ISSN 1818-9601 (Print). ISSN 2541-8998 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Социология. Политология. 2024. Том 24, выпуск 3

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития

Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

